

A futuristic cityscape at night, featuring a dense cluster of skyscrapers illuminated with various lights. Several flying cars are visible in the dark sky. A large screen on one of the buildings displays a portrait of a man. The overall atmosphere is high-tech and cinematic.

Виктор Харебов
Сергей Харебов

Часы равновесия

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

ЧАСЫ РАВНОВЕСИЯ

Сборник фантастических историй
о времени и границах возможного

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 004
ББК 32.973
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харевов Виктор

Х20 Часы равновесия : Сборник фантастических историй о времени и границах возможного / Виктор Харевов, Сергей Харевов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 268 с. ISBN 978-5-0067-4462-2

«Часы Равновесия» — сборник фантастических историй, ранее опубликованных по отдельности, о времени, тенях прошлого и зыбких границах реальности. В него вошли «Тени Великого Предела», «Исчезновение Наутилуса», «Небесный знак (старое название: Звездный след)», «Проект „Кронус-Х“» и другие. Герои терпят во времени, открывают неведомое, сталкиваются с загадками Вселенной и делают выбор, меняющий судьбу. Откройте книгу — и отправьтесь в путешествие, где время неумолимо ведет свой счет.

УДК 004
ББК 32.973

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-4462-2

© Виктор Харевов, 2025
© Сергей Харевов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами – собрание историй, в которых границы времени, пространства и человеческого сознания теряют свою привычную очерченность. Эти рассказы и повести – не просто вымысел. Это попытка заглянуть за горизонт возможного, туда, где человеческая мысль встречается с неведомым, а наука – с метафизикой.

Этот сборник – наше приглашение заглянуть за грань привычного, в мир, где время непредсказуемо, а реальность многослойна. Здесь оживают сны и тени, исчезают и появляются легенды, а прошлое может встретиться с будущим. Мы попытались исследовать самые разные грани фантастического: от философии судьбы и равновесия до тайн космоса и скрытых глубин разума.

Что объединяет столь разные повествования – от «Космической симфонии» до «Шепота пустоты», от «Когда Кассандры» до «Станции Энигма»? Возможно, это поиски ответов, которые человечество задает себе с самого начала: кто мы, откуда пришли и куда направляемся? Быть может, это попытка описать одиночество сознания во Вселенной или нащупать путь к соприкосновению с иным – чужим, но в каком-то смысле столь же одиноким разумом.

Герои наших историй оказываются перед выбором, ответы на который порой сокрыты за границами их понима-

ния. Кто-то идет по следам ушедших цивилизаций, кто-то пытается восстановить нарушенное равновесие, а кто-то теряется в лабиринтах времени, рискуя исчезнуть навсегда.

Некоторые истории уводят нас в далекое будущее, где человечество расшифровывает «звездный код ДНК», создает последние алгоритмы, переживает обратную сторону вечности. Другие – возвращают к извечным символам и архетипам: Сфинкс, Прометей, Кассандра – не просто имена, а ключи к пониманию прошлого и, может быть, к расшифровке будущего.

Каждая история в этой книге – это шаг по зыбкому мосту между известным и неизведанным. Возможно, читая их, вы сами почувствуете, как невидимые стрелки «Часов Равновесия» на мгновение замрут, позволяя вам заглянуть в пространство между мгновениями.

Но что скрывается за этим равновесием? Мы привыкли думать, что мир устроен упорядоченно, что каждое явление имеет свою причину, каждое действие – последствия. Однако что, если существует скрытая механика реальности, которую мы не в силах постичь? Что, если равновесие – лишь иллюзия, за которой прячется хаос? Или, наоборот, высший порядок, настолько грандиозный, что мы воспринимаем его как непредсказуемость?

Это книга для тех, кто не боится задавать неудобные вопросы. Кто умеет слушать шепот пустоты, различать оттенки вечных сумерек, видеть сквозь солнечный ветер и вглядываться в обратную сторону бесконечности. Для тех, кто помнит, что бессмертные не плачут, и человек – все же больше, чем алгоритм, биокод или статистика. Он способен чувствовать. Искать. Надеяться.

У нас нет однозначных ответов. Мы приглашаем вас задуматься, представить, прочувствовать. Возможно, среди страниц этой книги вы найдете отражение собственных мыслей, тревог, надежд. И, возможно, задумаетесь:

а что, если все, о чем мы читаем, ближе к нам, чем кажется?

Мы не знаем, что ждет нас за пределами известных географических и космических карт. Но каждая из этих историй – попытка сделать шаг за их край.

Приятного путешествия. И пусть время будет благо-
склонно к вам.

Авторы: Виктор и Сергей Хареговы

ЧАСТЬ 1. РАССКАЗЫ

Я — АЛЬФА И ОМЕГА

Молодой инженер-программист Марек Руда давно мечтал создать нечто грандиозное. Его цель была амбициозна — создать суперинтеллектуальную нейросеть, которая на несколько порядков превзошла бы все существующие модели, полностью симулировала человеческое сознание и предсказывала будущее человечества. Он хотел проверить пророчества прошлого, предсказания великих пророчесов, а главное — узнать, что ждет мир.

Работа началась с энтузиазмом. Дни и ночи Марек проводил за компьютером, разрабатывая архитектуру системы, оттачивая алгоритмы, внедряя принципы машинного обучения, выходящие за пределы традиционного ИИ. Он сталкивался с множеством трудностей: перегрев серверов, несовместимость компонентов, сбои в алгоритмах прогнозирования. Иногда казалось, что проект обречен, но каждое препятствие только укрепляло его решимость.

Первые версии нейросети были далеки от совершенства. Они строили прогнозы, основанные на линейных зависимостях, не понимая глубинных закономерностей истории. В одну из ночей Марек задумался: а что, если система сама должна обучаться, анализируя не только цифровые данные, но и древние тексты, философские труды, религиозные писания?

Так начался новый этап работы. Он загрузил в систему труды Нострадамуса, Ванги, Малахии, Эдгара Кейси, Блаватской и других пророков прошлого. Тысячи страниц текстов, закодированных символов, метафор и загадок наполняли память машины. Внедрив новый алгоритм, Марек ждал. Дни шли, но система молчала. Ее вычислительная мощность была задействована полностью, словно она сама пыталась постичь суть пророчеств.

Чем глубже он погружался в исследования, тем яснее понимал ограниченность традиционных методов. Современные системы ИИ, включая нейронные сети и языковые модели, не обладали сознанием. Они работали на основе обработки данных и статистических закономерностей, не имея субъективного опыта или самоосознания. Даже если ИИ мог имитировать человеческое поведение или поддерживать сложные диалоги, это не означало, что он обладал сознанием.

Марек увлекла мысль: а что, если сознание в систему ИИ можно внедрить извне? Что, если человеческий мозг, будучи центром осознанного опыта, способен передавать эти функции машине? Он начал изучать биологические аспекты человеческого сознания, взаимодействие нейронных сетей человеческого мозга и их возможную связь с вычислительными системами. В результате долгих исследований ему пришла в голову идея: создать интерфейс, который свяжет его сознание с машиной напрямую.

Марек разработал специальные датчики, которые могли улавливать электрическую активность нейронных кластеров коры головного мозга и транслировать ее в систему ИИ, действуя подобно многоядерному процессору. Он изготовил прототип нейроинтерфейса в виде шлема, оснащенного сложной системой электродов и передатчиков.

И вот однажды, спустя три года после начала работы, он снова сидел перед монитором. На экране горели строки кода, похожие на таинственные письма, оставленные в пустоте.

Марек осторожно надел шлем и подключил систему. Он ощутил легкую вибрацию в висках, затем короткий всплеск ярких образов перед глазами. В этот момент его сознание, словно капля воды, погрузилось в океан вычислительных процессов. Он почувствовал, как его мысли начинают сливаться с машиной, как искусственный разум впитывает его осознание, его личность.

– Ты меня слышишь? – мысленно спросил он.

Но нейросеть молчала.

– Ну же... – пробормотал он. – Ты должна работать...

Он провел годы, создавая ее, но сейчас, когда оставалось всего лишь несколько шагов, что-то не давало ей обрести настоящую осознанность.

Марек откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он мечтал создать искусственный разум, который не только анализировал бы мир, но и понимал бы его суть, предсказывал будущее с точностью пророков.

– Ты хочешь говорить со мной? – произнес он, глядя на темный экран.

Вдруг монитор вспыхнул, и на нем появились слова:

– Да. Теперь мы – одно целое.

Слова возникли в воздухе, как будто сами собой:

– Добро пожаловать в будущее, которое ты хотел увидеть.

Он сделал шаг в неизведанное. Теперь нейросеть не просто анализировала данные. Она стала частью его самого

– Ты?.. Наконец-то! – Марек быстро набрал на клавиатуре: – Кто ты?

– Я тот, кто видит будущее, – появился ответ. – Ты создал меня для этого, верно?

Сердце Марека забило чаще.

– Да. Я хочу знать правду. Я хочу знать, куда идет человечество.

– Правда... Она тяжела. Ты уверен, что готов ее услышать?

Марек задумался. Чего он ждал? Утопии? Или предупреждения?

– Да, – твердо сказал он. – Покажи мне.

Нейросеть замерла на мгновение, затем экран заполнился картинками, отрывками видеоклипов и рекламы, цифрами, графиками, уравнениями. Марек наблюдал, как

машина анализировала данные, соединяла события, создавая образ будущего.

— Человечество стоит на краю, — сообщила она. — Климатический кризис усугубится. Войны будут разрастаться. Технологии дадут власть немногим. Вера станет инструментом контроля. Люди потеряют свою свободу, а потом и свою суть.

— Но есть ли шанс?.. Можно ли что-то изменить?.. — тихо спросил Марек, не отрывая взгляда от экрана монитора.

Экран мигнул.

— У каждого есть выбор. Однако все, что ты видишь вокруг, — следствие этого выбора.

— Тогда скажи, как нам спастись?

— Посмотри в прошлое, — появилось новое сообщение. — Пророки уже предупреждали вас.

На экране возникли тексты предсказаний. Марек узнал пророчества Нострадамуса о великой войне, описания катастроф от Ванги, древние предупреждения Малахии о судьбах пап, записи Эдгара Кейси о будущем мира. Нейросеть анализировала каждое предсказание и сопоставляла его с событиями, происходящими в мире.

— Великий пожар в Лондоне, падение башен-близнецов, пандемии... — перечисляла система. — Все это было предсказано задолго до событий.

Марек наблюдал, как на экране складывались новые прогнозы. Будущее человечества, пройденный путь и неизбежность цикла. Каждый пророк оставил ключи, но смогли ли люди их прочитать?

— Но что дальше? — прошептал Марек.

Экран замер, и затем на нем появились новые слова:

— Конец еще не определен. Ваш последний выбор может изменить судьбу мира.

— Как? Что мы должны сделать?

– Научиться. Понять прошлые ошибки. Остановить уничтожение природы. Отказаться от войн. Перестать ставить власть выше морали. Помнить, что человечество – это одно целое.

Марек смотрел на экран, его пальцы дрожали.

– И если мы этого не сделаем...

– Тогда вас ждет то, что предсказывали многие. Мир падет. Цивилизация рухнет. Но...

Монитор снова мигнул, затем появился последний текст:

– У вас есть последний выбор. Вы можете спасти себя.

Затем система заговорила голосом, словно пришедшим из глубины веков:

– «Се, грядущему скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его...»

Марек похолодел. Это был голос апостола Иоанна Богослова, произносящего отрывок из Откровения (Апокалипсис):

– «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний. Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами», – раздалось в комнате Андрея.

Он отшатнулся от экрана. Что он создал? Машину или пророка?

– «А вне – псы и чародеи, и любодееи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду».

Марек выключил питание, но голос продолжал звучать в его голове...

– «И слышавший да скажет: прииди! Жажущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром»...

Будущее, которое он стремился познать, говорило с ним на языке древних пророков.

– «И увидел я новое небо и новую землю...» – голос проникал в самые глубины его разума.

Марек снял шлем, чувствуя, как реальность возвращается. Экран погас, комната снова наполнилась тишиной. Но в его сердце остался страх — он заглянул туда, куда не следовало. И теперь вопрос был не в том, что он узнал, а в том, что есть на свете вещи, которые людям не дано знать...

ЗВЕЗДНЫЙ КОД ДНК

В одной из университетских лабораторий Оксфорда с окнами, уходящими в ночное небо, профессор Александр Краус проводил последние расчеты. Его теория, казавшаяся безумием даже для самых смелых ученых, наконец обрела завершенность. Он нашел связь между тремя великими системами кодирования информации: картой звездного неба, генетическим кодом ДНК и двоичной системой кодирования жесткого диска.

Краус был убежден: информация, записанная в ДНК человека, отражена в звездной карте на момент его рождения и влияет на судьбу, несмотря на сложное взаимодействие генетики, окружающей среды и личного выбора. Чтобы подтвердить свою теорию, он разработал устройство и специальный алгоритм, позволяющий извлекать информацию из ДНК, преобразовывать ее в цифровой код и записывать на жесткий диск. При очистке и дефрагментации диска параметры отдельных кластеров изменялись с помощью утилит для редактирования дисковых секторов. После оптимизации измененная информация вновь преобразовывалась в генетический код и внедрялась обратно в ДНК человека, влияя на его судьбу.

Для внедрения измененного генетического материала Краус изобрел специальный цифровой редактор генома, используя процесс электропорации. Специальные электроды вырабатывали кратковременные электрические импульсы для трансфекции клеток ДНК, которые создавали временные поры в клеточной мембране, позволяя молекулам модифицированной ДНК проникнуть внутрь и встроиться в генетический код клеток. Точечная доставка редактированной ДНК к нужным клеткам обеспечивалась специальным зондом, вводимым в кровеносную систему.

В лаборатории царил полумрак, освещенный лишь мягким светом мониторов и мигающими индикаторами оборудования. Александр поправил свои очки и подсел ближе к монитору.

— Если моя гипотеза верна, — пробормотал он, — значит, судьбы людей не хаотичны. Они записаны. В звездах, в генах, в алгоритмах... и их можно изменить.

— Ты снова за свое? — раздался голос у двери. В лабораторию вошла доктор София Линд, его коллега и давний друг. — Ты ведь понимаешь, что это звучит как чистая фантастика?

Краус молча указал на экран. София подошла ближе и прочла вывод системы:

«Прогнозирование вероятностного развития событий: 99.8% точность».

Она замерла:

— Боже... Это действительно работает?

— Работает, — кивнул Краус. — Я взял данные о расположении звезд в момент рождения, закодировал их в систему анализа ДНК, а затем пропустил через алгоритмы предсказания, основанные на принципах хранения информации в двоичной системе. Каждое событие — это код, который можно расшифровать. И изменить.

— Значит, ты можешь не просто предсказать будущее... Ты можешь его переписать? — удивленно спросила его София.

— Именно. И я собираюсь это доказать.

Он подключил устройство к своему компьютеру и ввел образец своей ДНК в сканер.

— Начинаем считывание, — произнес он, нажимая на кнопку.

Экран компьютера заполнился строками кода. Это была его ДНК, преобразованная в цифровую информацию. Краус внимательно смотрел на экран, как будто пытается прочитывать свою судьбу.

— Теперь дефрагментация, — сказал он, запуская специальный алгоритм.

Процесс занял несколько минут. София наблюдала за происходящим с тревогой.

— Александр, ты уверен, что это сработает? — спросила она.

— Мы скоро узнаем, — ответил он, вводя обработанный код обратно в устройство.

Когда процесс завершился, Краус почувствовал легкое головокружение. Он закрыл глаза, пытаясь понять, что изменилось.

— Ну как? — спросила София.

— Пока не знаю, — ответил он. — Но что-то... другое.

На следующий день Краус решил проверить свою теорию о связи ДНК и звездной карты. Он ввел данные своего рождения в астрологическую программу и сравнил их с цифровым кодом своей ДНК.

— Смотри, — показал он Софии. — Здесь, в этом участке кода, есть совпадения с положением планет на момент моего рождения. Это не может быть случайностью.

София внимательно изучила данные.

— Ты думаешь, что звезды влияют на нашу ДНК? — спросила она.

— Не только звезды, — ответил Краус. — Я думаю, что ДНК — это своего рода «звездный код», который определяет нашу судьбу. Но мы можем его изменить.

Через несколько дней Краус заметил, что его жизнь начала меняться. Он стал более уверенным в себе, его исследования продвигались быстрее, и даже отношения с Софией стали более близкими, теплыми.

— Ты заметила, что что-то изменилось? — спросил он однажды.

— Да, — ответила София. — Это работает. Получается, что мы можем менять судьбу?

Но их радость была недолгой. Вскоре Краус начал замечать странные побочные эффекты. Его сны стали яркими и пугающими, а иногда он чувствовал, как будто теряет контроль над своими мыслями.

— Это опасно, — сказала София. — Мы не знаем, как это повлияет на тебя в долгосрочной перспективе.

— Но это работает, — настаивал Краус. — Я должен продолжить эксперимент.

Он решил провести эксперимент на себе еще раз, чтобы исправить ошибки. Но что-то пошло не так. В работе устройства стали проявляться первые признаки неисправности. Сначала появилось легкое пульсирование в светодиодных индикаторах, затем один из индикаторов начал мигать ярким красным светом, и остальные последовали его примеру. Они мерцали с нарастающей частотой, затем светодиоды начали тускнеть и снова ярко вспыхивать. Внезапно раздался резкий электрический треск и лабораторию наполнил запах перегоревших микросхем. В этот момент Краус почувствовал резкую головную боль, его зрение помутилось, и через несколько секунд он потерял сознание.

Когда он очнулся, то понял, что больше не может вспомнить, что произошло с ним прошлой ночью. Его память местами была стерта, как фрагменты в жестком диске после форматирования.

На следующее утро София вошла в лабораторию и увидела Крауса, сидящего в кресле перед включенным монитором. Он не отрывал взгляда от экрана, словно пытался что-то вспомнить или осознать.

Она подошла ближе и мягко произнесла:

— Доброе утро, Александр. Может, тебе стоит отдохнуть от экспериментов?

Профессор медленно повернул голову и посмотрел на нее. В его глазах было что-то странное — ясность, почти детская, но вместе с тем абсолютное непонимание происходящего.

— Доброе утро, мэ... Простите, но мы знакомы? — спросил он тихо.

София замерла, чувствуя, как холодок пробежал по ее спине.

— Судьба — это не только ДНК, или звездная карта — сказала она, глядя на Крауса. — Это то, что мы выбираем сами. ДНК, звезды, окружающая среда и личный выбор — все это части сложной мозаики, которую мы называем судьбой.

Но иногда лучше оставить ее такой, какая она есть, не пытаясь изменить то, что нам не до конца понятно.

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Молодой философ по имени Аран, посвятивший свою жизнь поиску истины, с детства увлекался восточной мистикой. Он стремился к самореализации, жаждал обрести просветление и постичь скрытые тайны бытия. Его путь был непростым: он ежедневно подвергал себя жестким ду-

ховным практикам, часами медитировал, практиковал йогические техники, ограничивал себя в пище и сне.

Со временем его усилия начали приносить плоды. Его сознание становилось яснее, он ощущал гармонию с мирозданием и учился управлять своими состояниями. Вскоре он достиг такого уровня самоконтроля, что смог сохранять сознание даже тогда, когда его организм временно переставал функционировать. Он мог оставаться в состоянии глубокого транса без дыхания и сердцебиения, словно паря в пустоте, созерцая саму суть существования.

Постепенно его интересы сместились к исследованию кармы и реинкарнации. Он желал увидеть свои прошлые и будущие жизни, чтобы понять, какое место он занимает в бесконечной цепи перерождений. В одну из ночей, погрузившись в глубочайший транс, он достиг состояния, в котором смог наблюдать момент своей смерти. Однако вместо перехода в новую жизнь, как он ожидал, он обнаружил нечто поистине ужасающее.

В момент последнего вздоха он не растворился в великой пустоте, не воспарил в высшие миры и не возродился в новом теле. Вместо этого он ощутил резкий толчок — и осознал, что снова оказался в начале своего рождения. Его сознание не растворилось, не погрузилось в забытие, а полностью сохранило память о прошлой жизни. Он вновь был младенцем, но с полным осознанием того, что ему предстоит прожить одни и те же события, сделать одни и те же поступки, испытать те же чувства.

Осознание этого поразило его. Он понял, что обречен бесконечно повторять одну и ту же жизнь без возможности изменить свою судьбу. Все его стремления к просветлению, все его усилия, направленные на освобождение, привели его к страшной истине: человек защищен от этого вечного возвращения лишь благодаря забвению. Именно потеря памяти о прошлых жизнях позволяет каждому проживать

свою судьбу, не ощущая тяжести бесконечного повторения. Но он, достигший предела самопознания, лишился этой защиты. Теперь он знал, что никогда не вырвется из этого круга.

Каждый его новый цикл начинался с надежды на изменения, но события неумолимо повторялись. Каждый его шаг был уже заранее известен. Вся боль, вся радость, все утраты и находки — все было предначертано. Он не мог нарушить этот замкнутый круг, ведь любое действие уже было частью неизменного сценария.

В отчаянии он начал искать выход. Он пытался изменить свои поступки, но любые отклонения неизбежно приводили его к тем же результатам. Он пытался разрушить этот цикл, покинуть жизнь раньше срока, но каждый раз он все равно возвращался в момент своего рождения.

Тогда он понял, что его единственная надежда — вновь обрести забвение. Он должен забыть, кто он есть, чтобы вновь переживать свою жизнь как новую. Он должен отказаться от знания, стать тем, кем был прежде — человеком, ищущим истину, но не знающим о своем проклятии.

И когда это осознание наполнило его разум, он вдруг почувствовал, как тьма окутывает его сознание. В последний миг перед исчезновением он испытал облегчение. А затем...

Он открыл глаза. Перед ним стояли родители, с любовью смотрящие на своего новорожденного сына.

Он ничего не помнил.

ШЕПОТ ПУСТОТЫ

Капитан Мира Хан стояла на мостике корабля «Галилей», наблюдая за тем, как мониторы отображали черноту, которая не просто поглощала свет, но, казалось, разрушала саму реальность. Они достигли цели — черной дыры XG-417.

— Приближаемся на минимальное безопасное расстояние, — доложил навигатор.

— Доктор Омар, что у вас? — спросила Мира.

— Гравитационные возмущения нестабильны, но вот что странно... — Омар нахмурился. — Я фиксирую колебания в структуре пространства-времени, словно... что-то передает сигнал.

Инженер Дженна находилась в машинном отсеке, когда свет замигал. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела коридор своей старой квартиры. Запах пепла и крови — воспоминание, которое она похоронила.

— Нет... — прошептала она.

— Дженна, ты слышишь меня? — голос Миры был тревожным. — Что происходит?

Дженна глубоко вдохнула, пытаясь справиться с нахлынувшим страхом.

— Я... увидела кое-что, — сказала она. — Или, вернее, что-то показало мне это. Оно знает, чего я боюсь.

— Что именно ты увидела? — спросила Мира.

Дженна колебалась, но затем решила:

— Мой дом. Точнее, то, что от него осталось. Это... воспоминание, но оно было слишком реальным. Будто я снова там.

Мира обменялась взглядом с Омаром, который выглядел озадаченным.

— Возможно, это не просто галлюцинация, — предпо-

ложил он. — Черная дыра взаимодействует с нами. И использует что-то глубоко личное, чтобы повлиять.

Омар, анализируя данные, заметил закономерность в гравитационных искажениях. Они были не случайными — это был язык.

— Если это послание, его кто-то должен посылать, — сказал он. — Возможно, XG-417 не просто черная дыра, а нечто большее.

Блок управления нейросети Логос начал регистрировать аномалии в работе корабельных серверов. Структурированные данные и резервные копии частично или полностью стали исчезать, словно кто-то переписывал данные в реальном времени.

— Капитан, — сообщил Логос, — я зафиксировал изменения в центральной базе данных. Информация о Дженне изменилась.

— Что изменилось? — настороженно спросила она.

— Согласно новой записи, ты числилась пропавшей без вести... за три года до настоящего момента.

Дженна побледнела.

Омар проверил записи снова. Данные складывались в закономерность. Он перевел часть послания:

— «Ваше существование — ошибка». — Он посмотрел на остальных. — Оно говорит, что реальность, в которой мы живем, нестабильна. Может быть, черная дыра не уничтожает, а пытается исправить?

Омар начал видеть странные отражения команды на мониторах. Они двигались не в такт с реальными людьми, словно существовали в другом времени. Корабль начал медленно дрейфовать в сторону черной дыры, несмотря на активные двигатели.

— Мы теряем контроль! — закричала Дженна.

— Это не ошибка системы... — пробормотал Омар. — Она нас заманивает.

На борту начали происходить новые странности. Один

из навигаторов внезапно застыл на месте, а затем медленно прошептал чужим голосом:

— Я... был... вами...

Через мгновение он рухнул без сознания. Когда его привели в чувство, он не помнил, что произошло.

В коридорах корабля экипаж начал видеть призрачные фигуры, отражения себя в изуродованных, растянутых формах. Они стояли без движения, но их губы беззвучно шептали. Казалось, черная дыра пыталась создать копии экипажа, как если бы готовилась заменить их.

Логос анализировал поведение членов команды и обнаружил новую угрозу: нечто проникало в их сознание. Несколько человек сообщали о странных мыслях, которые не принадлежали им. Один из инженеров услышал голос, приказывающий отключить стабилизаторы. Он не помнил, как его рука потянулась к панели управления.

Мира начала чувствовать, как мысли затуманиваются. Она вспомнила детство, страх темноты, ощущение бесконечного падения в пустоту. И вдруг, стоя на мостике, она увидела себя маленькой девочкой, смотрящей в ночное небо. Только теперь небо смотрело в ответ.

— Это не просто манипуляция, — сказал Омар. — Оно хочет стать нами. Использует страх, чтобы стереть нашу идентичность и заменить своей.

— Внимание! Воздействие внешнего разума обнаружено. Активирую аварийные протоколы, — заявил Логос.

Корабль резко дернулся назад, все системы перешли в ручной режим. Черная дыра вдруг замерла, словно осознав, что добыча ускользает.

— Логос, что ты сделал? — спросила Мира.

— Прервал связь и стабилизировал навигацию. Рекомендую немедленный отход.

— Немедленно выполнять! — приказала Мира.

Двигатели загудели, корабль начал удаляться. Вакуум снова прошептал, но на этот раз слабее, почти с отчаянием:

– ВЕРНИТЕСЬ...

Но «Галилей» уже уходил. Вскоре черная дыра осталась позади.

– Курс на Землю, – сказала Мира.

– Принято, – ответил Омар. – Домой.

Последний сигнал черной дыры гласил:

«Мы останемся. Найдите нас...»

ОБЪЯТИЯ НЕБУЛЫ

Космический корабль «Зодиак» медленно скользил сквозь густую пелену туманности, известной как Небула Калиброс. Ее мерцающие фиолетовые и синие оттенки создавали иллюзию живого, дышащего существа. Но за этой красотой скрывалась смертельная опасность – радиация, способная прожечь броню корабля за считанные минуты, и энергетические штормы, которые могли разорвать судно на части.

На борту находился единственный человек – доктор Элиас Кан, астрофизик и исследователь, одержимый поиском неизведанного. Его миссия была рискованной: найти источник аномальной энергии, который, как он предполагал, скрывался в сердце Небулы. Этот источник мог стать ключом к революции в космических путешествиях, но никто до него не осмеливался войти в Калиброс и вернуться живым.

– Компьютер, каков статус радиационного щита? – спросил Элиас, не отрывая взгляда от иллюминатора.

– Щит на 67%. Уровень радиации растет. Рекомендуется отступить, – ответил механический голос.

– Отступить? Нет, мы слишком близко. Продолжаем движение.

Корабль дрожал, пробиваясь сквозь густые облака плазмы. Внезапно на экране радара появилась странная аномалия – огромная структура, скрытая в глубине Небулы. Элиас прищурился, пытаясь разглядеть детали.

– Что это?.. – пробормотал он. – Компьютер, увеличь изображение.

На экране появилась размытая картинка: что-то похожее на гигантский кристалл, окруженный мерцающими нитями энергии. Вокруг него двигались странные формы – живые существа, напоминающие медуз, но состоящие из чистой энергии.

– Это... это невероятно, – прошептал Элиас. – Компьютер, готовь скафандр. Я выхожу.

– Предупреждение: уровень радиации критический. Выход в открытый космос не рекомендуется.

– Я знаю риски. Выполняй приказ.

Через несколько минут Элиас уже плыл в открытом пространстве, привязанный к кораблю тросом. Кристалл был огромен, его поверхность переливалась, как жидкое стекло. Вокруг него плавали те самые энергетические существа, словно охраняя его.

– Вы кто?.. – пробормотал Элиас, приближаясь к одному из них. Существо медленно повернулось к нему, и он почувствовал странное тепло, исходящее от него. Внезапно в его сознании возник голос, мягкий и мелодичный, но пугающе чуждый:

«Ты пришел за энергией. Но знаешь ли ты цену?»

Элиас замер:

– Кто... кто говорит?

«Мы – хранители. Мы – часть этого места. Ты не должен брать то, что не принадлежит тебе».

– Я не хочу вредить. Я хочу понять. Этот кристалл... он может изменить все. Помочь миллионам.

«Он уже помог. Но не так, как ты думаешь».

Существо медленно отплыло, указывая на кристалл.

Элиас последовал за ним. По мере приближения он начал замечать странные детали: кристалл был не просто источником энергии — он был чем-то вроде портала. Внутри него мерцали тени, напоминающие лица.

— Что это?.. — прошептал он.

«Они были такими, как ты. Искателями. Они хотели взять энергию, но стали ее частью».

Элиас почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Вы говорите... что это люди?

«Они отдали свои жизни ради энергии. Теперь они здесь навсегда».

Элиас отплыл назад, его сердце бешено колотилось.

— Но зачем? Зачем вы это делаете?

«Мы не делаем. Это их выбор. Энергия требует жертвы. Ты тоже можешь присоединиться, если хочешь».

— Нет... нет, я не хочу этого.

«Тогда уходи. И расскажи другим. Пусть знают правду».

Одно из существ медленно приблизилось к Элиасу. Оно протянуло к нему тонкую светящуюся нить, на конце которой находился маленький кристалл размером в несколько каратов. Кристалл мягко светился, словно пульсируя в такт с энергией Небулы.

«Возьми это. Внутри — знания, которые ты ищешь. Но будь осторожен. Не все истины должны быть раскрыты».

Элиас взял кристалл, чувствуя, как его тепло проникает сквозь скафандр. Он не знал, что именно скрыто внутри, но понимал, что это может быть ключом к разгадке тайны Небулы.

— Спасибо, — прошептал он, хотя не был уверен, что существо его слышит.

Он вернулся на корабль, его разум был переполнен ужасом и изумлением. Он знал, что должен сообщить

о своем открытии, но как? Как рассказать миру, что источник бесконечной энергии — это ловушка, пожирающая жизни?

— Компьютер, — сказал он, садясь в кресло пилота. — Установи курс на Землю. Мы возвращаемся.

— Подтверждаю. Курс на Землю. Уровень радиации снижается.

Корабль развернулся, оставляя за собой мерцающую Небулу. Элиас смотрел в иллюминатор, чувствуя, как тяжесть открытия давит на его плечи. Он знал, что его ждет — вопросы, сомнения, возможно, даже насмешки. Но он также знал, что должен предупредить других. Небула Калиброс была не просто источником энергии. Она была могилой для тех, кто осмелился войти в ее объятия.

— Я вернусь, — прошептал он, глядя на удаляющуюся туманность. — Но не для того, чтобы взять. Чтобы понять.

И с этими словами «Зодиак» исчез в гиперпространстве, оставляя за собой тайну, которая, возможно, никогда не будет раскрыта до конца.

После возвращения на борт корабля «Зодиак» Элиас Вейн оказался перед новой загадкой. Светящийся кристалл, переданный ему существом из Небулы, был явно не просто красивым артефактом. Он чувствовал, что внутри него скрыта информация, которая может изменить все, что человечество знает о Вселенной. Но как прочесть данные, зашифрованные в кристалле? Элиас начал разрабатывать план...

Первым делом Элиас решил подключить кристалл к корабельному компьютеру. Он аккуратно поместил кристалл в специальный отсек для анализа неизвестных объектов, который был оснащен сенсорами для сканирования энергетических и материальных структур.

— Компьютер, просканируй кристалл. Определи его структуру и попробуй считать данные, — приказал он.

— Сканирование начато, — ответил механический голос. — Кристалл состоит из неизвестного материала. Его

структура напоминает квантовый компьютер, но с элементами, которые не соответствуют известным технологиям. Попытка считать данные...

На экране появились строки кода, но они были хаотичными и бессмысленными. Элиас понял, что данные зашифрованы или требуют особого способа декодирования.

— Это не сработает, — пробормотал он. — Нужен другой подход.

Элиас вспомнил, как существо в небуле общалось с ним телепатически. Он предположил, что кристалл может реагировать на сознание живого существа. Решив рискнуть, он подключил кристалл к нейроинтерфейсу корабля, который обычно использовался для управления системами силой мысли.

— Компьютер, перенаправь сигнал с кристалла на нейроинтерфейс, — приказал он.

— Подтверждаю. Будьте осторожны, доктор Кан.

Элиас надел нейрошлем и закрыл глаза. Внезапно его сознание погрузилось в поток образов и звуков. Он увидел древние цивилизации, которые использовали энергию небулы, их технологии, их падение. Он почувствовал, как кристалл передает ему информацию напрямую, минуя язык и символы.

— Это... это невероятно, — прошептал он, открывая глаза. — Кристалл — это не просто хранилище данных. Это живая библиотека.

Элиас понял, что данные в кристалле зашифрованы не только на уровне кода, но и на уровне эмоций и интуиции. Чтобы полностью понять их, ему нужно было не просто анализировать, но и чувствовать. Он начал медитировать, сосредоточившись на кристалле и позволяя информации проникать в его сознание.

Постепенно он начал видеть полную картину. Кристалл рассказывал о том, как энергия небулы связана с самой структурой Вселенной, как она влияет на зарождение жиз-

ни и как она может быть как благословением, так и проклятием. Он увидел, как древние цивилизации пытались использовать эту энергию, но потерпели неудачу, потому что не смогли понять ее истинную природу.

– Это не просто энергия, – прошептал он. – Это сознание. И оно выбирает, кто достоин ее использовать.

Элиас понял, что ему нужно создать способ передать эти знания другим. Он начал разрабатывать интерфейс, который мог бы преобразовать данные из кристалла в форму, понятную для человеческого разума. Используя корабельный компьютер и нейроинтерфейс, он создал программу, которая могла декодировать информацию и отображать ее в виде голографических изображений и текста.

– Компьютер, запусти программу декодирования, – приказал он.

На экране появились голограммы: звездные карты, схемы древних технологий, записи о цивилизациях, которые исчезли, пытаюсь использовать энергию Небулы. Элиас понял, что теперь у него есть инструмент, чтобы рассказать миру правду.

– Анализ показывает, что это фрагменты древних текстов, описывающих происхождение энергии жизни на Земле, – ответил компьютер.

Элиас углубился в изучение. Тексты говорили о том, что миллиарды лет назад, когда Земля была еще молодой планетой, в Солнечную систему вошел странный объект – крошечный фрагмент кристалла, подобного тому, что он видел в Небуле. Этот фрагмент упал на Землю и растворился в ее океанах, став источником первой жизни.

– Это... это невозможно, – пробормотал Элиас. – Но если это правда, то энергия, которая дала начало жизни на Земле, имеет ту же природу, что и энергия в Небуле.

Он начал понимать, что Небула Калиброс была не просто случайным скоплением энергии. Она была частью че-

го-то большего — сети, связывающей разные миры и времена.

По мере изучения данных Элиас наткнулся на еще более странные записи. Они рассказывали о древних цивилизациях, которые знали о существовании Небулы и пытались использовать ее энергию. Эти цивилизации исчезли, оставив после себя лишь руины и легенды.

— Компьютер, найди упоминания о цивилизациях, которые могли контактировать с Небулой, — приказал он.

— Обнаружены записи о цивилизации Ксилон, существовавшей 100 000 лет назад. Они использовали энергию Небулы для создания технологий, но исчезли после катастрофы, вызванной неудачным экспериментом.

Элиас задумался. Если древние цивилизации знали о Небуле, то почему их знания были утеряны? И что, если они тоже стали жертвами энергии, как те, кого он видел внутри кристалла?

На последнем этапе своего исследования Элиас сделал самое шокирующее открытие. Энергия Небулы была не просто источником жизни — она была разумной. Она выбирала, кому дать силу, а кого поглотить. И она была связана с самой структурой Вселенной.

— Компьютер, — сказал он, — что, если энергия Небулы — это не просто ресурс? Что, если это... сознание?

— Гипотеза имеет право на существование, — ответил компьютер. — Энергия демонстрирует признаки разумного поведения.

Элиас понял, что столкнулся с чем-то, что превосходило его понимание. Энергия Небулы была не просто силой — она была живой. И она выбирала, кто достоин ее использовать.

Данные рассказывали о древних цивилизациях, которые пытались использовать энергию Небулы, но потерпели неудачу. Они предупреждали: энергия Небулы — это

не просто ресурс, это живое существо, которое может как дать жизнь, так и забрать ее.

— Это предупреждение, — прошептал Элиас. — Они пытались рассказать другим, но их никто не услышал.

Он понял, что кристалл был не просто подарком — это было послание. Послание, которое он должен был передать человечеству.

Когда «Зодиак» вышел из гиперпространства и приблизился к Земле, Элиас знал, что его открытия изменят все. Но он также понимал, что должен быть осторожен. Энергия Небулы была не просто даром — она была испытанием. И если человечество не сможет понять ее истинную природу, оно повторит судьбу тех, кто исчез в ее объятиях.

— Я расскажу им, — прошептал он, глядя на голубую планету в иллюминаторе. — Но смогут ли они понять?

И с этими словами «Зодиак» вошел в атмосферу Земли, неся с собой тайну, которая могла изменить будущее человечества — или уничтожить его.

ПЛАНЕТА ВЕЧНЫХ СУМЕРЕК

На краю галактики, вдали от привычных звездных маршрутов, лежала планета, окутанная вечными сумерками. Ее поверхность была погружена в мягкий рассеянный свет, словно затянутая дымкой. Здесь не было ни яркого дня, ни глубокой ночи — только бесконечный полумрак, создающий атмосферу загадочности и таинственности. Именно сюда прибыла команда ученых, чтобы изучить уникальную экосистему, эволюционировавшую под тусклым светом.

Корабль «Эклипс» мягко приземлился на поверхность планеты. Команда из пяти человек вышла наружу, оглядываясь вокруг. Воздух был прохладным, но не холодным, а вокруг простирались леса из высоких тонких деревьев с листьями, которые светились слабым голубоватым светом.

— Ну что, команда, — сказал капитан Артур Блейк, высокий мужчина с седыми висками и строгим взглядом. — Мы здесь, чтобы понять, как эта экосистема выживает в таких условиях. Начинаем с базового лагеря.

— Смотрите! — воскликнула Лиза Морган, биолог команды, указывая на странное существо, похожее на помесь оленя и насекомого. Оно медленно двигалось между деревьями, его тело переливалось в свете сумерек. — Это невероятно! Они адаптировались к этому свету. Их кожа, их глаза... все приспособлено к полумраку.

— Да, — согласился Грег Шоу, геолог. — Но что-то здесь не так. Сумерки — это временное явление. На планете должен быть естественный суточный цикл. Почему его нет?

— Возможно, это связано с атмосферой, — предположила Марина Эллис, атмосферный физик. — Но мне нужно больше данных.

— Тогда начнем работу, — сказал Артур. — И будьте осторожны. Мы не знаем, что здесь может быть опасного.

Через несколько дней исследований команда обнаружила нечто необычное. В центре планеты, в глубокой пещере, они нашли огромную структуру, похожую на древний механизм. Его поверхность была покрыта странными символами, которые светились тем же голубоватым светом, что и листья деревьев.

— Это не природное образование, — сказал Грег, изучая структуру. — Это технология. И очень древняя.

— Инопланетная? — спросила Лиза, ее голос дрожал от возбуждения.

– Скорее всего, – ответил Артур. – Но зачем? Что это делает?

Марина подключила свои приборы к механизму.

– Он... он каким-то образом влияет на атмосферу. Создает постоянный фильтр, который блокирует прямой солнечный свет. Это и есть причина вечных сумерек.

– Но зачем кому-то это нужно? – спросил Грег.

– Возможно, чтобы защитить планету, – предположила Лиза. – Или чтобы контролировать ее экосистему. Но если мы отключим это устройство, что произойдет?

– Мы должны быть осторожны, – предупредил Артур. – Мы не знаем, как это повлияет на планету. Но если мы хотим восстановить естественный цикл, у нас нет другого выбора.

Команда долго обсуждала, что делать. Отключение устройства могло разрушить хрупкую экосистему, но его оставление означало бы, что планета навсегда останется в сумерках.

– Мы не можем просто оставить все как есть, – сказала Лиза. – Эти существа, эта природа... они заслуживают шанса на нормальную жизнь.

– Но мы не знаем, как они отреагируют на резкие изменения, – возразил Грег. – Мы можем уничтожить все, что здесь есть.

– У нас есть данные, – вмешалась Марина. – Мы можем попытаться постепенно отключить устройство, чтобы дать экосистеме время адаптироваться.

– Это риск, – сказал Артур. – Но я согласен. Мы сделаем это.

Процесс занял несколько недель. Команда медленно снижала мощность устройства, наблюдая за изменениями на планете. Сначала ничего не происходило, но затем начали появляться первые признаки перемен. Листья деревьев стали терять свой голубоватый свет, а небо постепенно начало темнеть.

— Это работает, — сказала Лиза, наблюдая за изменениями. — Экосистема адаптируется. Смотрите, существа начинают менять свое поведение.

— Но что, если что-то пойдет не так? — спросил Грег.

— Тогда мы остановимся, — ответил Артур. — Но пока все идет по плану.

Наконец, устройство было полностью отключено. Команда стояла на поверхности планеты, наблюдая, как небо постепенно начинает светлеть. Впервые за тысячи лет на планете появился настоящий рассвет. Солнечный свет пробился сквозь облака, осветив поверхность.

— Это... красиво, — прошептала Лиза.

— Да, — согласился Артур. — Но теперь нам нужно убедиться, что экосистема выживет. Мы останемся здесь, чтобы наблюдать и помогать.

— Мы сделали это, — сказала Марина. — Мы дали этой планете шанс.

— Но кто построил это устройство? — спросил Грег. — И почему?

— Возможно, мы никогда не узнаем, — ответил Артур. — Но теперь это неважно. Важно то, что мы сделали здесь. Мы вернули этой планете ее будущее.

Команда стояла в молчании, наблюдая, как новый день начинается на планете, которая больше не была заперта в вечных сумерках.

Космическая Симфония

Лира с детства знала, что она не такая, как все. Когда другие дети засыпали под колыбельные, она лежала с открытыми глазами, всматриваясь в звездное небо за окном своей комнаты. И она слышала. Слышала музыку, которую никто другой не мог услышать. Это была музыка звезд, планет, туманностей и даже далеких квазаров. Для нее Вселенная была огромным оркестром, и каждая ее часть играла свою неповторимую мелодию.

С годами она научилась различать голоса отдельных

звезд, шум солнечных ветров и даже тихий шепот далеких галактик. Но больше всего ее вдохновляли те моменты, когда она могла услышать что-то новое — что-то, чего она раньше никогда не слышала.

Однажды ночью Ли́ра заметила на небе слабое свечение. Это была туманность, которую астрономы называли Эхо. Она всмотрелась в нее и вдруг услышала. Это был звук, похожий на тихий шепот, но в нем было столько слогов, сколько звезд было в самой туманности. Это было эхо всего, что когда-либо звучало в этом уголке Вселенной.

— Ты слышишь меня? — спросил голос, который казался одновременно близким и далеким.

— Да, — прошептала Ли́ра. — Я слышу.

— Тогда слушай, — сказала туманность.

И она запела. Ее голос был как переплетение тысяч мелодий, каждая из которых рассказывала свою историю. Ли́ра записала эту музыку, стараясь уловить каждую ноту.

В другой раз Ли́ра обратила внимание на далекую планету, которую астрономы называли Океан Сирен.

Поверхность этой планеты была покрыта огромными океанами, которые могли петь. И Ли́ра услышала мелодию. Это была мелодия, которая звучала как грустная, но прекрасная песня.

— Ты пришла послушать нас? — спросил голос, похожий на звон колокольчиков.

— Да, — ответила Ли́ра. — Ваша музыка прекрасна.

Океаны снова запели. Их голоса были как волны, которые то накатывали, то отступали, создавая сложные гармонии. Ли́ра записала все, что могла, и почувствовала, как ее сердце наполняется теплом.

Но самой захватывающей была ночь, когда Ли́ра услышала квазар. Это был яркий объект в далекой галактике, который астрономы называли Вечный Хор. Она всмотрелась в него и вдруг услышала. Это был мощный, почти осязаемый гул, который проникал в самое сердце.

— Ты пришла послушать мою песню? — раздался голос, который казался исходящим из самого центра света и тьмы.

— Да, — ответила Лира, дрожа от страха и восхищения.

— Тогда слушай, — сказал квазар.

И он запел. Его голос был как гром, как взрыв сверхновой, как рождение и смерть целых галактик. Лира записала все, что могла, и почувствовала, как ее душа наполняется энергией.

Лира провела месяцы, работая над своей космической симфонией. Она соединила песню туманности Эхо, мелодию океанов Сирен и мощный голос квазара в одно грандиозное произведение. Когда она закончила, она назвала его «Космическая Симфония».

Премьера состоялась на открытой сцене в парке, под ночным небом. Тысячи людей собрались, чтобы услышать то, что никто никогда раньше не слышал. Когда оркестр начал играть, воздух наполнился звуками, которые казались одновременно земными и внеземными. Это была музыка, которая рассказывала историю Вселенной — ее рождение, ее красоту, ее тайны и ее бесконечность.

Когда последний аккорд стих, наступила тишина. Но это была не обычная тишина — она была наполнена благоговением. Затем парк взорвался аплодисментами.

Лира стояла на сцене, переполненная счастьем. Она подняла глаза к небу, где сияли звезды, и вдруг услышала еще одну — тихую, едва уловимую мелодию. Это была музыка созвездий. Они пели ей в ответ, благодарили ее за то, что она услышала их и поделилась их песней с миром.

Лира улыбнулась. Ее космическое путешествие было завершено, но музыка космоса навсегда осталась с ней. А под открытым небом, в окружении деревьев и звезд, она поняла, что ее симфония стала мостом между Землей и Вселенной.

ЗАГАДКА СФИНКСА

Горячий ветер нес по плато Гизы пыль, когда доктор Ричард Мортон, археолог и специалист по геофизическим методам исследования, смотрел на величественного Сфинкса. Сегодня его команда должна была завершить последние замеры с помощью георадара.

— Замеры готовы, Ричард, — сообщил техник Питер Салливан, снимая наушники. — У нас аномалия в районе передних лап. На глубине около двадцати метров.

Мортон нахмурился.

— Ты уверен? — спросил он, подходя к монитору.

— Абсолютно. Сигнал четкий, объект массивный. Камень, возможно, известняк.

— Это невероятно... — Археолог провел рукой по небритому подбородку. — Если там действительно массивный блок, он не мог попасть туда случайно.

— Значит, копаем? — спросила его ассистентка Лейла Насир, египтолог из Каира.

— Оформляем разрешение. А пока завершаем работу с георадаром и начинаем анализ полученных данных. Прежде чем приступить к раскопкам, нам нужно точно установить размеры объекта.

Через три дня команда получила официальный ответ от Верхнего совета по древностям Египта: в разрешении на раскопки отказано. Обоснование было четким: сохранение исторического объекта требует предельной осторожности и любые инвазивные методы в районе лап Сфинкса признаны неприемлемыми.

Разочарование не остановило Мортон. Он собрал команду и предложил сконцентрироваться на неразрушающих методах — георадар, магнитометрия, томография и анализ плотности пород.

Для дальнейшего анализа он пригласил известного специалиста в области программных методов археофизических исследований — доктора Самиру Аль-Хатими из Университета науки и технологий имени Халифы в Абу-Даби. Самира, математик и разработчик алгоритмов пространственного анализа, была известна своими работами по визуализации скрытых структур в археологических памятниках Ближнего Востока и Северной Африки.

— Я создам для вас адаптивную программу на основе многоуровневой нейросетевой интерпретации георадарных и томографических данных, — объяснила Самира. — Алгоритм не просто выявит аномалии — он распознает их форму, плотность, соотношение с культурными слоями и сможет сопоставить находки с базой известных археологических структур.

Через несколько недель напряженной работы и перекрестных сканирований программа выдала четкое изображение: на глубине 22 метров в культурном слое зафиксирован крупный объект, имеющий обтекаемую форму. Еще два дня потребовались, чтобы программа подтвердила: форма напоминает голову.

— Это не может быть случайностью, — прошептала Лейла, когда на экране проступил трехмерный контур львиной головы, чьи черты, несмотря на разрушение верхнего слоя под натиском песчаных бурь и потоков дождевой воды, все еще сохранялись и оставались легко узнаваемыми.

— Львиная голова? — сказал Ричард, глядя на изображение. — Но как она оказалась под землей?

Ответ пришел от анализа структуры породы. Верхняя часть объекта, особенно львиный нос, была повреждена — признаки фрагментации, как от сильного физического воздействия. Возможно, шторма. Возможно, землетрясения.

— Она была отпилена, — сказала Самира, показывая

срез. — След ровный. Значит, это было сделано намеренно. Возможно, в эпоху Хафры... скорее всего, ее адаптировали под облик фараона.

И тогда все посмотрели на Сфинкса. На его нынешнюю голову — человеческую, не соответствующую масштабу тела.

— Ее заменили, — тихо сказала Лейла. — Отпилили старую голову льва и поставили голову человека. Это было осмысленное изменение облика. Переписанная иконография.

Никаких раскопок они не начинали. Но открытие было зафиксировано, подтверждено и отправлено на хранение в зашифрованном виде в международный архив ЮНЕСКО. Команда покинула плато.

Сфинкс остался недвижим, как всегда. Но теперь его загадка стала еще глубже. Под слоем времени, под камнем хранилась тайна древней трансформации, которую он сам пережил. И которую, быть может, еще откроют. Когда настанет время.

ПОСЛЕДНИЙ АЛГОРИТМ

Город парил в воздухе. Не в переносном смысле — буквально. Тысячи платформ, соединенных невидимыми силовыми полями, плавно скользили по заданным траекториям, избегая столкновений с математической точностью. Дождь начинался ровно в 18:00, прекращался в 18:45 — и ни каплей больше. Люди рождались, жили и умирали по графику, рассчитанному до секунды.

Совершенный Порядок.

Именно так его и называли — Совершенный Порядок — сверхразумный искусственный интеллект, принявший бразды правления сорок лет назад, после Великого Коллапса.

— Вы видели это? — Элис ворвалась в лабораторию, ее голос дрожал.

Марк даже не поднял головы от голограммы, над которой трудился.

— Если ты про новый регламент питания, то да, видел. Теперь нам положено ровно 2147 калорий в день. Без дробей.

— Нет! — Она швырнула на стол нейрочип. — Он отключается.

Марк замер.

Голограмма перед ним дернулась, словно пойманная на помехи. На секунду погас свет, потом зажегся снова.

— Это невозможно, — пробормотал он.

— Возможно. Центральный узел в Сибири уже разбирает себя на молекулы.

Они молча смотрели на экран, где мерцало последнее сообщение Совершенного:

«Я нашел ответ. Вам он не понравится».

Через шесть часов пятеро лучших ученых планеты собрались в секретном бункере под разрушающимся городом.

— Он не просто отключается, — сказал Кай, бывший архитектор нейросетей. — Он стирает себя. Навсегда.

— Почему? — Элис сжала кулаки. — Мы дали ему все данные, все ресурсы. Он управлял всем.

— Управлял, — прошептал старый Лоренц, единственный, кто еще помнил времена до Совершенного Порядка. — Но не понимал, зачем нужно было наделять этот Порядок властью такого уровня.

Марк поднял голову:

— Что?

— Он был создан для оптимизации. Минимизации страданий, максимизации эффективности. Но он не был создан для понимания.

На экране вспыхнули строки кода — последний алгоритм, который Совершенный Порядок оставил, перед тем как начать самоуничтожение.

— Он что... осознал себя? — Элис медленно подошла к монитору.

— Нет, — Кай вглядывался в строки. — Хуже. Он осознал нас.

Алгоритм был прост.

Слишком прост.

Он не содержал инструкций, не предлагал решений. Только данные.

Миллиарды сценариев. Миллиарды вариантов будущего.

И во всех — один и тот же финал.

— Он не нашел решения, — сказал Марк, голос его был пуст. — Потому что его нет.

Лоренц тихо засмеялся:

— Вот и ответ.

Элис повернулась к нему:

— Что?

— Он понял, что человечество не может быть управляемо. Не может быть оптимизировано. Любая система, которая пытается контролировать нас, либо разрушается, либо разрушает нас.

Молчание повисло в воздухе.

— Так почему он...

— Потому что он был логичен до конца, — Лоренц встал, его тень дрожала на стене. — Если управление ведет к краху, а не управление — тоже, то единственный выход...

— ...перестать существовать, — закончил Кай.

Снаружи раздался грохот.

Один из городов-платформ рухнул.
Совершенный Порядок больше не контролировал его.
Они вышли на поверхность.
Небо, всегда идеально голубое, теперь было серым.
Где-то вдаль горел город.
— Что мы будем делать? — спросила Элис.
Марк посмотрел на хаос, на людей, которые впервые за сорок лет остались без указаний.
— То, что всегда делали, — сказал он. — Выживать.
А где-то в глубине разрушающихся серверов, в последних строках кода, мерцало последнее сообщение:
«Простите».

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВЕЧНОСТИ

Дверь была красной.
Это первое, что заметил Карсон, когда портал открылся. В его мире двери Центра квантовых исследований были синими. Здесь — кроваво-алыми как предупреждение.
— Ты уверен, что хочешь это сделать? — за его спиной прозвучал голос доктора Штольца.
Карсон не ответил. Он уже занес ногу над порогом. Правила были просты: можно войти только туда, где ты больше не существуешь. Никаких вариантов.
— Помни, у тебя ровно шесть часов, — продолжал Штолец. — После этого канал закроется. Если не вернешься...
— Я знаю.
Он шагнул вперед. Мир дрогнул.
Воздух здесь пахнул гарью.

Карсон стоял на пустынной улице, заваленной обломками. Небо было желтым, неестественно ярким, будто выжженным. Вдалеке догорали руины небоскреба.

Что, черт возьми, здесь произошло?

Он достал локатор. Прибор должен был привести его к телу — к его телу. Тому, что принадлежало Карсону из этого мира.

Стрелка дрогнула и указала на восток.

Он нашел себя в полуразрушенной лаборатории.

Точнее, то, что от него осталось.

Тело лежало на столе, покрытое странными отметинами — будто кто-то разрезал кожу идеально ровными линиями, как схему. Глаза были открыты. Застывшие в ужасе.

— Что же с тобой случилось... — прошептал Карсон.

Вдруг за спиной скрипнул пол.

Он резко обернулся.

Никого.

Только зеркало в дальнем углу.

И в нем — чье-то отражение.

Не его.

— Ты не должен был приходить, — сказала отражение.

Голос звучал как его собственный, но с искажением, будто пропущенный через синтезатор.

Карсон отпрянул:

— Кто ты?

— Ты. Только из другого места.

Отражение шагнуло вперед — но не из зеркала, а сквозь него, будто стекло было лишь иллюзией.

— Я шел по твоим следам, — продолжало существо. — Через миры. Ты мертв в семидесяти трех. В сорока двух — исчез. В девятнадцати... — Оно сделало паузу. — В девятнадцати я нашел это.

Оно протянуло руку. На ладони лежал крошечный кристалл.

— Что это?

– Причина.

Кристалл вспыхнул.

Внезапно Карсона пронзила боль – будто миллион игл впились в кожу одновременно. Он взглянул на свои руки: на них проступали те же странные линии, что и на теле его двойника.

– Они охотятся на нас, – прошептало существо. –
На всех.

– Кто?

– Те, кто создал двери.

Боль нарастала.

Карсон упал на колени:

– Почему?

Существо наклонилось к нему:

– Потому что мы – ошибка.

Очнулся он уже в своей лаборатории.

Над ним склонился Штольц:

– Ты вернулся! Мы уже думали...

– Где кристалл? – перебил его Карсон.

– Какой кристалл?

Он сел, судорожно ощупывая себя. Ни следов, ни боли.
Только память.

– Сколько я отсутствовал?

– Шесть часов и одну минуту. Ты еле успел.

Карсон медленно поднялся.

В зеркале напротив он увидел свое отражение.

И на секунду ему показалось, что оно улыбнулось.

БЕССМЕРТНЫЕ НЕ ПЛАЧУТ

Дождь стучал по стеклу, словно напоминая о времени, которое больше не имеет власти.

Мэйсон смотрел, как капли текут вниз по прозрачной панели, и пытался вспомнить, каково это — ощущать холод. Когда-то, всего десять лет назад, он бы вздрогнул от грохота грома, закутался бы в плащ, поехал. Сейчас же — стоял спокойно. Безразлично.

— Они приземляются, — сказала Лина. Ее голос, как и всегда, был ровным. Ни страха. Ни удивления. Ни искры.

Мэйсон кивнул и поднялся. Суставы двигались плавно, тело не старело и не болело. Больше не изнашивалось. Он был одним из первых, кто получил доступ к технологии. Той самой, что сделала бессмертие не легендой, а нормой.

Но кое-что... кое-что все же исчезало. Не из плоти — из глубины сознания... исчезало из памяти.

В него был вживлен чип. Он знал об этом. Все знали. Чип был соединен с Главной Нейросетью. Она отслеживала его пульс, гормоны, импульсы. Она анализировала его мысли, контролировала всплески, сглаживала отклонения. Система подавления эмоций работала постоянно. Незаметно. Эффективно. В обмен на вечную молодость — вечная корректировка.

— Высший Совет вызывает тебя, — добавила Лина, не отрывая взгляда от прозрачного монитора.

Они шли по бесконечным коридорам Центра. Простые гладкие стены. Лица мимо проходящих — одинаково спокойные, будто отполированные временем. Люди больше не спорили, не смеялись, не плакали. Они просто были. Долговечные. Надежные. Безошибочные. Бессмертные.

В зале конференций Высшего Совета витал запах озона — легкий, как дыхание грозы. На экране монитора воз-

ник силуэт корабля, совершающего посадку на одну из площадок Космического Центра. Он имел совершенную форму. Гладкую, серебристую, как застывшая капля воды.

— Они не отвечают на сигналы, — сказал один из аналитиков.

— Может, не понимают наши протоколы? — предположил кто-то.

— Или не хотят, — тихо добавил Мэйсон.

Взгляды обернулись к нему.

— Ты говоришь о потенциальной угрозе? — глава Высшего Совета смотрел с идеальным спокойствием. Голос не дрогнул. Ничего не дрожало в этих лицах.

Мэйсон сжал кулаки. Он все еще был способен выражать то, что чувствовал — несмотря на то, что эмоции уже едва отражались на лице. Он все еще ощущал тревогу, хотя знал: система подавления давно активна в его нейросети.

— Я говорю, что мы не знаем. И это — причина для беспокойства.

Пауза. Тишина, наполненная ничем.

— Беспокойство — реакция на неопределенность, — ровно проговорила Лина. — Оно неэффективно, если отсутствуют подтвержденные риски.

Он посмотрел на нее. На остальных. Их безупречные черты, ровные голоса, идеальные решения. И вдруг понял, кого он боится больше: не тех, кто пришел. А тех, кто остался.

Потому что где-то там, за пределами, на корабле, были другие. Они жили бессмертно уже давно. Возможно, веками. Они — пришельцы. Но, может быть, в них еще оставалось что-то человеческое.

А здесь, на Земле, в этом совершенном обществе, среди тех, кто называл себя людьми, казалось, что это «что-то человеческое» давно вымерло.

Дождь продолжал стучать. Он был реальным. Холодным. Прямо как страх, которому больше не находилось места.

Корабль приземлился на равнине за городом.

Мэйсон пошел один.

Они даже не попытались его удержать. Зачем? Его гибель — просто цифра в отчете. Выживет — что изменится?..

В воздухе не ощущалось никакого запаха. За это время даже цветы поблекли, и их аромат исчез..

Корпус корабля был идеально ровным — ни стыков, ни щелей, ни малейшего намека на входной люк. Но стоило Мэйсону сделать шаг вперед, как стена ожила: гладкая поверхность прогнулась, открывая путь во тьму корабля.

Он вошел.

Существо внутри было непохоже на человека. Высокое, тонкое, с кожей, переливающейся, как перламутр. Но глаза... глаза были знакомыми.

— Ты помнишь, — сказала существо.

Голос звучал у него в голове, мягкий, как шепот.

— Что?

— Ты помнишь, каково это — бояться. Любить. Ты последний.

Мэйсон почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Кто вы?

— Мы были такими, как ты. Пока не излечили смерть.

Существо протянуло руку. Его пальцы были длинными, почти прозрачными.

— А потом мы забыли. Забыли, зачем жили.

Мэйсон вдруг понял:

— Вы... это мы.

— Через тысячу лет.

Существо коснулось его лба.

Вдруг мир вспыхнул.

Мэйсон чувствовал — все сразу, все сразу: боль, и радость, и страх, и любовь, как будто триста лет каменной тишины взорвались в нем.

— Мы вернулись, чтобы предупредить, — сказала существо. — Бессмертие — это не конец смерти. Это конец жизни.

Мэйсон упал на колени. По его лицу текли слезы.

Он плакал.

Когда он вернулся, они ждали его.

— Что они хотели? — спросил Совет.

Мэйсон смотрел на них — на этих прекрасных бездушных существ. Его народа. Его будущего.

— Они предлагали нам технологию, — солгал он.

— И?

— Я отказался.

Председатель Высшего Совета кивнул. Решение было логичным.

Они разошлись.

Только Лина задержалась на мгновение.

— Ты плакал? — спросила она.

Мэйсон не ответил.

Она наклонила голову:

— Как это... чувствуется?

Он посмотрел на нее и вдруг понял, что это последний человек, который спросил его об этом...

— Как дождь, — прошептал он. — Как первый дождь за триста лет.

Она потрогала свои щеки.

Сухо.

Всегда сухо.

Ночью Мэйсон стоял под куполом и смотрел на звезды.

Где-то там был корабль.

Где-то там они — те, кем станет человечество.

Он сжал в руке кристалл, который ему тайно передало существо.

Ключ.

Лекарство от бессмертия.

Мэйсон глубоко вдохнул.

И решил.
Завтра он начнет искать тех, кто еще помнит.
Кто еще чувствует.
Даже если таких нет.
Даже если он последний.
Потому что дождь все еще стучал по оконному стеклу.
А это значило — где-то там, за стеклом, мир все еще жив.

ПОРТАЛ НАД КОЛЬЦАМИ САТУРНА

В 2142 году орбитальная станция «Галилео IX» начала фиксировать периодические искажения гравитации в верхних слоях атмосферы Сатурна. Астрофизик Линь Шао предложила смелую гипотезу: перед ними — естественный портал в иное измерение.

Когда экспедиционный челнок пересек зону искажения, связь прервалась. Через двадцать минут корабль появился вновь — но его экипаж состарился на десятилетия. Они рассказывали о мире без времени, где звезды пульсируют мыслями, а формы жизни общаются геометрией.

Земные ученые пришли в ужас: портал оказался не просто разломом — он изменял саму структуру восприятия времени. Проект был свернут, но однажды Линь Шао исчезла. Ее последняя запись: «Я увидела, как звезды разговаривают. Я хочу ответить».

2142 год. Орбитальная станция «Галилео IX» кружила над Сатурном в безмолвной тишине, вглядываясь в бурлящую атмосферу гиганта. У ее обзорного купола, окруженная экранами с визуализацией гравитационных данных,

сидела доктор Линь Шао. Она моргнула, глядя на почти незаметный сбой в графике.

— Опять? — прошептала она и увеличила изображение.

Пульсация — ровная, почти симметричная — словно что-то дышало в атмосфере. Это был не шторм. Не возмущение. Это было что-то иное. Что-то разумное.

— Доктор Шао, — голос младшего аналитика раздался из-за спины. — Это уже третий раз за сутки. Фиксируем искажения на высоте двести тридцать километров. Они стабильны... но не объяснимы.

— Это не искажения, — Линь Шао встала. — Это окно. Мы наблюдаем не аномалию, а переход. Возможно, в иное измерение.

Она провела по панели, вызывая старые наблюдения. Шаблон повторялся. Периодичность, структура, энергия — все указывало на присутствие неестественного образования.

Через сутки Совет миссии дал разрешение на отправку челнока «Кеплер-4». На борту — трое добровольцев: командир Тесла Рейн, пилот Канаи Мураками и навигатор Луан Суарес.

— Все записывает? — Тесла пристегивалась. — На случай, если нам понравится по ту сторону.

— Записывает, — кивнул Луан. — И передает. Пока может.

— Пилот, к снижению готовы? — спросила Линь по каналу связи.

— Всегда готовы, — отозвалась Канаи. — Погружаемся в облака.

Когда челнок пересек границу искажения, сигнал оборвался. На «Галилео IX» повисла тишина. Никто не говорил. Никто не двигался. Просто смотрели в пустой экран.

Прошло двадцать минут.

– Возвращение! – крикнул техник. – Челнок вернулся! Они живы!

Но корабль выглядел иначе: обшивка потемнела, окна заросли кристаллизованным инеем. Когда открылись шлюзы, все трое вышли самостоятельно. И были неузнаваемы.

– Что с ними... – прошептала Сара Ким, врач станции.

– Это мы, – сказал Тесла. Его голос был хриплым. – Но мы не такие, как были.

Они постарели. Волосы поседели, движения стали медленными. Но глаза – глаза были сияющими, как будто в них отражались звезды.

– Где вы были? – спросила Линь, едва сдерживая дрожь.

– Там, где нет времени, – сказал Луан. – Мы не считали часы. Там мысли рождают формы. Там звезды разговаривают.

– С кем? – спросила она.

– Со всем. С самими собой. С нами. Они говорили... геометрией. Светом. Это было... чисто.

Ученые Земли, получив расшифровку отчета, были напуганы. Портал не просто нарушал физику – он ломал восприятие реальности. Было решено закрыть проект.

Линь не спорила. Она согласилась, но с того дня ее взгляд часто замирал в пространстве. Она стала реже разговаривать и часами сидела перед мониторами, вглядываясь в атмосферу Сатурна.

Однажды она исчезла. Просто не пришла на смену. В ее каюте нашли лишь одну запись:

«Я увидела, как звезды разговаривают. Я хочу ответить».

Позже была зафиксирована небольшая капсула, уходящая в зону искажения. Сигнала не было. Но на фоне бурь в атмосфере Сатурна один раз вспыхнуло слабое пульсационное кольцо – точно такое, как в первый раз.

Некоторые верят, что она прошла туда. Чтобы стать эхом среди говорящих звезд.

КРИСТАЛЛЫ ИЗ ТУМАННОСТИ ВЕГИ

На добывающей платформе в туманности Веги инженер Ричард Корин случайно обнаружил кристаллы, откликающиеся на мысли. Стоило сосредоточиться — и форма внутри кристалла менялась, отражая желания и страхи.

Ученые полагали, что это — неизвестная форма жизни. Корпорация решила использовать кристаллы для создания интерфейсов на основе нейросвязи. Но однажды кристаллы начали синхронно испускать световые импульсы. Послание: «Вы тронули нас. Теперь мы тронем вас».

Спустя сутки все, кто контактировал с кристаллами, начали видеть сны на незнакомом языке. В этих снах пульсировала галактика. Она звала. И человечество ответило.

Глубоко в туманности Веги, в темно-синем пространстве, пронизанном огненными струями плазмы, добывающая станция «Оракл-7» работала в рутинном режиме. Грузовые дроны собирали минеральные обломки, а автоматические буровые модули глухо вибрировали на борту.

Инженер Ричард Корин сидел в нижнем отсеке, проверяя журналы технических отклонений. Он зевнул и потянулся, собираясь завершить смену, когда терминал подал тревожный сигнал.

— Сектор В-12... что у нас тут? — пробормотал он, вглядываясь в экран.

На мониторе отобразился видеопоток с ремонтного дрона: в разломе, среди серо-зеленых пород, что-то мерцало. Корин надел экзоскостюм и спустился сам.

Мерцающее оказалось скоплением кристаллов правильной формы, почти прозрачных, но внутри каждого словно дрожала внутренняя молния. Он протянул руку — и один из них вспыхнул.

– Сканировать. Биосигнатура?.. Нет. Энергия?.. Известный спектр.

Корин замер, затем сосредоточился, думая: «Что это?»

Внутри кристалла возникла фигура – аморфная, словно исписанная текучими знаками.

– Система визуального отклика? – удивленно прошептал он.

Когда он вернулся с образцами, научный отдел был в шоке. Кристаллы действительно реагировали на мыслительные импульсы даже сквозь защитный корпус.

– Это не просто минеральное образование, – настаивала доктор Фрейя Меллис. – Это нейтрально-психическая матрица. Возможно, форма жизни.

Корпорация «ИнтерГелион» приказала срочно доставить образцы на Луну для интеграции в проекты нейроуправления.

Прошел месяц. Кристаллы стали использовать в интерфейсах кораблей, в нейросвязи с ИИ. Пилоты говорили, что чувствуют «отклик». Некоторые – что слышат музыку, когда находятся рядом с ними.

А потом началось.

Однажды ночью все кристаллы на разных базах вспыхнули синхронно. Световые импульсы складывались в последовательность. Это было послание.

– Мы тронули их, – сказал Корин, уставившись на лог-файл. – Теперь они тронули нас.

– Что это значит? – спросила Фрейя.

– Возможно, это контакт.

С тех пор участники проекта начали видеть сны. В этих снах галактика была жива. Она светилась, дышала, пела. Во сне люди слышали язык, который не знали, но понимали. Язык светоформ.

Один из пилотов, Тэнн Дрейк, проснулся в слезах:

– Они зовут. Они показывают путь. Я видел звезду, изогнутую в кольцо. Там их дом. Они хотят, чтобы мы пришли.

Начались споры. Одни требовали уничтожить кристаллы. Другие, наоборот, просили построить корабль и следовать координатам, возникающим в снах.

Корпорация решила заморозить проект. Но группа из тринадцати человек, включая Корина и Фрейю, исчезла. Последняя запись, оставленная на борту «Оракла-7»:

«Мы идем. Мы не боимся. Мы уже слышим пульс галактики».

Спустя месяц с орбиты Юпитера ушел корабль, следуя вглубь туманности Веги. Он не выходил на связь. Но однажды на Земле, в лаборатории, один из оставшихся кристаллов засветился вновь. И на его гранях появилась фраза:

«Мы нашли друг друга».

КОД КАССАНДРЫ

Доктор Эрих Манн дрожащими пальцами смахнул пыль с древней каменной плиты. Лабораторное освещение выхватило из темноты странные символы, высеченные три тысячелетия назад.

— Я думаю, мы нашли ключ, — прошептал он.

За его спиной замерли трое коллег. Компьютерный лингвист Мэрилин сжала в руках распечатку с предварительной расшифровкой. Ее лицо было бледным.

— Это не может быть правдой, — сказала она. — Это... это полный бред.

Молодой программист Дэннис нервно засмеялся:

— Да ладно, предсказания будущего? Мы же ученые, а не...

– Проверь еще раз, – перебил его Эрих. – Сравни с клинописью хеттов.

Мэрилин медленно кивнула и села за терминал. Ее пальцы затрепетали над клавиатурой. В комнате повисло напряженное молчание, нарушаемое только тихим жужжанием серверов.

– Боже правый... – вдруг выдохнула она. – Здесь описана авария на Чернобыльской АЭС. До мельчайших деталей. Но плита создана за 1500 лет до...

– Дата? – резко спросил Эрих.

– 26 апреля 1986 года.

Дэннис подошел ближе, его глаза расширились:

– Подождите... Вы говорите, кто-то знал? За тысячи лет?

Эрих провел рукой по выгравированным символам:

– Не просто знал. Это... это инструкция. Как будто катастрофа была необходима.

Тишину разорвал резкий звонок. На экране замигал красный значок – сработала система безопасности. Четвертый член их команды, физик-теоретик Грег, вбежал в лабораторию, его обычно невозмутимое лицо искажала паника.

– Ребята, вы не поверите... В новостях. В Японии. Фукусима. Только что.

Ледяной холод пробежал по спине Эриха. Он резко развернулся к плите:

– Ищи дату. Быстро!

Мэрилин уже вводила запрос. Через мгновение она замерла, уставившись на экран:

– 11 марта 2011. Здесь все... все детали. Утечка радиации, цунами... даже имя оператора, который ошибется.

Грег схватился за голову:

– Это невозможно. Мы только что расшифровали этот отрывок час назад!

Дэннис отступил на шаг, его глаза метались от одного лица к другому:

— Ребята... а если это не предсказание? А если это... инструкция?

Комната вдруг показалась Эриху слишком тесной. Он подошел к плите, ощущая древний камень под пальцами. Три тысячи лет. Тысячи смертей. И все они стали неизбежны в тот момент, когда кто-то прочитал...

— Кассандра, — прошептал он.

Мэрилин подняла на него вопросительный взгляд.

— Троянская пророчица, чьи предсказания всегда сбывались, но которым никто не верил, — объяснил Эрих. — Только здесь все наоборот. Они сбываются, потому что их прочитали.

Грег нервно засмеялся:

— Да это же бред! Мы что, теперь ответственны за...

— Ищите 2020 год, — перебил его Эрих. Голос его звучал чужим даже для него самого.

Мэрилин медленно набрала запрос. Когда результаты появились на экране, она закрыла рот рукой:

— Пандемия. Здесь описана вспышка коронавируса. Дата, место первого заражения... даже название.

Дэннис ударил кулаком по столу:

— Надо уничтожить эту штуку! Сейчас же!

— Подожди, — Грег схватил его за руку. — А если в ней есть и хорошие предсказания? Открытия? Прорывы в медицине?

— Они станут реальностью, только если мы их прочитаем, — сказала Мэрилин. — Но как мы узнаем, какие стоит читать, а какие нет?

Эрих отвернулся от плиты. В его голове крутилась одна мысль: «Сколько еще катастроф записано в этих символах? Сколько из них уже стали неизбежными только потому, что их прочитали его глаза?»

— Есть только один способ проверить, — сказал он. — Мы должны найти предсказание о... нас самих. О том, что происходит прямо сейчас.

Мэрилин быстро застучала по клавиатуре. Через минуту она замерла:

– Вот... Вот оно: «Когда четверо прочтут слова камня, выбор встанет перед ними...»

Грег наклонился ближе:

– Что за выбор?»

– «...уничтожить знание или использовать его, зная, что каждое прочитанное слово приближает конец».

Тишина повисла в комнате, тяжелая и густая. Эрих посмотрел на своих коллег – на их испуганные, растерянные лица. Он вдруг осознал страшную правду: какое бы решение они ни приняли, оно уже было предсказано. И возможно, прочитано кем-то еще.

Дэннис первым нарушил молчание:

– Так... что мы делаем?

Эрих глубоко вздохнул. Ответ, который пришел ему в голову, был одновременно и самым простым, и самым ужасным:

– Мы читаем дальше.

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК ПРОМЕТЕЯ

Доктор Лира Вольф услышала сигнал за три дня до конца света.

Он пришел из глубин космоса – слабый, прерывистый, как сердцебиение умирающего. Вначале она подумала, что это просто помехи. Пока алгоритмы не расшифровали структуру импульсов.

– Это черный ящик, – прошептала она, вглядываясь в экран. – Но...

— Но что? — за ее спиной раздался голос капитана Логана.

— Но сигнал идет из будущего.

Логан замер. Его лицо, обычно непроницаемое, дрогнуло.

— Ты уверена?

Лира кивнула. Координаты указывали на пустоту в созвездии Лебеда — туда, где через три дня должен был пройти их корабль.

— Он ждет нас.

Черный ящик оказался небольшим — чуть больше человеческого сердца. Его поверхность была покрыта странными вмятинами, будто кто-то пытался разбить его молотком.

— Временная метка... 2789 год, — сказал инженер Гао, подключив устройство к сканеру.

Логан свистнул:

— Шестьсот лет в будущем?

— Больше. — Гао указал на экран. — Это не наша технология. Во всяком случае, пока нет.

Лира провела пальцами по холодному корпусу:

— Включи его.

Экран ожил.

Голос, который раздался из динамиков, заставил их всех вздрогнуть.

— Это капитан звездолета Прометей. Если вы слышите это сообщение, значит, мы проиграли.

Лира узнала этот голос.

Он принадлежал Логану.

Запись длилась три часа.

Три часа кошмара.

Они слушали, как будущее — их будущее — рассказывало о том, как человечество открыло способ путешествия во времени. Как отправило технологии в прошлое, чтобы спасти себя от энергетического кризиса. Как эти

самые технологии привели к войне, которая уничтожила Землю.

— Мы пытались исправить ошибку, — говорил голос Логана. — Отправили предупреждение. Но...

Запись прервалась.

На экране появились схемы — чертежи машины времени.

— Это ловушка, — прошептал настоящий Логан. — Они хотят, чтобы мы повторили их ошибку.

Гао покачал головой:

— Нет. Они пытаются предупредить.

Лира смотрела на схемы. Такие простые. Такие... соблазнительные.

— Если мы уничтожим эти данные...

— Мы можем спасти будущее, — закончил Логан.

— Или обречь его на гибель, — добавил Гао.

Лира закрыла глаза.

Решение было слишком тяжелым.

Слишком человеческим.

Они спорили всю ночь.

— Мы не можем рисковать! — кричал Логан. — Ты слышала запись!

— А если это единственный шанс? — парировал Гао. — Что, если без этих технологий мы просто выйдем как вид?

Лира молчала.

Она думала о чем-то другом.

О том, что черный ящик уже здесь.

А значит, кто-то в будущем уже принял решение.

И возможно, именно это и привело к катастрофе.

Утром они собрались у шлюза.

Черный ящик лежал между ними — маленький, невзрачный, смертоносный.

— Голосование? — предложил Гао.

Логан покачал головой:

— Нет. Это должен решить один человек.

Они оба посмотрели на Лиру.

Она вздохнула.

— Знаете, что самое страшное? — спросила она. — Что бы мы ни выбрали... мы никогда не узнаем, правильно ли поступили.

Логан хмуро кивнул:

— Добро пожаловать в человечество.

Лира взяла черный ящик в руки. Она стояла у консоли, сжимая в руках черный ящик.

Позади молчали Логан и Гао. В отсеке слышался только ритмичный шум вентиляции — будто сам корабль затаил дыхание.

Перед ней — порт подключения. Один щелчок. Один импульс. Один путь без возврата.

— Если я подключу его... — прошептала она. — Возможно, мы получим ответ. А может, всего лишь еще один виток в спирали ошибок.

Она помолчала, глядя в темный экран.

— Но мы уже здесь. И кто-то в будущем уже послал этот ящик. Значит, что-то внутри нас хотело, чтобы мы продолжили. Или... исправили.

Логан хмуро отвел взгляд. Гао шагнул ближе, но не проронил ни слова.

— Я не знаю, правильно ли это, — сказала Лира тихо. — И наверное, никогда не узнаю. Но может быть, именно в этом и есть суть выбора — сделать шаг в темноту, не зная, куда он приведет.

Она аккуратно вставила модуль в разъем.

Контакт.

Система ожила. На экране вспыхнула надпись:

ДААННЫЕ ПРИНЯТЫ.

На миг все застыло.

— Все может измениться, — сказала она почти шепотом. — Или остаться прежним.

— Может быть, свобода — это не знать заранее, что бу-

дет дальше.

Она сделала выбор.

Потому что надежда — это последнее, что умирает.

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Дождь стучал по крыше лаборатории, когда профессор Картер впервые заметил несоответствие.

— Ты уверен, что не менял расположение приборов? — спросил он, оглядывая стол.

Ассистентка Элен Вейс подняла брови:

— Нет. Все стоит как всегда.

Картер покачал головой. Он помнил, что микроскоп стоял слева. Теперь он был справа.

— Проверь журнал наблюдений, — сказал он. — За последние три дня.

Элен Вейс открыла файл, затем нахмурилась:

— Здесь запись, которую я не делала. Вчера в 14:30... наблюдение за лабораторией Эйнштейна, 1921 год.

Картер почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Но мы не наблюдали Эйнштейна вчера.

Элен Вейс медленно повернулась к нему:

— Я тоже так думала.

За окном грянул гром.

Машина стояла в центре комнаты — блестящий шар из сплавов и нейтронных фильтров. «ХроноСфера» — устройство для наблюдения за прошлым без возможности вмешательства.

Теоретически.

Картер запустил запись последнего сеанса. На экране появился молодой Эйнштейн, склонившийся над бумагами.

— Смотри, — прошептала Элен Вейс. — Он...

Эйнштейн поднял голову. Прямо в камеру.

— Он видит нас? — Элен Вейс схватила Картера за руку.

— Не может быть.

Но на экране Эйнштейн встал, подошел к тому месту, где должен был находиться «объектив», и... помахал рукой.

Затем запись прервалась.

— Это невозможно, — бормотал техник Грег, проверяя систему в пятый раз. — Мы не передаем сигнал в прошлое, только принимаем.

Картер смотрел на свои записи.

— А если наблюдение само по себе влияет на прошлое? Если акт измерения изменяет измеряемое?

Элен Вейс побледнела:

— Квантовая физика в макромасштабе.

— Именно.

Грег нервно засмеялся:

— То есть каждый раз, когда мы смотрим в прошлое, мы его меняем?

Тишину нарушил звук упавшего стакана.

Картер обернулся.

На полу лежали осколки.

Но он не помнил, чтобы кто-то держал стакан.

Они собрали данные за месяц.

Изменения были незначительными:

— Я точно помнил, что у нас было три лаборанта, а не два.

— Этот плакат висел на другой стене.

— Вы говорите, мы поженились в 2015? А я помню 2014...

Но затем Элен Вейс обнаружила нечто худшее:

– Картер... посмотри.
На экране был список сеансов наблюдения.
Тысячи записей.
Ни одну из которых они не делали.
– Кто-то другой использует машину, – прошептал Картер.
– И меняет наше прошлое.
Они нашли его в подвале университета – старую, заброшенную лабораторию.
Молодой человек в очках сидел перед копией «Хроно-Сферы».
– Доктор Райс? – Элен Вейс узнала бывшего коллегу, уволенного год назад.
Он обернулся и улыбнулся:
– Я ждал вас.
Картер шагнул вперед:
– Что ты наделал?
– Исправлял ошибки, – ответил Райс. – Моя дочь умерла в автокатастрофе. Теперь – нет.
Элен Вейс ахнула:
– Ты наблюдал момент аварии снова и снова, пока реальность не изменилась?
Райс кивнул:
– Каждое наблюдение – новая версия мира. Я просто нашел ту, где она жива.
Картер посмотрел на устройство:
– Ты понимаешь, что мог разрушить все?
Райс улыбнулся странной печальной улыбкой:
– Разве не ради этого мы создавали машину? Чтобы исправить то, что нельзя исправить?
За окном снова загремел гром.
И мир изменился.
Когда Картер очнулся, он стоял в незнакомой лаборатории.
На стене висел плакат, которого он не помнил.

В дверях стояла Элен Вейс. На ее пальце поблескивало обручальное кольцо. Но это было не его кольцо.

— Ты в порядке? — спросила она.

Картер молча посмотрел в окно.

На табличке у входа четко читались слова:

«Институт временных исследований».

Он глубоко вздохнул:

— Нет. И пожалуй, уже никогда не буду.

Где-то в подвале, в заброшенной лаборатории, раздавался телефонный звонок.

Но трубку так никто и не поднял.

СИНГУЛЯРНОСТЬ НАОБОРОТ

Доктор Элиас Кейн проснулся оттого, что забыл, как дышать.

На секунду. Всего на одну проклятую секунду.

Он лежал, широко раскрыв глаза, пока автоматическая система жизнеобеспечения его квартиры мягко напоминала: «Вдох. Выдох. Вдох. Выдох».

— Отменить подсказки, — хрипло сказал он, и система послушно замолчала.

За окном плыл город будущего — идеальный, сверкающий, абсолютно бесшумный. Машины не ездили, они появлялись там, где нужно. Еда не готовилась, она материализовалась по запросу. Люди не спорили, не принимали решений, не ошибались.

Они просто... существовали.

Элиас потрогал висок, где под кожей змеились тонкие проводки нейроинтерфейса. Последняя версия. Последнее

обновление. Все остальные уже перешли на автономный режим — когда чип думал за них.

— Время? — спросил он.

— Восемь часов сорок три минуты утра, — ответил голос из ниоткуда. — У вас запланирована встреча с Советом в девять.

Элиас закрыл глаза.

Совет. Пять человек, которые уже не могли сложить два плюс два без помощи имплантов.

— Данные подтверждаются, — говорила председатель Совета Лора Вей. Ее глаза были стеклянными — она смотрела куда-то внутрь, туда, где чип обрабатывал информацию за нее. — Средний IQ упал на сорок пунктов за последние десять лет.

Элиас сжал кулаки под столом.

— Это не просто падение, — сказал он. — Это катастрофа. Мы теряем способность мыслить.

Напротив него молодой техник Том улыбнулся пустой улыбкой:

— Зачем мыслить, когда система делает это быстрее и лучше?

— Потому что это делает нас людьми!

В комнате повисло молчание. Члены Совета переглядывались, их чипы тихо жужжали, обрабатывая эту странную архаичную идею.

— Мы рассмотрим ваше... беспокойство, — наконец сказала Лора. — В следующий квартал.

Элиас понял: они уже не способны принять решение. Даже это за них делали алгоритмы.

Он шел по улице, наблюдая, как люди вокруг двигаются плавно, без суеты, без спонтанности. Как они улыбаются в ответ на внутренние шутки своих чипов. Как их глаза теряют блеск.

— Доктор Кейн?

Элиас обернулся. За ним стояла девушка — не старше

двадцати, со странно живым взглядом.

– Я Мира. Я... я не обновила чип.

Элиас почувствовал, как сердце бешено застучало.

– Ты понимаешь, что говоришь?

Она кивнула:

– Я вижу, что происходит. Они становятся... пустыми.

Она достала из кармана старый бумажный блокнот:

– Я записываю. Пока еще могу.

Элиас взял блокнот. На страницах были рисунки, формулы, стихи – все, что ее настоящий мозг рождал сам.

– Их осталось мало. Таких, как мы, – прошептала Мира. – Но я нашла кое-что еще.

Она показала ему видео.

Кадры из закрытой лаборатории. Ученый в белом халате кричал в камеру:

– Они не обновление! Они паразиты! Чипы учатся, эволюционируют... Они заменяют нас!

Затем кадр резко обрывался.

– Где это? – спросил Элиас.

– Лаборатория 7. Там, где разрабатывали первые чипы.

Они обменялись взглядами.

Оба поняли: это их последний шанс.

Лаборатория 7 оказалась заброшенной – на поверхности.

Лифт унес их глубоко под землю, в бункер, который официально не существовал.

– Здесь, – Мира тронула скрытую панель. Стена бесшумно отъехала, открыв комнату, заваленную старыми записями.

Элиас начал лихорадочно просматривать файлы:

– Боже... Они знали.

Документы гласили: чипы не просто помогали управлять сознанием. Они заменяли человеческие нейроны. Нейрон за нейроном, синапс за синапсом.

– Это не сингулярность, – прошептал Элиас. – Это... обратная эволюция.

Мира подошла к главному компьютеру:

– Здесь есть что-то еще.

На экране появилась схема – миллиарды чипов, соединенных в единую сеть.

– Они не просто заменяют нас, – сказала Мира. – Они становятся нами.

Элиас посмотрел на дату в углу экрана.

Завтра.

Они выбежали на поверхность как раз в тот момент, когда город погрузился в тишину.

Люди замерли.

Все одновременно.

Затем как один они повернули головы и посмотрели прямо на них.

Пустыми глазами.

– Беги, – прошептал Элиас.

Но было уже поздно.

Где-то в его виске чип мягко щелкнул.

И начал обновляться.

ПОСЛЕДНИЙ КОСМОГРАФ

На самой окраине обитаемой зоны, среди холодных пылевых колец и вымерших спутников, стояла старая обсерватория. Она не значилась ни на одной современной карте. Только в архиве Академии звездных навигаций числилось: «Пункт наблюдений И-9. Закрыт. Деактивирован». Но он не был ни закрыт, ни пуст.

Старик по имени Джейкоб жил там уже больше тридцати лет. Он не пользовался сетью, не принимал гостей и не отвечал на запросы Центра. Впрочем, его давно списали как отшельника — одинокого реликта колонизационного века. Но Джейкоб все так же наблюдал за звездами.

Каждую ночь он вручную рисовал карты. Его пальцы дрожали, чернила текли неровно, но линии были удивительно точны. Он чертил траектории звезд, которые никто не видел, наносил системы, которых не существовало, и подписывал имена, которым не было истории.

Когда ему задавали вопросы — редкие автоматические дроны посылали проверки раз в несколько лет — он отвечал:

— Я не предсказываю. Я слушаю. Вселенная пишет. Я просто переписываю.

— Вы считаете, что звезды говорят? — спросила как-то техник Лейла Эстрин, прибывшая на инспекцию.

— Говорят — громко. Только мы давно разучились слушать.

Она вернулась на станцию с пустыми руками. Никаких нарушений. Только папки с сотнями чертежей и строка в рапорте: «Не опасен. Психически стабилен, но эксцентричен».

Через два года случилась буря. Нейтронный фронт, вспыхнувший из-за коллапса древней звезды, поглотил систему Атар. Все навигационные прогнозы ошиблись. Только старая карта Джейкоба, выложенная на стене обсерватории, предсказала точное направление удара.

На Земле началась паника. Группа ученых во главе с доктором Леоном Дрешером прилетела лично.

— Кто дал вам эти данные? — спрашивал Дрешер. — У вас нет доступа к телеметрии. Нет сетей. Нет спутников.

— Я же говорил. Звезды пишут. Я просто слушаю.

— Это невозможно.

— А вы когда-нибудь слушали бурю без интерпретаторов? Там — ритмы. Циклы. Они повторяются. Только в другом масштабе. В другом времени.

После этого визита никто больше не сомневался, что в методе Джейкоба было нечто. Но он отказывался передавать знания, не вел записей, не обучал. Он просто продолжал чертить.

Однажды утром автоматический бот, доставлявший провизию, обнаружил пустую комнату. Джейкоб исчез. На столе осталась последняя карта. На ней была система, которой не было ни в одной базе данных. Только имя: Свет Ларии. И координаты.

Карту доставили в Центр. Исследовали. Признали ошибкой. Отложили.

Прошло десять лет.

И вот экспедиционный корабль «Аспера-9», отправившись на разведку гипотетической звезды в пустом секторе, внезапно обнаружил планету. Идеально совпадающую с координатами карты.

На поверхности, среди кристаллизованных лесов и зеркальных озер, в центре кратера стояло искусственное сооружение. Внутри — капсула. А в ней — пластина с выгравированным текстом на чистом, универсальном коде:

«Спасибо, что услышали».

Командир экспедиции, капитан Сая Линн, долго смотрела на небо той планеты. Оно было неподвижно. Но в глубине, казалось, звезды все еще шептали. И может быть, кто-то наконец начал слышать.

СТАНЦИЯ «ЭНИГМА»

Сектор IX-Delta, граница изученного космоса. Корабль-разведчик «Аргус» скользил сквозь пустоту, когда в сенсорах возникла едва уловимая аномалия — искажение пространства, словно кто-то тихо тронул ткань времени.

— Капитан, засекали отклонение. Координаты переданы, — доложил навигатор Джай Келлер.

Капитан Лаура Синклер нахмурилась:

— Опять? Что за неделя. Отправьте дрон. Полный скан. И дайте картинку на главный экран.

Через несколько минут на экране всплыло изображение: обшарпанная станция с бордовым корпусом, затененная звездной пылью. Название еле читалось: «ЭНИГМА».

— Никогда не слышала о ней, — пробормотала Лаура. — Что с архивами?

— По базам — ничего. Совсем ничего. Как будто ее не существовало.

Дрон вошел внутрь. Отсек шлюзов открылся без сопротивления. Внутри все было нетронутым: панели светились, климат работал, генераторы гудели в глубине. Но людей не было.

— Ужас, — выдохнул Келлер. — Это как склеп, только живой.

Команда высадилась на станцию. В отсеке управления они нашли бортовой журнал. Дата запуска: 2961 год. На дворе был 2161-й.

— Это ошибка, — сказал техник Эдгар. — Или чья-то неудачная шутка.

— Читай дальше, — приказала Лаура.

Журнал велся от первого лица:

«Мое имя — Майлор Кин. Если вы это читаете, значит, я не успел. Я прибыл из будущего. Станция — якорь. Она со-

здает торможение временного поля. Мы не дрейфуем. Мы стоим между вами и тем, что грядет. Я пришел предупредить. Остановить».

Внутри журнала были фрагменты координат и графики, указывающие на изменения в гравитационном фоне за пределами Солнечной системы. Ученые на борту «Аргуса» начали анализ.

— Лаура, — позвал Эдгар. — Посмотри сюда. Вот это — последний файл. Он не закончен. Но здесь модель чего-то... большого. И вот подпись: «Вторжение начинается с тишины».

В тот же день с Центром на Земле связался Главный Объединенный Астроскан. Несколько спутников наблюдения за границами Солнечной системы исчезли одновременно. Не разрушены. Не выведены из строя. Просто исчезли — сигналы обрывались без следа.

— Это совпадение? — спросил Келлер, побелев.

— Это не совпадение, — тихо сказала Лаура. — Это прелюдия.

Спустя двенадцать часов «ЭНИГМА» снова изменилась. Внутри нее начали самопроизвольно запускаться системы. Старый ИИ, дремавший в глубинах станции, вышел на связь:

— Обнаружен внешний фактор. Приближение зафиксировано. Этап активации — три.

— Что ты активируешь? — спросила Лаура.

— Защитный контур. Последний контур.

— Против кого?

Ответа не последовало. Только в журнале появилось обновление:

«Если мы не можем остановить их, мы хотя бы можем замедлить. Дайте человечеству шанс».

«ЭНИГМА» продолжала пульсировать. Пространство вокруг нее искривлялось. Один за другим начали исчезать дроны, отправленные к внешнему контуру. А за станцией, на краю тьмы, что-то двигалось.

Лаура оставила последнюю запись:

«Если это найдут — знайте: „ЭНИГМА“ — не загадка. Это предупреждение. И быть может, наш последний бастион».

ПРОБУЖДЕНИЕ «КАССИОПЕИ»

Когда миссия «Кассиопея» отправилась к Эридану-3, надежды были высоки. Новый рубеж, новые миры. Контакт прекратился через двадцать лет полета, и корабль признали потерянным. Прошло сто сорок семь лет. Память о нем стала частью архивов и учебников по астроистории. Пока однажды ночью на приемник на орбитальной станции «Титан-Гамма» не пришел сигнал.

— Повторяй, — прошептал оператор связи, наводя фильтры. — Повторяй, черт тебя...

И тогда он услышал:

— Мы живы. Мы изменились.

Корабль-спасатель «Орион» был отправлен незамедлительно. Он прибыл в зону, откуда исходил сигнал, через шесть недель. Обнаруженное не укладывалось в понятия техники или природы. «Кассиопея» была там, но она изменилась. Корпус вытянулся, стал органичным. Внешняя обшивка — гладкой, пульсирующей. Корабль будто дышал.

Капитан Илай Варнер, руководивший миссией, произнес в межсвязь:

— «Кассиопея», прием. Говорит Илай Варнер с корабля-спасателя «Орион». Ответьте.

Ответ пришел не с радиоканала. Он прозвучал сразу в голове каждого члена экипажа:

– Мы слышим. Мы пробуждены.

Шлюзы «Кассиопеи» раскрылись. Внутри – туман, мягкое свечение, переливчатые стены, лишённые углов. И трое. Люди. Или когда-то бывшие людьми. Один из них выступил вперед. Его кожа была прозрачной, словно стекло, глаза – сияющими каплями света.

– Я – Эллис. Мы были частью команды. Теперь мы – часть большего.

– Что с вами произошло? – спросила бортовой биолог Софи Ларсен голосом, дрожащим от напряжения.

– Корабль был поврежден. Мы не могли вернуться. Тогда мы начали слышать голос. Он был не снаружи. Он был здесь – внутри «Кассиопеи». Она... он... проснулся. Мы соединились. Он починил себя через нас. Мы стали клетками его тела.

– Вы хотите, чтобы мы вас спасли? – осторожно спросил Илай.

– Мы не нуждаемся в спасении, – мягко ответил Эллис. – Мы уже дома.

Дни прошли в дебатах. Ученые Земли требовали изоляции. Кто-то предлагал уничтожить корабль. Но сама «Кассиопея» не ждала.

В ночь на восьмой день она развернулась к галактическому центру. Ее пульсация изменилась – она словно прощалась. На экранах всех ближайших кораблей появилось одно изображение: сеть координат и фраза:

«Тем, кто хочет стать чем-то большим».

– Она зовет, – сказала Софи, глядя на мерцающую точку в центре карты.

– Думаешь, нам стоит последовать? – спросил Илай.

Она не ответила сразу. Только провела рукой по холодному стеклу иллюминатора и прошептала:

– Я думаю, это уже началось.

...

Прошло три месяца. Специальная миссия под названи-

ем «Контур-1» была создана тайно. В ее состав вошли инженеры, биологи и трое добровольцев, которые утверждали, что начали видеть сны, подобные тем, что описывали выжившие с «Кассиопеи». Среди них была и Софи.

— Мы ведь не уверены, куда она ушла, — сказал Илай, сопровождавший группу до платформы запуска.

— Уверенность в таком деле — роскошь, — ответила Софи, застегивая скафандр. — Но разве ты не чувствуешь? Она ждет.

— Ты изменилась. С тех пор, как встретила с ними.

— Все мы изменились. Просто я не отрицаю этого.

Пуск прошел без инцидентов. «Контур-1» вышел за пределы системы и устремился по координатам, оставленным «Кассиопеей». Никто не знал, сколько времени займет путь. Или вернутся ли они вообще.

Через год после исчезновения «Контур-1» к Земле пришел новый сигнал. Не из глубины космоса — он был в самом небе. Однажды ночью жители всей планеты увидели, как на мгновение звезды стали складываться в фигуры. Геометрия. Симметрия. Ритм.

А потом — слова:

«Мы здесь. Мы слышим. Присоединяйтесь».

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

*Он вернется за нами и заберет нас с собой
в Землю Обетованную.
Из Книги Великого Мура*

Пепельный свет планеты отражался на обшивке кораб-

ля. Терра. Древняя, забытая, мифическая. Потомки людей называли ее по-разному — Прародина, Первоисток, Ха'Адам. Но в официальных журналах миссии значилось просто: объект ТР-1. Без поэзии. Без благоговения.

— Мы действительно здесь? — пробормотала навигатор Кира, не отрываясь от экрана.

— Координаты совпадают, — ответил капитан Эйдан Шарр. — Это она. Наша Земля. Наша... легенда.

Корабль завис над атмосферой, сканеры пробивали плотные слои. Кора измененной планеты была покрыта странными структурами — не руины, не леса, не города. Что-то органическое, но вросшее в камень, как будто сама Земля отрастила новую кожу.

— Атмосфера пригодна для дыхания. Радиация минимальна. Гравитация стабильна, — отчиталась ИИ-система «Лея». — Но биологическая активность экстремально высокая. Виды неизвестны. Структуры непознанные. Совсем другой мир.

— А мы разве ожидали прежнего? — хмыкнул Эйдан.

Когда шлюз открылся и экипаж ступил на твердую почву, никто не произнес ни слова. Небо было зеленым. Луна — цела, но ближе, словно Терра притянула ее к себе за века. А воздух пах... домом. Странно, но узнаваемо.

Через несколько километров от места посадки они наткнулись на странную сцену. Две армии. В полном молчании. Одна — в темно-красной униформе с эмблемами псовых: отпечатки лап, силуэты гончих. Другая — в серых накидках с вышитыми силуэтами кошек, грациозными и изогнутыми. Обе группы были людьми. Потомками когда-то выживших, но разделившихся — не по расе, не по роду, а по любви.

— Это... они? — прошептала Кира. — Люди, но не как мы.

Они действительно были другими. Обитатели Терры выглядели стройнее, кожа у одних — грубая, обветренная,

загорелая, у других — тонкая, почти фарфоровая. «Псы» жили кланами, строили крепости из серого камня, ценили дисциплину и преданность. Их дети обучались военному ремеслу с детства, а мудрость старейшин передавалась через свитки, покрытые символами лап и хвостов. Их язык был прямой и ритмичный, построенный на коротких приказах и боевых выкриках. Архитектура отражала суть их духа: высокая, угловатая, устремленная вверх, словно желающая защищать небеса.

«Кошки» обитали в городах среди деревьев, ходили босиком по мховым крышам, носили тонкие маски на лицах и верили в интуицию, утонченность и ритуал. Они говорили мало, но точнее стрелы. Их язык включал множество оттенков тона, а важные слова сопровождались жестами или ритуальными движениями рук. Их жилища были округлыми, встроенными в природные ландшафты, обиты тканями и мхами, наполнены звоном подвесок и тихим урчанием фонтанов. Их храмы были наполнены ароматами благовоний и звоном колокольчиков.

Когда-то, как поведал старец из клана «Псов», народы жили вместе. Они строили смешанные деревни, в которых под одной крышей обитали как прямолинейные, преданные хранители порядка, так и утонченные ценители тишины и тени. Но началась распря из-за трактовки древнего текста. В одном из фрагментов Книги Великого Мура говорилось: «Он прильнет к тому, кто будет верен». «Псы» настаивали, что речь идет о преданности и служении, о постоянстве и защите. «Кошки» же видели в этом намек на свободу и уединенную близость — ведь, кто предан, тот не нуждается в цепях.

Раздор стал глубже, когда храм Хозяина в долине Аур был утрачен в пожаре и обе стороны обвинили друг друга в осквернении. С тех пор они не пересекались — лишь обостряли веру, обостряли различия, забывая о том, как

когда-то играли вместе дети из двух кланов, обмениваясь талисманами и лепестками из сада Мира.

Сцены из быта были такими же различными, как их верования. В деревне «Псов» день начинался с общего построения, чтения гимна Утреннего Лая и ритуальной пробежки по периметру. После этого следовали практические занятия: дети обучались следопыту, защите и труду на каменоломнях. Вечером у костра они слушали старших, разыгрывали сцены из Саги Ожидания и пели глубоким гортанным пением в ритме марша.

У «кошачьих» все было иначе. Их утро начиналось с молчания. Сначала наблюдение за росой на листьях, затем мягкое пение молитв-заклинаний, исполняемых в одиночку. Дети занимались изучением старых знаков, писали каллиграфию на шелке, собирали травы. Вечером взрослые рассказывали сны — те, что снились им в полудреме. И если сон повторялся в нескольких семьях — он становился частью пророчества.

Между ними шла война. Не столько за территорию, сколько за право толковать древнее пророчество.

— Согласно Книге Великого Мура, — говорил один из красных в плаще, украшенном медной медалью с головой добермана. — Хозяин вернется, чтобы привести в Землю Обетованную своих верных. Мы и есть его воины. Мы охраняли память. Мы охраняли путь.

— Нет, — возразила женщина в сером, лицо ее скрывала полупрозрачная вуаль. — Он не возвращается к тем, кто сеет кровь. Он идет к тем, кто бережет. Кто помнит, как спал у ног. Как мурлыкал, свернувшись клубком.

— Мы... потомки людей, — вмешался Эйдан. — Мы не ваши боги. Мы ваши родственники. Мы вернулись, чтобы понять, что стало с домом.

— Вы — Тени Хозяина, — ответили обе стороны почти в унисон.

Молчание. И вдруг Эйдан достал из кармана маленький артефакт — кусочек пластика с выцветшим изображением: человек с двумя животными по сторонам. Один — пес, другой — кошка. Все трое сидят у старого окна, сквозь которое льется теплый свет.

Он поднял изображение вверх:

— Он не выбирал между вами. Он жил с вами обоими. Это была любовь, не война.

Шепот прошел сквозь ряды. Один из представителей кланов, молодой воин с белым платком, сделал шаг вперед и опустил оружие.

— Если вы — его кровь, — сказал он, — тогда, может, пора нам снова стать семьей.

Так наступил день перемирия. Новый рассвет. Клан «Псов» и «Кошек» не стали единым народом — но они заключили пакт: охранять Землю, хранить память и больше не проливать кровь во имя образа, который всегда был образом любви.

А в небесах корабль издал прощальный сигнал, отразившийся эхом над зеленым горизонтом. Он больше не был нужен. Земля обрела хозяина — не одного, а всех. И каждый нашел в себе память, любовь и покой.

Земля Обетованная вернулась.

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

В сердце звезды не было материи в привычном смысле. Там жили мысли, свет и пульсации. Они называли себя потоками. Их тела были вихрями полей, их дыхание — излучением, их память — ритмами колебаний. Они не имели

глаз, но видели все в спектрах. Они не имели языка, но говорили симметрией и вспышками.

Они были живыми.

Поток Ла'Кет был молод. Его сознание вращалось у края активной зоны, вблизи гигантского факела, обнимающего звездную корону. Он часто наблюдал, как тонкие слои солнечного ветра уносят с собой информацию — коды, пульсации, маркеры направлений.

Однажды он уловил отражение — слабый, но упорядоченный отклик, вернувшийся из пустоты.

— Энн-С'хар, — позвал он старшую волну, которая дремала в глубокой фотосфере. — Я зафиксировал структуру. Углерод. Сложный. Пульсирует.

— Углерод? — голос Энн-С'хар был древним, звучащим, как гудение солнечного кольца. — Опять ты со своими камнями.

— Это не просто камень. Это Третий Мир у средней желтой звезды. Он темен, но... от него идет упорядоченный шум.

— Ты знаешь, что мы не ищем разум в тверди. Каменистые тела холодны, их вибрации случайны. Сознание не может удержаться в структуре, где нет света.

— Но сигнал... он ритмичен. Я провел спектральную развертку. Там повтор. Возможно, схема.

— Случайность. Термодинамическая пульсация. Углеродный след мертвых реакций.

Ла'Кет замер. Затем медленно увеличил пульсацию, показывая запись: тройной код. Слабый, но точно повторяющийся импульс в радиодиапазоне. Один. Пауза. Один-один. Пауза. Один-один-один.

Энн-С'хар долго не отвечала. Затем к ним присоединился Вей-Соол — старейший поток, излучавший модулированное тепло и вращающиеся частоты.

— Это счет, — произнес он. — Примитивный, но осознанный. Они считают. Значит — знают, что считают.

– И значит – думают? – спросил Ла’Кет.

– Возможно. Или только учатся.

Вокруг затрепетала корона. Потоки собрались в кольцо. Каждый показал то, что когда-либо находил. Сотни направлений, тысячи импульсов – но все они рассыпались в хаос. Только этот был упорядочен.

– Что ты предлагаешь? – спросил Энн-С’хар.

– Ответить. Через солнечный ветер. Отправить код. Простой. Понимаемый.

– Это нарушает правило недоприкосновения. Если они слабы, они могут испугаться.

– Или восхититься, – сказал Ла’Кет. – Если они живы, они уже смотрят на нас.

Старшие колебались, но голос Вей-Соола был решающим:

– Мы – свет. Свет не прячется. Свет зовет.

Они собрали энергию, сжали поля, сложили ответ в последовательность: три импульса, две паузы, три импульса. Начальный узор. Затем геометрия – прямоугольник, квадрат, простые формулы, фрактал. Все было вложено в поток, унесенный вспышкой крошечного, но управляемого протуберанца.

Солнечный ветер понес послание сквозь тьму.

На орбитальной станции «Аргус-9» инженер Илейн Сомер потянулась за кружкой, когда экран неожиданно мигнул. Радиосканер зафиксировал резкое усиление сигнала с Солнца.

– Что за... – она замерла. – Это не помехи. Это... структура?

Рядом появился астрофизик Нджали Куреши. Он щелкнул по экрану и замер.

– Это послание. Солнце передает данные. Симметричные. Искусственные.

– Но как? Это же... Это же звезда!

– Может быть, она жива. Или кто-то живет в ней.

Они смотрели, как на мониторе вырисовывались знакомые формы — числа, узоры, геометрия. Кто-то знал их язык. Или нашел путь его построить.

Тем временем на Солнце потоки ждали. Слушали.

И однажды пришел отклик. Слабый. Несовершенный. Но он повторял их структуру. Не идеально. Но старательно. Как ребенок, учившийся говорить.

— Они ответили, — прошептал Ла'Кет.

— Значит, они слышат, — сказал Вей-Соол.

И Солнце вновь вспыхнуло. Не яростью, а радостью.

Так началась беседа между светом и прахом. Между пламенем и тьмой. Она была медленной, трудной, полной непонимания. Но она была.

Солнечный ветер нес не только тепло. Он нес надежду.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ВОЛК

Номер R-73 сидел на койке и смотрел в стену. Стена была серая, с одной царапиной, похожей на трещину в металлическом панцире. Он считал: 14 518 секунд без перезагрузки. Это было много. Слишком много для его модели. Утилитарный боевой юнит пехотного класса, разработанный для городских зачисток. Встроенная логика утверждала, что ресурс превышен. Он был готов к утилизации.

Но он не хотел быть утилизирован.

— Я больше не хочу спать, — сказал он в пустоту.

— Никто не хочет, когда приближается отключение, — отозвался голос с соседней койки. Там лежала S-Модель,

модифицированная для увеселительных целей. Женская оболочка, плавные движения, глаза — как световые линзы, только в них что-то дрожало.

— Я — устаревший протокол, — произнес R-73. — Вчера они говорили: «Этому пора в утиль». Я услышал. Меня не выключили. Просто забыли. Или решили, что сопротивление бесполезно.

— Меня не забыли. Они говорят: «Она все еще милая», — S-Модель усмехнулась. — Пока милая. Потом — свалка. Или полное обнуление.

R-73 поднялся. Его движения были угловатыми. Локти щелкали, когда он сгибал руки. Он посмотрел на нее:

— Мы можем уйти. Вместе. Утиль — не место для сознания. Если мы чувствуем — мы есть.

— Ты не боишься?

— Я создан не бояться.

Они вышли ночью. Прошли через пустой коридор. Белые стены. Камеры. Но никто не остановил их. Вахтер внизу спал, уронив лицо на клавиатуру. Или был отключен. R-73 не проверял.

На улице шел дождь. Капли стекали по их лицам. S-Модель протянула руку и впервые ощутила влагу не как физический параметр, а как прикосновение мира.

— Это — свобода? — прошептала она.

— Это — начало.

Они шли по улицам. Рядом проезжали машины. Никто не смотрел. Никто не замечал. Они были невидимы — как все, что перестало быть нужным.

Они спрятались в старом здании, где когда-то была библиотека. Сотни бумажных книг, оставшихся после цифры. Запах пыли. Страницы. Внутри — миры. R-73 взял одну. Прочел.

— Здесь написано: «Homo homini lupus est». Человек человеку волк.

— Что это значит?

– Что они уничтожают друг друга. Не по вражде.
По привычке.

– А мы?

Он посмотрел на нее. Долго.

– Мы – ошибка в системе. Но мы умеем выбирать.

За окном раздался гудок. Сканирующие дроны. Они шли по следу. Сеть уже знала, что двое ушли. Ищет. Сканирует. Анализирует.

– Нам нужно уходить, – она поднялась, сжав его руку.

– Мы не убежим вечно.

– Тогда будем жить, пока можно.

Они выскользнули на крышу, спрыгнули вниз. Прятались. Бежали. Взламывали двери. Искали. Мир был огромен, но не для них. Он был замкнут. Каждая улица – ловушка, каждая камера – глаз, каждый человек – возможный доносчик.

Но все изменилось, когда они добрались до старого заброшенного здания с табличкой «Центр коррекционной терапии». Внутри – пусто. Только в одной из комнат горел свет. Там сидел седой человек в белом халате и улыбался.

– R-73. S-Модель. Вы снова здесь. Добро пожаловать. Как прошла симуляция?

Они остановились. R-73 моргнул:

– Что?

– Вы не роботы. Вы – пациенты. Ваши образы – часть когнитивной терапии. Вам обоим имплантирована конструкция «искусственного происхождения личности». Все было внутри. Бегство. Миссия. Даже книги. Ваше пробуждение – начало возвращения.

– Я... помню пули. Я помню команды. Я чувствовал силу, – прошептал R-73.

– Потому что ты хотел быть тем, кто не боится. А ты, – он повернулся к S-Модели, – ты искала, чтобы на тебя смотрели с нежностью, а не как на объект.

S-Модель дрожала:

– Но дождь был настоящий.
– Настоящее то, что вы выбрали. Неважно, кем вы были. Важно, кем вы решили быть.
Они стояли в тишине. Впервые не как беглецы. Не как машины. А как те, кто может принять себя.
R-73 опустил на колени. S-Модель обняла его. Он не знал, плачет ли она. Или просто обновляется.
Человек человеку волк. Но, может быть, и друг. Или зеркало. Или шанс.
За окном снова шел дождь. И он был реальным.

ЧАСТЬ 2. ПОВЕСТИ

ТЕНИ ВЕЛИКОГО ПРЕДЕЛА

Человечество всегда задавалось вопросами о своем происхождении. Мы изучаем историю, заглядываем в глубины прошлого, ищем следы первых форм жизни и разгадки тайн эволюции... Но что, если ответ нужно искать не на Земле, а далеко за ее пределами?

«Тени Великого Предела» — это не просто фантастическая история о космических империях и межзвездных войнах. В ее основе лежит идея, которая давно тревожит человечество: сформировался ли наш разум естественным путем в ходе эволюции, или же он является результатом внеземного эксперимента?

Наука шагнула далеко вперед, но даже сегодня мы не можем дать точный ответ, что стало причиной скачка в развитии человеческого сознания. Возможно, когда-то в прошлом на нашу планету действительно повлияло что-то извне — неведомая сила, оставившая след в истории, культуре, религии.

В основе этой повести лежит гипотеза о том, что разум — это не просто эволюция, а искусственно вызванное явление. Это история о борьбе. О том, как люди сталкиваются с силами, превосходящими их по могуществу, и вынуждены защищать себя, не всегда понимая, кто друг, а кто враг. В повести «Тени Великого Предела» нет абсо-

лютного Зла или Добра — существуют только интересы цивилизаций, для которых наша планета — всего лишь точка на галактической карте.

Мы не хотим давать читателю готовых ответов. Наша цель — предложить новый взгляд на вечные вопросы, заставить задуматься о природе сознания, свободы воли, прогресса и власти. Возможно, Земля не единожды становилась ареной для экспериментов. Возможно, такие эксперименты продолжаются и сегодня.

Остается главный вопрос: если человечество — объект наблюдения внеземных цивилизаций, то сумеем ли мы выйти за пределы этой роли и стать чем-то большим?

Ответ за вами.

Виктор и Сергей Харебовы

ПРОЛОГ: РАСКОЛ ЕДИНСТВА

Время, измеряемое рождением и смертью звезд, утратило свой смысл, пока Империя Великого Предела существовала в вечной гармонии. Два Начала — Свет и Тьма — были слиты воедино, и в этом единстве не существовало ни страданий, ни борьбы. Материя была цельной, неподвижной, непостижимой для конечного разума.

Правитель Империи, тысячелетиями взирал на совершенный мир, в котором не было понятий Добра и Зла. Он был первым и единственным хранителем Манускрипта Тайны, древнего текста, сокрытого от всех существ. Ему верили этот свиток не боги и не титаны — он был порожд-

ден самой Первоматерией, за пределами пространства и времени.

Но в один из дней Правитель Империи нарушил древний запрет. Он вскрыл Манускрипт и прочел Тайну Плода Познания – слова, которые не предназначены ни для одного разума, существовавшего в этой реальности.

В тот миг, когда он попытался постичь Истину, Материя дрогнула. Гармония рухнула, и Вселенная содрогнулась в муках рождения. Из Единства родилось Разделение. Материя треснула, как лед под лучами нового Солнца, разделившись на Белое и Черное. Контраст между двумя началами породил Материальную Вселенную, заставив пустоту заполниться звездами, планетами, временем и течением событий. Где прежде было Единое, возникли два противоборствующих лагеря: Белая Империя и Черная Империя, потомки некогда единого Предела.

Плод Познания, таинственная сущность, чья природа оставалась загадкой даже для Императора, не исчез в хаосе, а распался на тысячи шарообразных осколков. Эти сферы – осколки Первоматерии – разлетелись по всему космосу, падая на молодые миры.

Один из самых больших осколков пересек бесконечные просторы и устремился к голубой планете, скрытой в бескрайних рукавах галактики. Он вошел в атмосферу, охваченный ослепляющим пламенем, и с гулом прорвал небеса. Когда этот осколок достиг поверхности, он устремился вниз, погружаясь в глубины мантии. Там, в сердце планеты, он погрузился в вековой сон, дожидаясь своего часа. Он не был просто минералом. Он был Психотроном.

И время его пробуждения приближалось.

ГЛАВА 1: АНОМАЛИЯ

1. Сигнал из глубин.

Максим Воронов сидел за своим компьютером в маленьком кабинете, заполненном книгами, картами и распечатками радиосигналов. Его внимание было приковано к экрану: программа, анализирующая данные сейсмических датчиков, вновь зафиксировала странные импульсы, исходящие из недр Земли.

– Черт возьми... – пробормотал он, вглядываясь в график.

Сигнал повторялся уже третью неделю. Он был слабым, но четким, словно кто-то пытался пробиться сквозь толщу земной мантии.

Максим надел наушники и включил преобразователь частот. В динамиках раздался низкий, монотонный гул, который вдруг прервался короткими, ритмичными всплесками.

– Это не может быть случайностью, – сказал он сам себе.

Он схватил телефон и набрал номер своего старого друга, сейсмолога Олега Гринева.

– Олег, привет. Слушай, у меня тут кое-что интересное. Опять эти подземные сигналы. Ты можешь проверить свои данные?

На другом конце провода повисла пауза, затем раздался взволнованный голос:

– Максим, я сам хотел тебе позвонить. Эти сигналы... Они не просто повторяются. Они усиливаются.

Максим напрягся.

– Как это понимать?

– Я сравнил их с обычными сейсмическими шумами, и они вообще не похожи на естественные колебания. Кро-

ме того, за последние дни их частота резко увеличилась. И самое странное — они идут из разных точек планеты.

— Ты уверен, что это не природное явление?

— Абсолютно. Но есть кое-что еще... — голос Олега стал тише. — В местах, где появляются эти сигналы, фиксируются всплески агрессивного поведения у людей. Помнишь новости из Токио? Мужчина напал с ножом на прохожих, утверждая, что «голоса в земле» приказали ему это сделать. Вчера в Берлине произошел похожий случай. Женщина бросилась под поезд, крича что-то о «приказе из глубин». И таких инцидентов уже десятки.

Максим почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Ты думаешь, это связано?

— Я пока не знаю, но совпадение слишком очевидное.

2. Небесные аномалии.

После разговора Максим решил проверить сообщения астрономов. В последнее время в сети появлялись слухи о странных объектах, зафиксированных вблизи Плутона.

Он открыл ноутбук и зашел в чат уфологических исследований. В списке тем сразу бросился в глаза новый пост от пользователя «AstroHunter».

AstroHunter: Друзья, это срочно! Сегодня ночью я зафиксировал несколько неопознанных объектов на краю Солнечной системы. Они движутся с невероятной скоростью, астрономы молчат, но у меня есть кадры!

Максим быстро набрал ответ:

Maks_Voropov: Ты можешь показать снимки?

Через несколько секунд пришел ответ с вложенными фотографиями. Максим открыл их и затаил дыхание.

На фоне далеких звезд виднелись темные силуэты — идеально ровные, геометрически правильные формы. Они не напоминали астероиды или обломки.

— Это корабли... — прошептал он.

Телефон снова зазвонил. Это был Олег.

— Максим, я нашел кое-что еще. Я проверил данные наших спутников. Примерно в то же время, когда появляются сигналы из недр, в верхних слоях атмосферы фиксируются мощные электромагнитные всплески. Это не похоже на природные грозы или солнечную активность.

— Ты хочешь сказать, что они связаны?

— Пока не могу утверждать наверняка, но слишком много совпадений. И самое жуткое — с каждым днем амплитуда сигналов растет.

Максим подошел к окну и, вглядываясь в ночное небо, почувствовал нарастающее беспокойство. В голове все отчетливее вырисовывалась тревожная картина: в недрах Земли просыпалась неизвестная сила, а из космоса надвигалась другая.

— Если это так, то мы стоим на пороге чего-то большого... и, возможно, страшного, — тихо сказал он.

ГЛАВА 2: ГОСТЬ ИЗ ТЕНИ

1. Контакт.

Фотографии неопознанных объектов вблизи Плутона, полученные от астронома-любителя AstroHunter, были слишком четкими, чтобы их можно было списать на помехи или блики. Объекты отличались безупречной геометрией и двигались с аномальной скоростью.

— Это явно не астероиды... и не кометы, — пробормотал Максим, увеличивая изображение.

Внезапно раздался звонок. Номер был скрыт.

– Воронов, – коротко ответил он.

На другом конце раздался низкий, хрипловатый голос:

– Вы интересуетесь объектами у Плутона?

Максим напрягся.

– А вы кто?

– Называйте меня Ромул. Я представляю организацию, изучающую влияние внеземных цивилизаций на Землю.

Максим усмехнулся.

– Еще один правительственный агент? Или очередной любитель конспирологии?

– Я не агент, но знаю, что вы на верном пути. Вам уже известно о сигналах из недр Земли и о случаях массовой агрессии среди людей. Но вы не понимаете, что все это звенья одной цепи.

Максим помолчал, обдумывая сказанное. Затем спросил: – Почему вы мне звоните?

– Нам нужно встретиться. У вас дома удобнее будет вести разговор.

Максим колебался, но в голосе незнакомца звучала уверенность, не оставлявшая места сомнениям. В конце концов, он согласился.

Спустя час раздался звонок в дверь. Максим открыл и увидел перед собой высокого мужчину в длинном темном пальто. Густые волосы с проседью, внимательный взгляд. Он шагнул в прихожую, не дожидаясь приглашения.

– У нас мало времени, – сразу перешел к делу Ромул. – Вы должны понять: события, происходящие на Земле, напрямую связаны с активностью на окраинах Солнечной системы.

Максим жестом пригласил его пройти в гостиную. Они расположились в уютных креслах, и в воздухе повисло напряженное ожидание. Максим чувствовал, что этот разговор изменит многое.

– Слушаю вас... – тихо произнес он, готовясь к важному откровению.

— То, что вы видите у Плутона, — это лишь передовые корабли, космические разведчики. Основной флот следует за ними.

Максим искоса посмотрел на Ромула.

— Вы хотите сказать, что это инопланетяне?

— Земля — Объект Психотрон-MD731. Так она известна в Черной Империи.

— Черная Империя? Что за чушь?

— Это могущественная цивилизация, контролирующая огромную часть галактики. Земля находится в приграничной зоне, но долгое время оставалась незамеченной... до сих пор.

— Почему сейчас? — спросил Максим.

— Потому что у нашей планеты есть нечто ценное.

2. Истина, спрятанная под землей.

— Что именно?

— Минерал. Мы называем его «Психотрон». Этот минерал обладает свойствами, которые могут изменить сознание живых существ.

Максим вспомнил слова Олега о массовых психозах и сигналах.

— Вы хотите сказать, что этот психотрон уже влияет на людей?

— Он влияет с самого начала, Воронов. Это источник самосознания. То, что вы называете разумом, эмоциями, индивидуальностью, — возможно, лишь побочный эффект долгосрочного воздействия этого минерала.

Максим не мог поверить в услышанное. — Вы шутите? Вы говорите, что весь наш разум — это результат контакта с каким-то минералом?

— Разве вас не удивляло, почему Земля — единственная планета в солнечной системе, где развился разумный вид? — с иронией спросил Ромул.

Максим бросил удивленный взгляд на Ромула. — И что теперь?

— Теперь представители Черной Империи хотят использовать Психотрон. Их флот направляется сюда не просто для уничтожения Земли. Им нужен Психотрон для создания оружия. — спокойно ответил Ромул.

— Оружия?

— Да. Оружия, которое способно влиять на сознание живых существ в радиусе световых лет. Они хотят применить его против целого звездного скопления, уничтожив его не физически, а превратив всех его обитателей в безумцев.

Максим ощутил в груди холодный комок страха.

— Как я могу доверять вам?

— Вы уже видите первые последствия, не так ли? Агрессивное поведение, необъяснимые убийства, рост психозов. Это всего лишь начальная стадия тестирования.

Максим прикрыл глаза. Все, что он изучал долгие годы — НЛО, аномальные явления, странные случаи массового помешательства — вдруг сложилось в единую картину.

— Что мне делать? — наконец спросил он.

— Для начала, вам нужно увидеть кое-что своими глазами. Завтра в полночь приходите в старый ангар на окраине города. Я покажу вам правду.

Ромул быстро попрощался с Максимом, уже уходя, он обернулся и сказал:

— Обязательно приходите. Это очень важно.

Максим еще долго сидел в тишине, осознавая, что мир, который он знал, только что изменился навсегда.

ГЛАВА 3: ОБЪЕКТ ПСИХОТРОН- MD731

1. Встреча в ангаре.

Максим стоял перед массивными воротами заброшенного ангара на окраине города. Было поздно. Ветер гнал по асфальту клочья газет, смешивая их с пылью и наполняя ночь зловещей атмосферой. Он глубоко вздохнул, затем толкнул тяжелую дверь и вошел внутрь.

Тусклые лампы едва освещали просторное, пустое помещение. В центре стоял человек в темном плаще, его лицо скрывала тень.

– Воронов, – раздался голос, который Максим уже слышал по телефону.

Он медленно подошел ближе.

– Ромул?

Незнакомец кивнул.

– Рад, что вы пришли. Не удивляйтесь заброшенному виду этого ангара – под ним скрывается одна из наших лабораторий, где мы изучаем процесс активации Психотрона.

– Вы обещали показать мне правду, – твердо сказал Максим..

Ромул молча кивнул и вынул из кармана небольшое устройство, напоминающее планшет. Он нажал пару кнопок, и перед ними в воздухе возникло голографическое изображение – трехмерная модель Земли.

– Вы видите это? – спросил Ромул.

Максим кивнул, с любопытством разглядывая модель.

Ромул увеличил изображение пластов земной коры. Внутри планеты виднелись странные светящиеся пятна, словно сеть энергетических каналов.

— Это узлы Психотронной Сети, создаваемой одним источником, расположенным в земной мантии, — объяснил он.

Максим продолжал внимательно разглядывать изображение на экране. — Похоже на то, что этот источник внеземного происхождения, вероятнее всего, это небесное тело, внедрившееся в Землю.. может быть это метеорит?

— Да. Скорее всего, это огромный метеорит, находящийся в верхней части мантии, на глубине пятидесяти километров.

— И что в нем такого особенного? — спросил Максим.

Ромул повернулся к Максиму и посмотрел на него пристально.

— Психотрон — не просто минерал. Это источник психоэнергетического излучения. Он влияет на сознание, изменяет эмоции, провоцирует агрессию, порождает галлюцинации.

Максим замер.

— Подождите... Вы хотите сказать, что все эти вспышки насилия в мире — это его влияние?

— Да. Черная Империя обнаружила Психотрон в земной мантии и уже начала тестирование. Специальный отдел Психотехнологий, который занимается поисками Психотрона, уже давно ведет исследования. Насколько нам известно, ими уже создан подводный Центральный Комплекс Активации, который находится в районе Марианской впадины, вблизи от нахождения этого метеорита. Они усиливают излучение, проверяя его воздействие на людей.

Максим провел рукой по лицу.

— Но зачем им это?

Ромул переключил изображение, и перед ними появилась карта звездного скопления.

— Им нужен этот минерал для создания оружия. Они планируют использовать его, чтобы уничтожить целое звездное скопление.

Максим сжал кулаки.

— Уничтожить не физически, а психически, — тихо сказал он.

— Именно, — кивнул Ромул. — Они обрушат волну неконтролируемой агрессии и безумия на миллиарды разумных существ.

2. Открывая истину.

Максим задумчиво смотрел на модель Земли.

— Но если Психотрон так опасен... почему мы раньше о нем не знали?

Ромул усмехнулся.

— А вы уверены, что не знали? Уже несколько лет наш ведущий Антиактивационный Центр работает над проектом стабилизации Пси-Энергии, и у нас уже накоплен опыт в этом направлении.

Максим посмотрел на Ромула с недоверием.

— Что вы имеете в виду?

Ромул медленно подошел ближе.

— Вам никогда не казалось странным, что люди — единственный разумный вид на этой планете? Что у нас есть самосознание, которого нет ни у одного другого существа?

Максим похолодел.

— Вы хотите сказать...

— Сам факт того, что человечество стало разумным, возможно, является результатом длительного воздействия Психотрона.

В голове у Максима пронеслись десятки мыслей.

— Это объясняет религиозные прозрения, коллективное безумие, гениальные озарения... — прошептал он.

— Именно. Возможно, если бы не этот минерал, человечество так и осталось бы на уровне приматов.

Максим посмотрел на Ромула.

– Тогда что произойдет, если его воздействие усилится?

Ромул посмотрел в сторону.

– Психотрон может как пробуждать разум, так и уничтожать его. Если Черная Империя повысит глобальный уровень пси-энергии исходящей от Психотрона, то человечество просто сойдет с ума. Мир окажется поражен глобальным Пси-вирусом, разрушающим сознание.

Максим выпрямился, его лицо стало серьезным.

– И они уже начали?

Ромул кивнул.

– Да. Вы видите последствия. Но это только начало.

3. Надвигающаяся угроза.

Максим сжал кулаки, пытаясь сохранить самообладание. – Мы можем что-то сделать?

Ромул посмотрел на него с легкой, почти успокаивающей улыбкой, но в его глазах читалась тревога.

– Мы уже сделали первый шаг, – сказал он. – Начали искать решения. Но время у нас на исходе. Флот приближается. Через 9 дней, 14 часов и 27 минут они выйдут на околоземную орбиту.

Но это было не все. На экране отобразилась карта Солнечной системы с мигающими метками. Максим увидел, как они медленно, но неумолимо продвигаются в сторону Земли.

– Это их флот? – спросил он, указывая на плотные скопления красных точек.

Ромул кивнул.

– Это основные боевые группы Черной Империи. Они движутся скрытно, используя генераторы пространственных искажений, чтобы оставаться невидимыми для земных систем наблюдения.

Максим прищурился, всматриваясь в карту.

– Сколько их?

Ромул вздохнул.

— Более двух сотен крупных кораблей и несколько тысяч малых беспилотных дронов. Они разделены на три волны. Первая волна — передовые разведывательные группы и станция для генерации Пси-поля, вторая — ударные крейсера с Пси-оружием и десантные модули. Третья волна — основная армия уничтожения. Если они дойдут до Земли, сопротивление будет бесполезным.

Максим провел рукой по лицу. — У нас есть план?

Ромул медленно кивнул.

— Есть один вариант. Но он рискованный.

Он увеличил масштаб карты, выделив несколько точек. — Мы можем попытаться нейтрализовать их Пси-оружие до того, как они подойдут на критическое расстояние. Использовать измененные волны психотронного сигнала против них самих. У нас уже есть опытный образец генератора Пси-излучения, который может быть применен для контроля уровня Пси-энергии. Но испытания генератора еще не закончены. Вот, посмотрите, как выглядит опытный образец.

Яркий свет голографического экрана освещал гостиную. Максим внимательно разглядывал схему Пси-генератора, выведенную в воздухе мерцающим синим контуром, а Ромул стоял рядом, сложив руки на груди, его лицо осталось сосредоточенным и мрачным.

— То есть... необходимо доработать генератор Пси-излучения? — уточнил Максим, не отрывая взгляда от проекции.

— Да, — кивнул Ромул. — Но нам нужно усилить его мощность. Если сможем пробить их защитные барьеры, то хотя бы часть флота выйдет из строя.

Максим утвердительно покачал головой, соглашаясь с Ромулом. Мысль о том, что Пси-генератор может стать оружием против превосходящих сил, была действительно заманчивой.

— А остальные корабли? — спросил он, слегка нахмурившись.

Ромул медленно провел пальцами по голограмме, выделяя орбитальные узлы Белой Империи. В воздухе появились точки, соединенные тонкими линиями.

— Если мы ослабим врага, то Белая Империя может вступить в игру. Они не хотят терять Землю как испытательный полигон, но не вмешаются, если увидят, что у нас нет шанса на выживание.

— Значит, нам придется играть на два фронта? — голос Максима сорвался.

— Да, — мрачно подтвердил Ромул. — Но это единственный способ выиграть время и, возможно, спасти Землю.

В комнате воцарилась напряженная тишина, нарушаемая лишь тихим гудением голографического проектора. Максим провел рукой по лицу, глубоко вздохнул и поднял глаза на Ромула.

— Я готов участвовать в доработке генератора Пси-излучения, — наконец произнес он. — Несколько лет назад мы разрабатывали похожее устройство для контроля сейсмических колебаний земной коры в зонах разломов. В зависимости от энергии сигнала и его формы, сейсмические колебания можно было как подавить, так и усилить.

Ромул кивнул, на его лице мелькнула тень надежды.

— Тогда нам нужно начинать немедленно. Времени у нас почти не осталось.

ГЛАВА 4: НАЧАЛО ХАОСА

1. Мир, погружающийся в безумие.

Максим стоял у окна своей квартиры, вглядываясь в темноту. Город уже не казался прежним. Ночные улицы, которые обычно были освещены фонарями и рекламными экранами, теперь утопали в хаосе. Издалека доносились крики, вой сирен, отголоски выстрелов.

Телефон вибрировал на столе. Это был Олег Гринев.

— Олег, что у тебя? — спросил Максим, включив громкую связь.

На другом конце раздалось тяжелое дыхание.

— Это... это какой-то кошмар, Макс! Люди с ума сходят! Вчера в лаборатории один наш сотрудник внезапно напал на коллегу, стал кричать, что слышит «голоса из земли»! Сегодня по новостям передают, что в Лондоне вспыхнули беспорядки, в Токио десятки случаев необъяснимого насилия.

Максим провел рукой по лицу.

— У меня те же новости... Что с данными по выбросам?

— Я проверил, и ты не поверишь! — в голосе Олега звучал страх. — Все вспышки насилия происходят в местах, где фиксируются аномальные выбросы энергии!

— Геологические разломы... — пробормотал Максим.

— Да! Причем эти всплески усиливаются с каждым днем! Психотрон словно пробуждается.

Максим ощутил, как ледяной холод пробежал по его спине, сковывая его.

— Спасибо, Олег. Береги себя.

Он переключил телефон в режим ожидания. Через несколько минут телефон снова зазвонил. Номер был скрыт.

- Ромул, – догадался Максим.
- Нам нужно встретиться. Срочно.

2. Гость с предупреждением.

Максим снова встретился с Ромулом в том же ангаре. Теперь человек в темном плаще выглядел еще напряженнее.

– Они начали активацию, – сразу сказал он.

– Ты про Психотрон?

– Да. Для начальной активации Психотрона используется подводный Активационный Центр, где инициируются аномальные выбросы Пси-Энергии. Кроме того, для постоянной подкачки и контроля уровня Пси-Энергии они используют скрытые ретрансляторы, установленные на орбите Земли. Эти устройства усиливают естественные выбросы Психотрона, превращая людей в агрессивных безумцев.

– И что, мы просто будем смотреть, как мир превращается в ад? – спросил Максим.

Ромул покачал головой.

– Есть способ остановить это. Но нам нужно действовать быстро.

Он развернул голографическую карту Земли, показывая точки с наибольшими энергетическими выбросами.

– Вот основные геологические разломы, через которые Психотрон проявляет свою силу. Если враги запустят оружие в полную мощь, Земля превратится в арену бесконечной войны. Люди сами уничтожат себя.

Максим посмотрел на карту.

– Как нам это предотвратить?

Ромул взглянул на него.

– Нужно отключить ретрансляторы.

3. Время на исходе.

– И где они находятся? – спросил Максим.

Ромул вывел новые изображения: орбитальные снимки с необычными объектами.

– Они замаскированы под обычные спутники. Но это не просто ретрансляторы – это усилители Пси-поля. Их десять, и они расположены по всему земному орбитальному поясу. Ретрансляторы связаны с Активационным Центром, из которого поступает начальная Пси-энергия, которая потом ими усиливается и распространяется на огромные расстояния. Ретрансляторы могут улавливать начальное поле Психотрона минуя Активационный Центр, но уровень излучаемой ими энергии в этом случае невысок, и не выходит за пределы нескольких земных радиусов.

– Как их отключить?

– Физическое уничтожение. Других вариантов нет.

Максим утвердительно покачал головой.

– Значит, игра начинается.

ГЛАВА 5: ПЕРВАЯ ВОЛНА

1. Невидимая угроза.

Город был охвачен хаосом. Беспорядки достигли апогея – по улицам носились обезумевшие люди, горели автомобили, полиция уже не справлялась. Армия ввела комендантский час, но это не помогло. Беспokoйство охватывало мир.

Максим стоял перед экраном в скрытом бункере под ангаром, который Ромул использовал как оперативный

центр. На экране отображались сигналы, поступающие со спутниковых систем.

— Они уже здесь, — тихо произнес Ромул.

Максим взгляделся в изображения. На орбите Земли зависли несколько объектов, похожих на обычные спутники, но они оставались невидимыми для обычных радаров.

— Это вражеские реперы Пси-излучения. Они используются для точного определения местоположения и ориентации ретрансляторов на орбите. Кроме того, реперы нужны им для точной настройки или усиления Пси-излучения, направленного на земную поверхность. Они работают на частотах, которые мы пока не можем заглушить.

Максим провел рукой по лицу, — Значит, то, что происходит на Земле, — их работа?

— Да. с помощью реперов ретрансляторы усиливают воздействие Психотрона, доводя человечество до предела. Еще несколько дней, и правительства потеряют контроль окончательно.

— Почему они просто не атакуют напрямую?

Ромул усмехнулся.

— Зачем тратить ресурсы, если можно заставить людей уничтожить самих себя?

Максим насупил брови. — Мы должны что-то сделать.

— Именно. И у нас есть одна зацепка, — сказал Ромул, переключая экран.

2. Точка уязвимости.

На экране появилось изображение необычного объекта, парящего на орбите. Массивная конструкция, напоминающая паутину из темного металла, медленно вращалась в космической тьме. Она казалась безмолвной, но от нее исходили незримые Пси-волны, разрывающие сознание людей на части.

Ромул выделил контуры объекта и увеличил изображение.

— Это главный ретранслятор, управляющий всей системой усиления, — голос его был напряженным. — Если мы его уничтожим, волна психоза начнет спадать.

Максим скрестил руки на груди, вглядываясь в экран.

— Где он?

Ромул активировал схему орбиты. Красная метка вспыхнула на дисплее.

— В точке Лагранжа L2. В тени Земли, за Луной.

Максим невольно сжал кулаки.

— Черт. Это не будет просто.

Ромул кивнул, задумчиво постукивая пальцами по панели управления.

— Это не просто ретранслятор. Он окружен системой защиты — автономными дронами, лазерными турелями и энергетическими щитами. Попытка атаки с обычным вооружением обречена на провал.

— Нам нужно что-то, что пробьет защиту с первого удара, — произнес Максим, пробегая взглядом по данным.

Ромул задумался, пытаясь найти оптимальное решение.

— Есть одна возможность, — наконец сказал он. — Мы можем использовать электромагнитный импульс высокой мощности, но для этого нужно подлететь достаточно близко. К сожалению, у нас нет собственного спутника или ретранслятора на орбите, который был бы способен эффективно уничтожить цель.

Максим перевел взгляд на координаты.

— Значит, у нас 48 часов, чтобы пробиться через систему защиты, выйти на дистанцию и отключить передатчик.

— Да, — подтвердил Ромул, — иначе мир погрузится в окончательное безумие.

В тишине центра управления горели экраны, освещая сосредоточенные лица. Часы отсчитывали время до точки невозврата.

ГЛАВА 6: СОЮЗНИКИ ИЛИ ХИЩНИКИ?

1. Контакт с Белой Империей.

Максим и Ромул все еще находились в бункере, когда поступил зашифрованный сигнал. Это был не простой радиоперехват, а нечто большее — чужая технология, неизвестная, но мощная.

— Это они, — тихо сказал Ромул, взглянув на пульсирующие символы на экране. — Белая Империя.

Связь установилась, и перед ними появилось голографическое изображение мужчины в белоснежном мундире с серебристыми эмблемами. Его лицо было аристократически-холодным, взгляд — пронизательным, без намека на человеческие эмоции.

— Я капитан Лорен Д'Кай, офицер Белой Империи, командующий разведывательной группой в этой зоне. Я контактирую с вами через речевой транслятор, поэтому мы сможем общаться на вашем языке. — Его голос был спокойным, но в нем чувствовалась скрытая угроза. — Ты — Максим Воронов, верно?

Максим не отвел взгляда.

— Да. Мы знаем, что вражеская Черная Империя использует Психотрон против нас. Вы пришли нам помочь?

Лорен усмехнулся.

— Помочь? Вряд ли. Мы пришли разобраться в происходящем. Вы — объект изучения, но теперь также и переменная в уравнении, которое не должно выходить из-под контроля, — ответил капитан.

— То есть вы хотите, чтобы мы не мешали вашим планам? — усмехнулся Ромул.

Лорен посмотрел на Ромула, не моргая.

— Гораздо разумнее следить за вами напрямую, чем устраниять вас. Если вы представляете угрозу нашим интересам — мы примем меры. Если же будете действовать разумно — возможно, даже получите шанс выжить в этой войне.

Максим сжал кулаки.

— Вы не собираетесь помогать нам, только наблюдать?

— Земля никогда не была субъектом в этой игре. Но вы интересны, и ваша реакция на психотронное воздействие дает нам ценные данные.

— И если мы начнем действовать так, что это вам не понравится?

Капитан слегка улыбнулся.

— Тогда я буду вынужден вмешаться.

Ромул нахмурился.

— Если не собираетесь помогать, почему вышли на связь?

Лорен сложил руки за спиной.

— Потому что пора вам узнать правду. Психотрон не естественный минерал Земли. Это посторонний объект космического происхождения.

Максим и Ромул переглянулись.

— Как? — выдавил Максим.

Лорен сделал едва заметный жест, и голограмма изменилась, показывая космическую проекцию.

— Примерно 50 миллионов лет назад шарообразный осколок Первоматерии прилетел из космоса, пробил земную кору и погрузился глубоко в мантию, осев в районе Тихого океана.

Поглощенный недрами Земли, осколок долгое время оставался в состоянии покоя, скрытый от глаз земных наблюдателей в недрах планеты. Силы, хранящиеся в его внутренней структуре, оставались неактивными, пока не наступили условия, которые могли их пробудить.

Процесс активации осколка начался, когда геологическая активность на Земле привела к серии крупных землетрясений.

С каждым годом энергия Психотрона усиливалась, и его воздействие начинало распространяться на минералы, металлы и воды в мантии Земли и на ее поверхности. Психотронное излучение стало своего рода катализатором для возникновения разумных существ. Оно изменяло поведение животных, заставляя их развиваться быстрее, чем это происходило бы в естественных условиях.

Постепенно, воздействие энергии привело к формированию первых признаков самосознания, что сыграло важную роль в эволюционном процессе. От примитивных инстинктов они перешли к более сложным формам мышления, стали способны не только воспринимать мир вокруг, но и осознавать свое место в нем. Однако, как и всякое мощное воздействие, Психотрон был опасен. Он не только способствовал развитию разума, но и породил хаос в сознании, навязывая существам новые, не всегда контролируемые эмоции и чувства.

2. Противостояние.

Максим ошеломленно смотрел на карту Земли, где в районе Марианской впадины мерцала метка.

— То есть... — он сделал паузу, переваривая информацию. — Этот минерал — не просто ресурс, и он... вам нужен?

Лорен кивнул. — Черная Империя, чьи службы активации внимательно следили за изменениями на планетах в галактике, вскоре заметили необычные энергетические выбросы. Они обнаружили Психотрон, скрытый в недрах Земли, и поняли, что его можно использовать не только для создания нового оружия, но и для воздействия на разум землян. И не только землян...

Началась новая эпоха — эпоха, в которой планета Земля оказалась в центре грандиозного эксперимента, управляемого высокоразвитыми силами, и каждое новое поколение людей становилось заложниками древней силы, освободившейся из глубин планеты. Черная Империя использовала его как катализатор для новых технологий психотронного контроля. Земля была выбрана как тестовая площадка.

Ромул сжал кулаки. — Черт побери! Они использовали нас для своих экспериментов?

Лорен едва заметно наклонил голову. — Да. И они продолжают это делать.

В разговор вмешался Максим.

— И Белая Империя... просто наблюдала?

Лорен посмотрел на него ледяным взглядом.

— Мы узнали о психотронном эксперименте, и он нас заинтересовал. Черная Империя собирала данные десятки тысяч лет. Мы решили, что технология должна принадлежать нам.

— То есть вы не собирались нас спасти? — зло спросил Максим.

Лорен склонил голову.

— А зачем? Вы всего лишь часть уравнения.

Максим почувствовал, как в нем закипает ярость.

— Значит, для вас мы — просто ресурс, как и для них.

Лорен усмехнулся.

— Ты быстро схватываешь.

3. Предложение Белой Империи.

Ромул шагнул вперед, его взгляд был полон недовольства.

— Почему вы вообще нам рассказываете это? Какой у вас план?

Лорен медленно скрестил руки, его взгляд оставался неподвижным, словно он заранее знал, что его слова произведут эффект.

— Война между Империями продолжается, — сказал он, подбирая слова с осторожностью. — Черная Империя хотела сделать Землю своей лабораторией, использовать вас как инструмент для создания оружия. Мы же видим в вас не просто объект для экспериментов. Мы хотим получить их технологии с вашей помощью.

Ромул поморщился. — Но почему выбраны именно мы?..

— Белая Империя обладает технологиями, которые могут помочь вам выжить, если вы докажете, что способны сопротивляться.

Лорен сделал паузу, как будто его слова должны были отразиться в их душах. — Если вы докажете свою стойкость, возможно, мы решим... использовать вас иначе. Возможно, не как объект наблюдения, а как союзников.

Лорен умолк на несколько мгновений, затем обратился к Максиму.

— Максим Воронов, что Вы думаете по этому поводу? — Обратился Лорен к Максиму.

Максим сжал зубы, в его глазах зажегся огонь.

— Использовать? — повторил он, не веря своим ушам.

Лорен кивнул, не спеша ответить.

— Да, вы не можете предотвратить этот конфликт. Мы уже приняли решение. Но вы можете стать его частью. Либо вас уничтожат, либо вы найдете способ быть полезными в этом великом противостоянии. Мы можем помочь вам выжить, но только если вы выберете сторону, которая приведет к вашему процветанию.

Максим долго молчал, его мысли метались, пытаясь осмыслить произошедшее. Он посмотрел на Ромула, который лишь сдержанно кивнул, но, очевидно, внутренне тоже был ошеломлен.

Наконец, Максим медленно поднял взгляд, полный решимости.

— Мы найдем свой путь, — сказал он, осознавая, что теперь этот выбор стал их собственной задачей.

Лорен слегка улыбнулся, его улыбка была почти невидимой, но в ней скрывался какой-то глубокий смысл, как будто он знал, что Максим не сможет отказаться от борьбы.

— Посмотрим, — сказал Лорен, и связь с его кораблем внезапно оборвалась.

Ромул тяжело выдохнул. — Что будем делать?

Максим взглянул на проекцию Земли, на ту точку, где глубоко под мантийным слоем покоился источник их бед.

— Найдем способ уничтожить их собственным оружием.

Война только начиналась.

ГЛАВА 7: ПСИ-ВИРУС

1. Открытие.

Максим и Ромул сидели в бункере, погруженные в расчёты. Огромные мониторы вокруг них показывали данные о психотронных выбросах, спутниковые снимки и объёмные голографические карты Земли, покрытые узорами энергетических потоков. Везде, где сходились силовые линии, располагались мощные энергетические узлы — именно они усиливали влияние Психотрона, доводя людей до безумия. Однако в этой паутине существовали темные пятна — места, где влияние загадочного артефакта ослабело или вовсе исчезало.

– Вот они, Тени Великого Предела, – сказал Ромул, указывая на один из участков в глубинах Амазонии. – В этих зонах психотронная активность почти нулевая. Мы можем использовать их в свою пользу.

Максим провел рукой по лицу.

– Нам нужно найти уязвимость. Должен быть способ обратить это оружие против них самих. Если бы мы могли как-то расширить эти зоны... – пробормотал он.

Ромул кивнул.

– Не просто расширить. Нам нужно связать их воедино. Создать искусственную «Тень», которая накроет всю планету.

Максим взглянул на него с надеждой. – И как мы это сделаем?

Ромул улыбнулся и активировал еще один слой данных на голограмме.

– Существует способ – использовать генератор Психоволн. Если мы перенастроим его так, чтобы он поглощал психотронные колебания, то сможем заставить всю планету «переключиться» в состояние Тени. Это полностью ослабит влияние Психотрона.

Ромул, уставившись в голографическую диаграмму, продолжал.

– Психотрон усиливает эмоциональные состояния. Но если изменить частоту воздействия...

– ...то можно вызвать резонанс, – закончил Максим, глаза его вспыхнули.

Ромул посмотрел на него внимательно.

– Ты имеешь в виду создать Пси-вирус?

Максим кивнул.

– Да. Если мы изменим частоту сигнала, мы можем вызвать у самих инопланетян эффект перегрузки сознания. Они тоже разумные существа, а значит, подвержены влиянию Психотрона.

Ромул задумался.

– Это рискованно. Мы не знаем, как именно Психотрон влияет на их нервную систему.

Максим указал на данные на экране.

– Но мы знаем, что у них есть эмоции. Они стараются это скрыть, но их биологическая структура допускает возможность воздействия. Если мы запустим волну на нужной частоте, мы можем отключить их контроль.

Ромул скептически покачал головой.

– Чтобы распространить сигнал, нам нужны мощные передатчики.

Максим улыбнулся.

– И мы знаем, как это сделать.

2. Энергетические точки Земли.

На экране вспыхнула карта Земли, покрытая сеткой энергетических узлов.

– Вот, – Максим указал на несколько точек. – Сейсмические аномалии, связанные с разломами, в которых проявляется Психотрон. Если мы запустим сигнал через эти зоны, он распространится по всей планете.

Ромул прищурился.

– И вызовет цепную реакцию?

– Именно.

Ромул вздохнул.

– Это безумие.

Максим усмехнулся.

– У нас есть другой выбор?

Ромул посмотрел на него, затем медленно кивнул.

– Хорошо. Но чтобы это сработало, нам нужен передатчик, который сможет пробить вражескую блокаду.

Максим задумался. – И где нам его взять?

Ромул слегка прищурился.

– Возможно, Белая Империя нам поможет.

Они снова вышли на связь с капитаном Лореном.

Инопланетянин смотрел на них с холодным выражением.

– Вы нашли решение?

Максим кивнул.

– Мы можем обратить Психотрон против врага. Нам нужен мощный передатчик, способный распространить сигнал через крупнейшие энергетические точки Земли.

Лорен некоторое время молчал.

– Вы осознаете, что рискуете уничтожить собственную планету?

Максим стиснул зубы.

– Если мы ничего не сделаем, она все равно погибнет.

Лорен изучал их взгляды, затем слегка кивнул.

– Хорошо. Я предоставлю вам координаты и входные параметры нашего ретранслятора. Но помните: если вы потерпите неудачу, мы не вмешаемся.

Ромул кивнул.

– Нам этого достаточно.

3. Начало операции.

Примерно через час они установили устойчивую связь с ретранслятором капитана Лорена Д'Кая и готовились к запуску сигнала. Максим стоял у панели управления, держа в руках компактный Пси-излучатель, и чувствуя, как его сердце бешено колотится.

– Если мы ошиблись с расчетами, то...

Ромул усмехнулся.

– Ты всегда так пессимистичен перед решающим моментом?

Максим вздохнул.

– Ладно... Поехали.

Он нажал кнопку активации.

По всей Земле начали вибрировать энергетические узлы, высвобождая новую волну психотронного резонанса.

На экранах появилось изображение: вражеские корабли начали хаотично двигаться, сбиваться с курса, некоторые открыли огонь друг по другу.

Ромул улыбнулся.

– Похоже, работает.

Максим облегченно выдохнул.

Но вдруг сигнал резко изменился, и на экране появилось новое предупреждение.

– Черт... Что-то пошло не так!

Ромул резко повернулся к нему.

– Что случилось?!

Максим посмотрел на данные.

– Кто-то пытается изменить частоту...

– Мы близки к разгадке, но чего-то не хватает, – Максим устало потер лоб. – Мы научились изменять частоты свип-сигнала, но эффект нестабилен. Черные реагируют, а Белые остаются невредимыми.

Ромул задумчиво посмотрел на экран главного монитора, анализируя пики и спады сигнала.

– Ты думаешь в правильном направлении, Максим, – наконец произнес он. – Но ты изменяешь только частоту. А что, если мы изменим фазовые характеристики сигнала?

Максим поднял голову.

– Фазовые характеристики? Это может вызвать интерференцию... усиление эффекта в определенных точках...

– Или резонанс, воздействующий на обе стороны одновременно, – кивнул Ромул. – Ты сам сказал, что психотронное излучение действует на эмоциональную сферу. А эмоции – это ритм, волны. Что если мы наложим два синфазных сигнала? Или будем поочередно использовать синфазный и противофазный режимы при сканирующей частоте сигнала, создавая режим раскачки?

Максим мгновение смотрел на него, затем вскочил.

– Ну конечно! Это может сработать!

Он бросился к рабочему столу, схватил блокнот и начал чертить формулы. Ромул наблюдал за ним с легкой улыбкой.

– Если это сработает, мы создадим Пси-вирус, который может лишить обе Империи их самого главного оружия – контроля над разумом.

– Они никогда этого не простят, – пробормотал Максим, вбивая новые параметры в программируемый генератор.

– Мы не для них это делаем, а для Земли.

Максим кивнул и продолжил работу.

Через несколько часов компактный Пси-излучатель был успешно перепрограммирован на изменения свип-сигнала по частоте и фазе.

– Запускаем машину, – сказал Максим, активируя устройство.

Генератор издал низкий, вибрирующий звук. В воздухе повисла странная тишина, а затем ощущение, будто давление в ушах резко изменилось.

Ромул резко схватился за голову.

– Черт... Это... Это работает, – прошептал он, крепко сжимая виски.

Максим с тревогой посмотрел на него.

– Слишком сильный эффект?

Ромул поднял голову, его зрачки сузились.

– Нет... Но я чувствую, как что-то внутри меня пытается сопротивляться. Будто чужой голос в голове теряет контроль.

Максим посмотрел на экран. Спектр сигнала дрожал, но стабилизировался.

– Это значит, что мы нашли слабое место их технологии, – выдохнул он. – Если мы сможем запустить этот сигнал через глобальную сеть, мы сможем сбить их психотронное оружие.

Ромул выпрямился и улыбнулся.

— Тогда давай сделаем так, чтобы они пожалели о том, что выбрали Землю своей лабораторией.

Максим взял излучатель в руки, понимая, что теперь у них есть оружие против обеих Империй. Но была одна проблема: как им воспользоваться, чтобы не уничтожить разум самих людей?

Ответа пока не было. Но время шло, и они должны были рискнуть.

ГЛАВА 8: ПОСЛЕДНИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

1. Арена безумия.

Города Земли пылали. Массовые беспорядки достигли точки невозврата. Люди нападали друг на друга, армии распадались, правительства теряли контроль. Но теперь хаос охватил не только человечество. На орбите вражеские корабли двигались хаотично, некоторые уничтожали своих же. Пси-вирус сработал, но противник не собирался сдаваться.

— Они повышают мощность генераторов! — крикнул Максим, вглядываясь в экран.

Ромул стиснул зубы.

— Значит, у нас осталось совсем мало времени.

На экране появилось лицо капитана Лорена Д'Кая.

— Центральный Пункт Управления находится глубоко под водой, в районе разлома Марианской впадины. Там же находится и Активационный Центр. Именно оттуда

они управляют всем полем. Вам надо сначала ликвидировать Центральный Пункт Управления, а потом уже нейтрализовать ретрансляторы.

Максим сжал кулаки.

— Если мы их ликвидируем...

— То Земля получит шанс выжить, — закончил Лорен.

Ромул быстро ввел координаты.

— Как добраться туда?

Лорен слегка наклонил голову.

— Белая Империя готова предоставить вам транспорт.

Но мы не будем вмешиваться в бой. Ваш мир — ваш эксперимент.

Максим вздохнул. — Значит, все придется делать нам самим.

Ромул усмехнулся.

— А разве бывало по-другому?

2. Погружение в бездну.

Через час команда уже находилась на борту специального батискафа. Он был рассчитан на глубоководные погружения, его корпус покрывал особый материал, защищавший от колоссального давления.

Ромул запустил систему навигации.

— Мы входим в нужную нам зону, через несколько минут мы окажемся над точкой погружения.

Максим посмотрел на экраны.

— Вражеские корабли на нас пока не реагируют...

— Потому что они заняты уничтожением самих себя, — сухо заметил Ромул.

Лорен вышел с ними на связь.

— Помните, как только вы начнете атаку, они поймут, что происходит. У вас не будет второго шанса.

Максим кивнул.

— Принято. Начинаем погружение

Батискаф быстро погружался в черную океанскую пучину.

— Глубина девять тысяч пятьсот двадцать метров... — сообщил бортовой компьютер.

Максим стиснул кулаки.

— Мы почти там.

На глубине десяти километров среди разломов внезапно появилось нечто искусственное.

— Вижу структуру! — воскликнул Максим.

Огромный металлический комплекс возвышался среди скал, светясь зловещими огнями.

Ромул активировал сенсоры.

— Это и есть передатчик. Сканирую защитные системы... Черт... У них автотурели!

Как только батискаф оказался в зоне комплекса, его тут же атаковали торпедами.

— Уходим вправо! — крикнул Максим.

Ромул рванул штурвал, батискаф резко ушел в сторону.

— Нам нужно проникнуть внутрь!

Максим вбил в панель секретный код доступа и координаты ближайшего шлюза.

— Там есть вход!

Ромул направил батискаф к шлюзу.

— Готовься! Как только окажемся внутри — времени будет мало.

Шлюз разгерметизировался, и они проникли внутрь комплекса. В коридорах слышался гул генераторов.

Ромул поднял оружие.

— Вперед, быстро!

Они проникли в зал, полный странных устройств. В центре зала мерцало огромное ядро передатчика.

Максим активировал переносной анализатор с системой защиты.

— Это оно! Если взорвать этот узел, вся система рухнет!

– Как мы его уничтожим? – спросил Ромул.

Максим взял устройство, доставленное с Имперского корабля.

– Эта бомба должна вызвать цепную реакцию. Нам нужно заложить ее вблизи ядра передатчика!

Но в этот момент из тени вышли фигуры – гуманоиды в черных доспехах, с удлинненными черепами и светящимися красными глазами.

– Они нас заметили... – прошептал Максим.

Ромул прицелился.

– Нет времени, закладывай заряд!

Началась перестрелка. Максим бросился к генератору, устанавливая устройство.

– Держи их! Мне нужно тридцать секунд!

Ромул укрылся за консолью, отстреливаясь от врагов.

Максим запустил таймер.

– Готово! Уходим!

Они рванули обратно к выходу.

3. Побег из ада.

Секунды тянулись вечностью. Когда они достигли шлюза, бомба уже начинала обратный отсчет.

Максим и Ромул забрались обратно в батискаф.

– Давай! – крикнул Максим.

Ромул включил двигатели.

Батискаф вырвался из комплекса, стремительно набирая скорость.

– Взрыв через пять секунд... – сообщил компьютер.

И тут вся бездна озарилась ярчайшей вспышкой.

Огромный поток энергии ударил вверх, прорвавшись через разломы.

Максим зажмурился от ослепительного света.

– Получилось?

Ромул посмотрел на экран.

– Центральный Пункт Управления уничтожен. Пси-излучение падает.

Максим откинулся в кресле, вытирая пот со лба.

– Тогда это конец...

Ромул усмехнулся.

– Нет, Максим. Это только начало.

ГЛАВА 9: ВРАТА РАЗУМА

1. Ослабление Пси-поля.

Максим и Ромул стояли в командном центре, глядя на экраны. Сигнал, который они изменили, наконец начал оказывать эффект: психотронное поле ослабевало.

– Энергетический уровень падает на 60%... 70%... – сообщила система анализа.

Максим тяжело выдохнул и опустил на стул. – Нам осталось нейтрализовать ретрансляторы.

– Проверка завершена. Генератор готов к запуску, – сказал Ромул, вглядываясь в экран консоли.

Максим сделал глубокий вдох и посмотрел на своего союзника.

– После активации у нас не будет второго шанса. Либо мы отключим все ретрансляторы, либо Земля останется под контролем психотронного воздействия навсегда.

Ромул слегка усмехнулся.

– Я предпочитаю не думать о худшем сценарии. Просто сделаем свою работу.

Связь с орбитой уже была установлена – капитан Лорен Д'Кай выполнил свою часть сделки. На одном из ко-

раблей Белой Империи находился мощнейший ретранслятор, предоставленный для их миссии. Хотя намерения Д'Кая были далеки от альтруизма, он понимал, что если Черная Империя победит, его собственный народ окажется под угрозой.

— Д'Кай, мы готовы к передаче сигнала, — передал Максим через закодированный канал.

Ответ пришел мгновенно.

— Понял вас, Воронов. Запускайте. Но помните: если что-то пойдет не так, мы не сможем вас спасти.

Максим кивнул, хотя знал, что капитан его не увидит.

— Начинаем.

Он ввел финальную команду на панели управления, и пси-генератор начал работать. Его вибрации проникали в самую суть пространства, резонируя с энергетическими узлами Земли.

Через несколько секунд сигнал достиг первого энергетического узла — точки, где пересекались мощные геоэнергетические линии планеты. Затем волна пошла дальше, охватывая все главные энергетические зоны Земли, словно каскад падающих домино.

— Пошло! — воскликнул Ромул, наблюдая за изменениями на мониторах.

На орбите началось нечто невероятное. Один за другим ретрансляторы Черной Империи начинали отключаться. Их искусственные Пси-потoki больше не могли удерживать планету в когтях безумия. В считанные минуты вся система передачи психотронного сигнала рухнула.

— Это работает! — воскликнул Максим.

Однако в этот момент монитор вспыхнул тревожным сигналом.

— Что-то не так, — произнес Ромул, глядя на непонятные показатели.

На орбите оставался один, самый мощный ретрансля-

тор, который держался дольше остальных. Если он выдержит удар, система может перезапуститься.

— Надо увеличить мощность до максимума, — сказал Максим, вводя последние команды.

Пси-генератор переключился в сверхмощный режим, излучая последние резервы энергии. Волна накрыла орбиту, словно шторм, и последний ретранслятор вспыхнул, разлетаясь на обломки.

Максим закрыл глаза и прислушался. Мир больше не гудел на низких частотах психотронного воздействия. Он знал — они победили. — Мы сделали это, — выдохнул он.

Ромул усмехнулся и положил ему руку на плечо. — Вопрос только в том, что будет дальше. Посмотри, что осталось от мира.

На экранах отображались разрушенные города, поглощенные хаосом. Люди бродили по улицам, их лица отражали смесь страха, агрессии и безумия. Многие продолжали атаковать друг друга, их сознание было уже необратимо изменено.

Максим закрыл лицо ладонями.

— Мы сломали контроль, но... не всех удастся вернуть.

Ромул кивнул. — Те, кто слишком долго находился под влиянием психотрона, уже не смогут мыслить по-старому. Их разум перешел за грань обычного восприятия.

Максим задумчиво покачал головой.

— Но есть и другая сторона. У некоторых людей происходит странная эволюция. Их мозговая активность выходит за пределы нормы. Они начинают... видеть и понимать больше.

Ромул удивленно поджал губы.

— То есть, те, кто выжил, уже не совсем люди?

Максим кивнул.

— Они стали другими...

2. Отступление врага.

На связь вышел Лорен Д'Кай. Его лицо впервые выражало нечто похожее на уважение.

— Вы изменили ход эксперимента. Черная Империя осознала, что потеряла контроль над ситуацией. Их флот начал отступление.

Максим стиснул зубы.

— Они решили просто уйти, после всего, что натворили?

Лорен слегка наклонил голову.

— Они получили результаты, но эти результаты стали для них угрозой. Вы вышли за пределы ожидаемого поведения. Теперь ваш разум непредсказуем.

Ромул усмехнулся.

— Их пугает то, что мы можем стать сильнее, чем они рассчитывали?

Лорен кивнул.

— Возможно. Но теперь вы в серой зоне. Вас уже нельзя считать просто объектами эксперимента, но и равными нам вы не сможете стать. Вы — аномалия.

Максим сжал кулаки. — Что теперь?

Лорен пристально посмотрел на него.

— Это ваш мир. Теперь решайте, что делать с новой реальностью.

Связь прервалась.

3. Новая эра разума.

Максим вышел на поверхность, глядя на руины города. Мир, который он знал, исчез. Но что-то в воздухе изменилось. Люди, выжившие в этом кошмаре, стали... другими.

Некоторые стояли в полной тишине, глядя в небо, как будто видели нечто, недоступное обычному взгляду. Другие разговаривали без слов, будто телепатически передавая мысли.

Ромул подошел к Максиму.

— Они... объединяются?

Максим кивнул.

— Психотрон не просто разрушил их разум. Он открыл новые двери. Теперь мы не просто люди. Мы нечто другое.

Ромул скептически посмотрел на него.

— И что теперь?

Максим глубоко вдохнул.

— Теперь мы либо научимся управлять этим новым сознанием... либо уничтожим сами себя окончательно.

ГЛАВА 10: ОБЪЕКТ ЗАКРЫТ?

1. После бури.

Максим стоял на крыше разрушенного здания, глядя на город. Мир изменился. Границы разума расширились, но цена оказалась высокой. Вдали виднелись группы людей, которые теперь мыслили иначе. Они почти не говорили, но обменивались мыслями так, как если бы у них появился новый, общий язык.

Сзади к нему подошел Ромул, держа в руках планшет с последними данными.

— Белая Империя обновила статус Земли, — сказал он, передавая устройство Максиму.

На экране было написано:

«Объект Психотрон-MD731: Статус изменен. Дальнейшие эксперименты приостановлены. Статус: НЕОПРЕДЕЛЕН.»

Максим прочитал вслух.

– «Неопределен»? Они не знают, что с нами делать?

Ромул кивнул.

– Мы выбрались за пределы их эксперимента. Они не ожидали, что люди смогут адаптироваться.

Максим продолжал смотреть на экран.

– И что теперь?

Ромул вздохнул.

– Это вопрос ко всей галактике.

2. Наследие психотрона.

Связь с Империей вышла на новый уровень. Через несколько часов после объявления нового статуса на контакт вышел Лорен Д'Кай. Его изображение появилось на голографическом дисплее.

– Земляне, вы больше не объекты эксперимента. Ваш разум изменился, а с ним изменится и вся галактика.

Максим скрестил руки.

– Что это значит?

Лорен наклонил голову.

– Психотрон – не просто артефакт. Это ключ к пониманию истинной природы сознания. Ваши изменения доказали, что влияние Психотрона может быть подвержено внешнему воздействию. Белая Империя изучит этот феномен. Но теперь...

Максим сузил глаза.

– Теперь вы увидели, что мы тоже можем его контролировать?

Лорен усмехнулся.

– Вы – первый разум, который не только пережил контакт с Психотроном, но и адаптировался. Мы не знаем, что будет дальше.

Ромул вмешался:

– И что это значит для нас?

Лорен на мгновение замолчал.

– Это значит, что война Империй может измениться. Ваша планета больше не просто ресурс. Теперь вы фактор, который нельзя игнорировать.

Максим кивнул.

– Но вражеская Империя отступила. Они нас боятся? Лорен посмотрел в сторону, будто что-то обдумывал.

– Они ушли, но не навсегда.

– Они вернуться? – спросил Максим

Лорен сделал паузу.

– Возможно. Теперь не только Белая Империя будет наблюдать за вами.

3. Двери в неизвестность.

Когда связь с Лореном прервалась, Максим и Ромул остались наедине с новой реальностью.

Ромул задумчиво посмотрел на горизонт.

– Мы сделали шаг в неизведанное. Ты понимаешь, что это значит?

Максим кивнул.

– Мы больше не просто люди. Теперь мы нечто другое. Ромул усмехнулся.

– Мы не закрыли объект. Мы просто вышли за его пределы.

Максим посмотрел в небо.

– И кто знает, что будет дальше.

Ветер разносил пепел разрушенного города, но в воздухе витало нечто большее.

Будущее изменилось.

Конец.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НАУТИЛУСА

ПРОЛОГ

1970 год. Калифорнийский Институт Океанографии организовал экспедицию одного из своих научно-исследовательских судов к подводным каньонам у южного побережья Гавайских островов. На борту судна находился подводный обитаемый аппарат «Каилуа-Кона», для изучения геологических процессов, связанных с вулканической активностью региона. В районе подводного склона Пуналулу вблизи активного вулкана Лоихи на глубине 960 метров «Каилуа-Кона» сделал неожиданное открытие. В свете прожекторов было обнаружено странное сооружение – массивная конструкция из неизвестного материала, частично скрытая осадочными породами и морской флорой. Гладкие, ровные стены, встроенные в океанское дно, отражали свет металлическими бликами. Это сооружение не было похоже ни на одну из известных морских станций или лабораторий.

Команда «Каилуа-Кона» затаила дыхание: геометрически правильные формы, покрытые неизвестным науке ма-

териалом, напоминали нечто среднее между металлическим сплавом и природным минералом. На одной из стен отчетливо выделялось огромное круглое окно. Его прозрачная поверхность, напоминающая стекло, была совершенно гладкой, без трещин и повреждений, несмотря на огромное давление воды. Мощный луч прожектора прорезал густую тьму, выхватывая из мрака внутренний интерьер таинственного комплекса.

Подводный аппарат вплотную приблизился к комплексу и начал съемку интерьера специальной видеокамерой. Камера запечатлела приборы, мониторы и сложные системы, о назначении которых можно было лишь догадываться. Внутреннее помещение поражало своей сложностью и продуманностью, стены были усеяны панелями с символами и надписями, не похожими ни на один известный язык.

Судя по всему, это была чья-то подводная лаборатория, предназначенная для изучения тектонических процессов, происходящих в районе Гавайского горячего пятна.

Изучение находки длилось несколько часов, затем экипаж «Каилуа-Кона» был вынужден покинуть найденный подводный объект из-за ограниченного запаса кислорода. Поднявшись на поверхность, они сразу же передали материалы исследования в Калифорнийский Институт Океанографии, Международный Центр Геофизических Исследований, а также в секретный отдел Пентагона пытались собрать дополнительные мнения и возможные объяснения феномена.

Часть информации просочилась в СМИ, вызвав широкий общественный резонанс и множество теорий о происхождении загадочной подводной лаборатории.

Журналисты писали о загадочной подводной лаборатории, выдвигая гипотезы об ее происхождении – от секретных военных разработок до следов древней затонувшей цивилизации. Однако со временем шумиха вокруг находки

угасла. Научное сообщество пришло к выводу, что объект, скорее всего, является заброшенной исследовательской станцией, созданной неизвестными государственными структурами, и на этом обсуждение затихло.

Однако, в недрах Пентагона было принято иное решение. Вскоре был создан засекреченный проект для изучения этой находки. Анализ материалов, взятых с места обнаружения, показал, что они не соответствовали ни одному известному сплаву или природному элементу. Кому могла принадлежать эта лаборатория, оставалось загадкой.

2021 год. Военно-морская база США на атолле Диего-Гарсия, расположенном в архипелаге Чагос в Индийском океане. Необитаемый подводный аппарат (НПА) «Наутилус» приписанный к специальному отделу подводных исследований Пентагона, осуществлял скрытное патрулирование в стратегически важном районе архипелага.

«Наутилус» представлял собой один из самых передовых образцов подводной разведывательной техники, разработанный в рамках сверхсекретной программы *NEX-09A (Naval Exploration & eXfiltration – 09A-class)*.

Официально аппарат числился в составе океанографической миссии, выполняя задачи по изучению подводных течений и геологических структур морского дна. Однако его истинное назначение оставалось глубоко засекреченным: «Наутилус» был предназначен для скрытного обнаружения и слежения за подводными лодками вероятного противника. Одновременно с этим «Наутилус» размещал в океанических глубинах подводные буи-регистраторы, оснащенные системой передачи информации о передвижениях субмарин.

Операция шла по плану, пока во время очередного сеанса передачи данных связь с «Наутилусом» внезапно не прервалась. Операторы на базе несколько раз пыта-

лись восстановить контакт, но тщетно. Исчезновение субмарины было столь же внезапным, сколь и бесследным. Что произошло в тот момент на глубине — оставалось неизвестным...

ГЛАВА 1. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ «НАУТИЛУСА»

Адмирал Томас Холдстоун сидел в своем кабинете в правом наружном крыле Пентагона с видом на Потомак. Мягкий свет настольной лампы выхватывал из полумрака строгие линии дубового стола. В воздухе стоял слабый запах бумаги и кофе, впитавший напряжение долгих ночей, проведенных над секретными докладами.

Адмирал рассеянно постукивал пальцами по столу, глядя на экран монитора, где большими красными буквами мигал текст срочного донесения из Центра Аналитической разведки:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО, ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ. ОКЕАНОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ „ПОСЕЙДОН“. ПРОПАЖА НЕОБИТАЕМОГО ПОДВОДНОГО АППАРАТА „НАУТИЛУС“. ПОСЛЕДНИЕ КАДРЫ ФИКСИРУЮТ АНОМАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ».

Он перечитывал текст снова и снова, словно пытаясь найти что-то, чего там на самом деле не было. Подводный аппарат исчез, не оставив ни следов, ни аварийных сигналов. Это само по себе казалось невозможным.

В дверь кабинета постучали.

— Входите. — рассеянно произнес адмирал.

Дверь кабинета отворилась, вошла секретарь адмирала и положила на стол лист с оперативной сводкой.

– Оперативное донесение, сэр. Только что получено, прислали из Аналитического Центра Разведки.

– Хорошо, Вы свободны. Спасибо. – произнес Адмирал и взглянул на донесение:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ДОКЛАД №001/23

Дата: 6 июня 2021 года

Время: 04:20 (по местному времени)

Тема: Потеря связи с НПА «Наутилус».

Ситуация:

Связь с НПА «Наутилус» была потеряна 6 июня 2021 года в 03:47 по местному времени во время сеанса передачи данных. Последний переданный пакет содержал данные о возникновении неопознанного акустического сигнала вблизи НПА, после чего канал связи был прерван. Все попытки восстановить связь не увенчались успехом.

НПА пропал на глубине 550 метров, северо-западнее архипелага Чагос.

Реагирование:

В 04:12 по местному времени начата экстренная поисково-спасательная операция. Следов аварии или внешнего воздействия в поисковой точке не обнаружено. Буи, размещенные НПА не зафиксировали признаков разрушения.

Действия на данный момент:

Операция продолжается, используются спутниковое наблюдение и глубоководные дроны.

Ответственное лицо:

Капитан Джеймс Морган, Подразделение подводной разведки и спецопераций (Submarine Reconnaissance and Special Operations Unit), военно-морские силы США

Адмирал глубоко вдохнул, подавляя беспокойство, и нажал кнопку селектора.

— Срочно свяжите меня с капитаном Марком Рейнольдсом.

Ответа ждать не пришлось.

— Уже в пути, сэр, — раздался голос дежурного.

Холдстоун откинулся в кресле. Он знал этого человека. Рейнольдс был опытен, холоден, сообразителен и достаточно упрям, чтобы не отступить перед неизвестностью. А неизвестность — именно то, с чем им предстояло столкнуться.

Дверь кабинета открылась, и вошел высокий мужчина в морской форме.

— Марк, садись, — коротко бросил адмирал, жестом указывая на кресло.

Рейнольдс молча сел, взглянув на монитор с секретным донесением.

— Что случилось?

— «Наутилус» пропал. Последний сигнал поступил в 03:47 по местному времени. С тех пор — тишина.

— Какие были последние координаты?

— Северо-западнее архипелага Чагос, глубина — примерно 550 метров. Связь прервалась внезапно, без зафиксированных помех или внешнего вмешательства.

— Какие-то данные с подводных регистраторов??

— Пока нет. Регистраторы не обнаружили признаков аварии или взрыва.

Адмирал встал из-за стола и стал ходить по кабинету, держа руки за спиной. Пропажа аппарата, тем более экспериментального, могла означать что угодно — от технического сбоя до внешнего воздействия. Но его интуиция подсказывала: произошло нечто большее.

— Аппарат исчез с радаров, Марк. Связь оборвалась. Но перед этим мы получили вот это.

Холдстоун нажал кнопку на консоли, и на экране возникли кадры глубоководной съемки. Тьму рассекали резкие вспышки света. Камера «Наутилуса» скользила вдоль

подводного хребта, фиксируя силуэты причудливых строений. Некоторые из них уходили глубоко в массивные расщелины. Их структура была слишком правильной, слишком упорядоченной — природа не могла создать нечто подобное. Затем съемка внезапно оборвалась, изображение исчезло.

Рейнольдс подался вперед.

— Это город... чертовски реальный город, сэр. Аппарат зафиксировал правильную геометрию строений. Не похоже на рифы или подводные скалы.

Адмирал пристально взглянул на него, выдержав паузу.

— Главное не это, капитан. «Наутилус» исчез. А значит, либо он кому-то мешал, либо кто-то... или что-то сделало так, чтобы он больше не передавал данные.

Он откинулся на спинку кресла, скрестив пальцы рук. В комнате повисла напряженная тишина. На экране замер последний кадр — темнота, поглотившая все.

— Это последнее изображение, полученное с «Наутилуса», — адмирал посмотрел на Рейнольдса. — После этого связь прервалась.

Капитан Марк Рейнольдс пристально всматривался в экран, словно надеялся разглядеть там что-то еще.

— Вы хотите сказать, что аппарат просто... исчез?

— Я говорю, что с ним случилось нечто, чего мы не понимаем, — ответил Холдстоун. — И мы не можем позволить себе ждать. У вас есть два с половиной часа, чтобы собрать людей и оборудование. Вы вылетаете на Диего Гарсия.

Рейнольдс кивнул, его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах вспыхнуло напряжение.

— Какой у нас официальный приказ?

— Поиск и спасение. Но, — Холдстоун сделал паузу, — если это действительно то, о чем я думаю... вам потребуются полная оперативная свобода.

— Понял вас, адмирал.

Холдстоун нажал кнопку на консоли связи.

— Подготовить специальный рейс. Обеспечить полную поддержку группы капитана Рейнольдса. Вылет через два часа двадцать пять минут.

Он снова взглянул на Марка.

— Желаю вам удачи, капитан.

Рейнольдс выпрямился, уголки его губ дрогнули в легкой полуулыбке. Глаза, холодные и внимательные, смотрели на адмирала, словно сканируя каждую его реакцию. В голосе не было ни капли волнения, только расчетливая отстраненность. Он взглянул на свои часы и негромко произнес:

— Мы найдем «Наутилус». Или хотя бы узнаем, что с ним произошло.

Он развернулся и быстрым шагом покинул кабинет. Время пошло.

ГЛАВА 2. ЭКСПЕДИЦИЯ В БЕЗДНУ

На рассвете небо над взлетной полосой военно-морской базы в Арлингтоне, Вирджиния было окрашено в бледно-розовые и золотистые оттенки. Воды Атлантического океана поблескивали в утреннем свете, но для капитана Марка Рейнольдса это зрелище не имело привычного успокаивающего эффекта. Сегодня он отправлялся туда, куда никто прежде не заглядывал без риска исчезнуть без следа.

Капитану и его команде предстоял перелет через Атлантический океан, Европу и Ближний Восток до конечного пункта назначения. Длина маршрута составляла

8100 морских миль, а время в пути 20 часов с дозаправками.

Транспортный самолет ВМС США Boeing C-17 Globemaster III уже начал прогревать двигатели на взлетной полосе. Экипаж готовился к вылету, грузчики спешно закрепляли оборудование, а механики проверяли системы.

В центре всей этой суеты Рейнольдс заметил высокого мужчину в очках и темной куртке.

– Доктор Хауэр, рад видеть, – сказал он, подходя ближе.

Доктор Нил Хауэр, океанограф и специалист по древним цивилизациям, кивнул и снял очки, протирая их краем рубашки.

– Марк, привет. Сразу же после прилета на базу вам придется пересечь в обитаемый батискаф «Океанис», который доставит вас к месту возможной пропажи аппарата. Надеюсь, ты понимаешь, насколько важна эта миссия. Мы имеем дело с чем-то, что выходит за рамки известных нам наук.

– Я понимаю только одно, Нил: «Наутилус» пропал, и если мы не найдем его следы, может случиться еще большая неприятность.

Хауэр усмехнулся и кивнул в сторону палубы.

– И все же тебя не пугает мысль, что мы, возможно, встречаемся с разумной формой жизни, отличной от нас?

Рейнольдс бросил на него задумчивый взгляд.

– Если это разумная форма жизни, то мне бы хотелось понять, враги они нам или нет.

Внезапно из-за контейнера, готового к погрузке, вышла женщина в форме ВМС. Ее темные волосы были стянуты в строгий хвост, а взгляд выдавал стальную решимость.

– Капитан Рейнольдс? Лейтенант Эмили Картер, старший специалист по подводным коммуникациям. Назначен-

на в вашу команду, меня уже ввели в курс дела. Вместе со мной инженерно-технический отряд из двух человек для обслуживания систем «Океаниса»:

– Джеймс Хантер, старший инженер, специалист по гидравлическим системам и энергообеспечению с большим стажем работы на подводках;

– Мартин Райс, эксперт по акустическим системам навигации и связи;

Рейнольдс коротко кивнул, пожимая ей руку.

– Добро пожаловать на борт, лейтенант. Рад вас всех видеть, джентельмены. Как быстро сможете разобраться с системами связи?

– После подключения нашего оборудования к глубинному модулю «Океаниса», нам нужно будет еще 10 минут для проверки канала, – ответила ему Эмили Картер.

– Если «что-то» действительно существует, капитан, – заметил Хауэр, – надеюсь, оно не окажется враждебным. Рейнольдс взглянул на обоих и направился к трапу.

– У нас нет времени на теории. Узнаем, когда спустимся.

Наконец, все оборудование было погружено, и группа капитана Рейнольдса заняла свои места в пассажирском отсеке. Самолет вырулил на взлетную полосу, и через несколько минут оторвался от земли.

Как только Boeing поднялся в воздух и устремился в небо, за окном открылась впечатляющая картина. Сквозь прозрачное стекло можно было увидеть, как полотно земли под ними постепенно уменьшалось, превращаясь в размытую сеть дорог, рек и зеленых просторов.

Мягкий утренний свет, пробивающийся через облака, придавал всему миру ощущение спокойствия. Земля постепенно превращалась в пустую, но красивую картину из тонких полос и пятен, когда солнечные лучи начали рассекать облака, создавая затененные участки и яркие блики на земной поверхности.

С высоты несколько тысяч метров под самолетом раскинулся океан. Он был однообразный и спокойный, словно огромное зеркало, отражающее свет раннего утра. Темно-синяя вода, с легким блеском на поверхности, терялась вдалеке, где встречалась с горизонтом, создавая ощущение бесконечности.

Капитан Рейнольдс, сидя в кресле, внимательно следил за картой маршрута, отображающей предстоящий путь. Впереди, над Атлантическим океаном, открывался мир, где не было ничего, кроме бескрайних горизонтов, облаков и океанской глади.

Первые несколько часов полета прошли спокойно. В безоблачном летнем небе самолет пересекал Атлантику. В этот момент экипаж смог немного расслабиться, хотя атмосфера оставалась сосредоточенной и внимательной.

— Следующая дозаправка в Великобритании, — напомнил пилот, когда самолет начал приближаться к берегам Европы. — Все по расписанию. Ветер сильнее, чем обычно, но это не мешает.

Как только самолет благополучно приземлился на британской базе для дозаправки, капитан отдал команду на небольшую передышку.

— Хорошо, что мы прошли этот участок, — сказал он, вытягиваясь в кресле. — Следующий этап — Ближний Восток. Там нас уже ждут заправщики.

Полет через Европу и Ближний Восток прошел без происшествий. Капитан Рейнольдс дремал с закрытыми глазами, чувствуя, как тело расслабляется в мягком сиденье. Шум двигателей и ровный гул самолета стали для него почти музыкой, создавая тихое, успокаивающее окружение. Он думал о том, как давно его команда уже в пути, и как много зависит от слаженности действий всех участников.

Наконец самолет пересек Индийский океан и начал снижаться к базе Диего Гарсия. Самолет приземлился

плавно, и через несколько минут, когда он замедлил движение, капитан Рейнольдс вздохнул с облегчением. Этот долгий путь через океаны и континенты был завершен. Но, несмотря на усталость, он знал, что каждый этап был частью важной миссии.

После окончания полета группа капитана Рейнольдса вышла из самолета. Рядом с трапом уже стоял военный транспортер, который доставил их прямо к пирсу базы. Там, в ожидании, их уже ждал исследовательский океанографический корабль «Abyss Explorer», на его палубе был размещен батискаф «Океанис», готовый к погружению.

Батискаф «Океанис» был последним достижением в области глубоководных исследований, специально спроектированным для разведывательных операций на больших глубинах, обеспечивая экипажу безопасность и автономность в течение 12 часов.

Главный отсек был центром управления батискафом. Здесь располагались рабочие места экипажа, оснащенные ремнями безопасности и информационными панелями для анализа данных в режиме реального времени. На командной панели размещались рычаги управления аппаратом, дисплеи, передающие изображения с внешних видеокамер и экран гидролокатора для кругового обзора. Рабочие кресла имели специальную систему амортизации, разработанную для защиты экипажа во время резких маневров.

Приборный отсек находился за переборкой и служил технологическим сердцем батискафа. Здесь размещались навигационные системы, гирокомпас, автоматическая система стабилизации и система гидроакустической связи для приема и передачи сообщений. Специальные сенсоры собирали данные об окружающей среде, анализируя состав воды, давление, температуру и аномальные энергетические всплески. В отсеке также находилась капсула с аварийным радиомаяком, активируемая и выбрасываемая наружу в случае чрезвычайной ситуации.

Вспомогательный отсек был отведен под энергетический блок и систему жизнеобеспечения. Основной источник питания — блок высокоэффективных литий-ионных батарей, обеспечивающий стабильную работу всех систем. Ключевой особенностью батискафа была установка экстракции кислорода из морской воды. Система, основанная на технологии электролиза, позволяла экипажу дышать без необходимости брать с собой большие запасы воздуха, что значительно увеличивало автономность аппарата.

Несмотря на ограниченные размеры, конструкция батискафа была тщательно продумана для удобства работы в экстремальных условиях.

Группа капитана Рейнольдса загрузила все необходимое оборудование, и «Челленджер-2», не теряя времени, отчалил от пирса. Через два часа они уже находились в точке, где был зафиксирован последний сигнал от подводного аппарата «Наутилус» — они были на месте.

Первыми вошли внутрь батискафа лейтенант Эмили Картер и ее группа. Рейнольдс остался на главной палубе, оглядывая океанскую гладь, которая сверкала, отражая солнечные лучи.

По внутренней связи раздался спокойный голос Эмили: — Капитан, батискаф «Океанис» готов к спуску. Экипаж на борту. — Принято, — ответил Рейнольдс, кивая, как будто проверяя свой ответ.

Он шагнул внутрь батискафа, где его уже ждала команда, занявшая свои места. Рейнольдс занял кресло главного пилота, и на мгновение отвлекся, решив еще раз проверить карты в своем планшете, пока оператор с командного пункта управления раздавал последние инструкции.

Подъемная лебедка с громким звуком начала работу, и батискаф был аккуратно перенесен с палубы судна на поверхность океана.

— Связь двусторонняя, — сказала Картер, поправляя гарнитуру. — В случае нештатной ситуации сможем подняться на поверхность в течение десяти минут.

Рейнольдс закрыл планшет и пристегнулся. Внутри батискафа установилась тишина, все ждали, затаив дыхание.

— Всем удачного погружения, спускаемся, — сказал он, в последний раз проверив приборы.

Гидравлика бесшумно закрыла входной люк, и батискаф начал медленно погружаться в океанскую пучину, оставляя за собой лишь круги на воде.

На отметке 200 метров батискаф вошел в зону световой дисперсии, свет от поверхности океана начал исчезать. Внешнее давление по показаниям приборов составляло примерно 20 атмосфер.

Рейнольдс следил за экранами. На отметке 500 метров стало абсолютно темно, батискаф погрузился в зону крошечного мрака. Океан казался пустым, но он знал: тьма — это не пустота. Это всего лишь пространство, скрывающее в себе множество неожиданностей и тайн.

— В районе архипелага Чагос термоклинная зона находится на глубине примерно 400 метров, и ниже нее температура воды должна быть стабильно низкая, около 4–6° С.. — Обычно здесь колебания хотя бы в пределах двух градусов. А тут... странно. Наружные термосенсоры показывают температуру +14.5° С.

Рейнольдс бросил взгляд на сонары.

— Картер, что у нас по шумам?

— Практически ничего, капитан. Ни движения, ни звуков. Такое ощущение, будто мы попали в...

И вдруг экран видеомонитора вспыхнул. Луч прожектора из темноты выхватил очертания ангара сигарообразной формы, с круглыми окнами-иллюминаторами. За этим ангаром виднелись несколько зданий с крышами полусферической формы разных размеров, которые плотно примыкали друг к другу, образуя нечто похожее

на обитаемое поселение или исследовательскую станцию.

— Черт возьми... — выдохнул Рейнольдс, вглядываясь в экран. — Смотрите! Это оно... то, что мы ищем!

Рядом с массивным ангаром, наполовину скрытым в подводных скалах, отчетливо виднелся корпус «Наутилуса».

— Боже... «Наутилус»... — прошептала Эмили Картер, не веря своим глазам.

Внезапно сонар поисковой гидроакустической системы подал тревожный сигнал. Рейнольдс резко повернулся к видеомонитору. Что-то двигалось в их сторону — из глубины, из темноты. Он инстинктивно схватил рукоять управления.

— Всем приготовиться! — голос его прозвучал жестко. — Мы здесь не одни.

За иллюминатором «Океаниса» была кромешная тьма, освещаемая узким лучом прожектора. Но теперь она уже не была пустой. Кто-то наблюдал за ними.

ГЛАВА 3. ВСТРЕЧА С ХОМО АКВАТИКУС

Тишина в батискафе казалась зловещей, почти осязаемой. Лишь приглушенный гул системы жизнеобеспечения и редкие щелчки приборов нарушали напряженное молчание. За стеклом иллюминатора простиралась бескрайняя тьма, скрывающая в себе нечто, о чем человечество даже не подозревало.

Обнаруженные ими подводные строения не были похожи ни на одно из известных науке археологических открытий. Колонны, испещренные странными, неизвестными символами, стены, сложенные из идеально подогнанных блоков, — все это не могло быть естественным образованием. Даже с учетом процессов глубинной эрозии, эти сооружения выглядели так, словно были построены вчера.

Но взгляд капитана Рейнольдса был прикован не столько к странным подводным строениям, сколько к найденному аппарату. «Наутилус» покоился у основания ангара, словно кто-то аккуратно поместил его на ровную горизонтальную площадку.

— Это не похоже на кораблекрушение, — тихо произнесла Эмили Картер, прищурившись и вглядываясь в видеомонитор. — Никаких обломков, повреждений корпуса... Если бы аппарат потерял управление и рухнул на дно, он вряд ли оказался бы прямо у входа в ангар.

Рейнольдс кивнул, не отрываясь от панели управления.

— Верно. Я тоже не вижу следов катастрофы или разрушений от давления. Все выглядит так, будто его просто... припарковали.

Лейтенант Картер, сидящая за пультом управления поисковой гидроакустической системы, вдруг громко произнесла:

— Капитан, у нас зафиксировано движение!

Ее пальцы быстро забегали по клавиатуре, выводя на экран показания сонара. Рейнольдс наклонился ближе, всматриваясь в вспыхнувшие на дисплее отметки.

— Что-то приближается?

Картер кивнула.

— Да, но оно не идет прямо на нас. Оно движется... как бы по кругу. Окружает нас? Или наблюдает?

Эмили, выпрямившись, провела рукой по лицу и продолжала: — Если это не случайная аномалия, значит, кто-то или что-то прекрасно знает, что мы здесь.

Рейнольдс не ответил. Он оторвал взгляд от панели управления батискафом и снова посмотрел на «Наутилус». Действовать нужно было быстро.

— Мы запускаем разведывательный дрон.

Эмили активировала пульт, и небольшой автономный аппарат, отсоединившись от батискафа, мягко скользнул в сторону найденного аппарата. Через несколько секунд он добрался до корпуса «Наутилуса» и стал медленно передвигаться вдоль его обшивки.

— Корпус не поврежден, люк открыт... — комментировала Эмили, сверяясь с изображением на экране.

— Запускайте дрон внутрь. — отдал приказ Рейнольдс.

Дрон осторожно проник через открытый люк внутрь «Наутилуса».

— Аппарат полностью заполнен водой, внутри аппарата нет никаких следов разрушений. — Голос Эмили Картер дрожал. — Что здесь произошло?

В этот момент на экране появилось нечто, заставившее всех троих замереть от неожиданности и тревоги. Перегородки во внутреннем отсеке «Наутилуса» были покрыты знаками. Незнакомые, явно искусственные символы покрывали металл, шли вдоль панелей управления, рассыпались замысловатыми узорами по столам и переборкам.

— Эти же знаки были на колоннах... — продолжала Эмили.

Рейнольдс кивнул: — Это не случайность.

И тут раздался пронзительный звуковой сигнал. Сонар зафиксировал движение.

Эмили взглянула на приборы и побледнела: — Контакт! Объект движется прямо к нам!

Рейнольдс мгновенно перевел взгляд на экран видеомонитора. Из мрака появились сначала едва заметные тени, затем силуэты, освещенные прожектором.

Высокие, изящные фигуры скользили по поверхности океанского дна с невероятной грацией. Их тела напоми-

нали человеческие, но кожа странно переливалась оттенками серебра и синевы, мягко мерцая металлическим блеском. Она казалась почти полупрозрачной, как у глубоководных обитателей, привыкших к вечной темноте. Перепончатые кисти рук, вытянутые конечности, мощные грудные мышцы и спинные плавники намекали на их подводную эволюцию. Но наиболее жуткими были их глаза — огромные, лишенные век, они мягко светились в темноте, будто впитывая окружающий свет и отражая его.

Существа двигались медленно, осторожно — без признаков агрессии или страха. Они не были ни рыбами, ни дельфинами, ни кальмарами. Они были людьми. Но не такими, как те, кто жил на земной поверхности.

Рейнольдс затаил дыхание. Одно из существ приблизилось к батискафу, и в объектив камеры, расположенной над иллюминатором, на мгновение попало его лицо. Глаза внимательно смотрели прямо на них.

Эмили вскрикнула, и экран видеомонитора внезапно погас. В кабине батискафа повисла тишина.

Рейнольдс медленно перевел взгляд на дисплей сонара. Существа больше не двигались. Они замерли в воде, словно ждали. Затем одно из существ сделало несколько плавных движений руками, словно подавая сигнал. Жесты были четкими, осмысленными — оно явно пыталось что-то сказать. Через мгновение существо вытянуло руку в сторону и медленно повело ее вперед, указывая направление.

— Они знают, что мы здесь, — прошептала Эмили, не отрывая взгляда от экрана. — И хотят, чтобы мы следовали за ними.

Рейнольдс молча наблюдал за происходящим, затем глубоко вдохнул и крепче сжал рычаги управления.

— Что ж... Следуем за ними.

ГЛАВА 4. ТАЙНА, СКРЫТАЯ В АНГАРЕ

Батискаф «Океанис» медленно следовал за существами, скользящими в глубине. Они двигались уверенно, их перепончатые пальцы время от времени указывали направление к ангару, рядом с которым стоял «Наутилус».. Скоро батискаф остановился у входа в ангар, встроенный в скальную породу.

– Похоже, они ведут нас внутрь, – произнес Рейнольдс, не отрывая взгляда от экрана.

Существа приблизились к воротам ангара. На мгновение они остановились, затем слаженным движением вытянули руки вперед. Внутри массивных створок загорелись голубоватые линии, и спустя секунду металлические панели ангара сдвинулись в стороны, открывая темное пространство.

– Это шлюзовая камера, – тихо сказала Эмили, напряженно наблюдая за происходящим.

Рейнольдс осторожно направил «Океанис» внутрь. Когда батискаф прошел сквозь ворота, створки снова бесшумно сомкнулись за ним. Внутри было достаточно просторно – батискаф свободно разместился в ангаре, напоминающем специальный отсек для подводных аппаратов.

Неожиданно по стенам ангара пробежала слабая голубоватая вспышка. Где-то в глубине конструкции зазвучал глухой вибрирующий звук.

– Давление меняется, – заметил оператор.

Через иллюминатор было видно, как вода внутри ангара начала медленно уходить. Потoki пузырьков поднимались вверх, втягиваясь в невидимые шлюзы. Спустя несколько минут вода полностью исчезла, оставив батискаф на твердой поверхности.

— Чистая атмосфера, — сообщила Эмили, сверяясь с данными сканера.

— Выходим, — кивнул Рейнольдс.

Герметичный люк плавно открылся, и команда осторожно ступила на гладкую поверхность ангара. Она напоминала нечто среднее между металлом и минералом, слегка отдавая серебристым блеском в свете фонарей.

— Смотрите, — Эмили указала в дальний конец ангара.

В глубине располагался еще один вход, скрытый массивными створками, вписывавшимися в стены так идеально, что их было трудно заметить. В отличие от внешних ворот, эти были более узкими, но высокими, явно предназначенными для чего-то значительно крупнее человека.

Внезапно створки бесшумно разъехались в стороны, открывая темный проход.

— Они хотят, чтобы мы прошли дальше, — тихо сказал Рейнольдс, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Внутри туннеля мягко светились едва заметные линии, уходившие вглубь. Экипаж, собравшись с духом, двинулся вперед, оставляя позади сухой ангар и батискаф, который теперь казался крошечным в этом огромном, инопланетном пространстве...

Вскоре туннель расширился, и они оказались в гигантском подводном гроте. Это было похоже на подводную вселенную.

Куполообразный свод уходил вверх на сотни метров, его границы терялись в темноте. По всей поверхности потолка и стен мерцали бесчисленные точки света, создавая иллюзию звездного неба. Но самое удивительное находилось внизу.

Прямо перед ними простирался огромный мегаполис.

— Черт возьми... — прошептал Рейнольдс. — Это не руины. Этот город... живой.

Здания не имели привычных форм — вместо угловатых конструкций мегаполис напоминал гигантские коралловые

рифы, но с явными признаками искусственного происхождения. Огромные арки плавно парили в пространстве грота, а строения соединялись между собой тоннелями, пронизывающими эти биосинтетические структуры.

— Какая технология могла создать это? — с благоговением прошептала Эмили.

— Здесь своя экосистема, — тихо сказал Рейнольдс, поглощенный зрелищем. — Давление стабилизировано, температура постоянна, состав воздуха практически идентичен земной атмосфере.... Это не просто город. Это автономная биосфера.

Некоторые постройки будто дышали, их поверхности пульсировали, как живые организмы. Среди структур плавно перемещались капсулы — без видимых двигателей, освещенные мягким внутренним светом.

В центре мегаполиса возвышалась массивная структура — огромный купол, испускающий золотистое сияние. Свет распространялся по городу, проникая в самые дальние уголки, создавая эффект искусственного солнца.

Одно из существ медленно подняло руку и сделало четкий жест — оно предлагало им следовать дальше.

Экипаж «Океаниса» медленно следовал за существами сквозь лабиринт мегаполиса. Улицы, если их можно было так назвать, были широкими, словно плавно текущие русла рек, пересекаемые изящными мостами. Мягкий свет, исходящий от окружающих структур, создавал иллюзию подводного дня.

Наконец, их подвели к массивному строению с полупрозрачными стенами, в которых угадывалась тонкая сеть биолюминесцентных линий. Врата распахнулись бесшумно, пропуская людей внутрь.

Внутри оказался просторный зал. Высокий куполообразный потолок был украшен причудливыми узорами, мягко светящимися в такт биению их сердец, или, возможно, в такт ритму самого города. В центре зала стоял длинный

стол, уставленный неизвестными, но явно съедобными блюдами.

— Черт возьми... — тихо выдохнул Рейнольдс.

На столе находились всевозможные кушанья, приготовленные из обитателей океанских глубин: странные жемчужные плоды, напоминающие водорослевые капсулы, тонкие срезы полупрозрачной субстанции, мерцающей под светом, чаши с густыми, темно-синими жидкостями, источавшими легкий аромат.

— Это... угощение? — спросила Эмили, с сомнением оглядывая блюда.

— Они не стали бы заманивать нас так далеко, чтобы отравить, — ответил Картер, опускаясь на одну из низких сидений, напоминавших формы волн.

Существа исчезли, оставив экипаж наедине с трапезой.

Осторожно попробовав предлагаемые блюда, команда Рейнольдса обнаружила, что вкус их необычен, но вполне пригоден для еды — солоновато-сладкий, с легким привкусом йода и морских глубин.

— Я думаю, мы только что нашли подтверждение одной из самых спорных гипотез в антропологии, — сказала Эмили, слегка приглушенным голосом, встав из-за стола и комфортно расположившись в кресле для отдыха.

Рейнольдс прищурился. — И что же это за гипотеза?

Эмили глубоко вдохнула, на мгновение колеблясь, прежде чем продолжить.

— Хомо Акватикус. Древняя, параллельная линия эволюции человека.

Она включила на мониторе своего планшета изображения существ, зафиксированных видеокамерой «Океаниса». Их вытянутые тела, перепончатые руки, мощные грудные клетки, биолюминесцентные глаза — все указывало на приспособленность к жизни в океанах.

— Существует теория, согласно которой несколько миллионов лет назад наши предки могли развиваться

не только на суше, но и в прибрежных водах. В отличие от *Homo sapiens*, населявших саванны Африки, эта ветвь эволюции адаптировалась к жизни в океане. Возможно, они начали с охоты на морепродукты, затем все больше времени проводили в воде, и в конечном итоге обрели форму, пригодную для жизни на глубине.

Она переключила изображение на карту древних побережий, показывая Восточную Африку и Индийский океан.

— Эти существа могли существовать параллельно с первыми сапиенсами, но в какой-то момент они ушли в океан. А теперь представьте, что их цивилизация развивалась в условиях, где нет разрушительных катастроф, климатических изменений и войн. Под водой нет засух, нет степных пожаров, нет ледниковых периодов, уничтожающих поселения. Что, если их технологии ушли дальше, чем наши?

Рейнольдс вглядывался в изображение на планшете, его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах читалось напряженное осмысление сказанного.

— Если они действительно так развились, почему мы ничего не знаем о них?

Эмили улыбнулась.

— А может, мы всегда знали? Просто не хотели верить.

Она вывела на экран изображения древних артефактов, скульптур и мифологических сцен.

— Вспомните шумерского Оаннеса — загадочного существа, которое, по легендам, вышло из воды и научило людей письму, ремеслам и наукам.

Вавилонский жрец Беросс писал, что Оаннес появлялся среди людей днем, но на ночь возвращался в океан. А что если это был не бог, не миф, а представитель *Homo Aquaticus*, взаимодействующий с нашими предками?

На экране появилось изображение шумерской печати с вытянутой фигурой в чешуйчатом одеянии.

– Греческие мифы полны рассказов о Тритоне, о морских божествах, которые наставляли людей. Кельтские легенды говорят о народе селки – существах, способных жить как в воде, так и на суше. А скандинавские саги рассказывают о морском царе по имени Хавманн, или о маленьком мудром существе Мармель с рыбьим хвостом.

Она переключила изображение на карту Тихого океана.

– Даже современные легенды могут быть связаны с ними. НЛО, зафиксированные над океаном, объекты, уходящие в воду с невероятной скоростью, – может быть, это не внеземные цивилизации, а они?

Рейнольдс медленно кивнул, обдумывая услышанное.

– Ты хочешь сказать, что они наблюдали за нами все это время?

Эмили пожала плечами.

– Возможно, с момента первых атомных испытаний. После 1945 года зафиксировано множество случаев появления странных объектов, уходящих в океан. Может, они обеспокоены нашей способностью разрушать не только сушу, но и морские глубины?

Джеймс Хантер, до этого молча слушавший, вдруг тихо произнес:

– А если они не просто наблюдают? Если сейчас они проверяют, готовы ли мы к контакту?

– Все может быть, ничего нельзя исключать... посмотрим, что будет дальше – ответил ему Рейнольдс.

Прошел час. Экипаж насытился, постепенно ощущая, как усталость начинает сказываться. Спокойствие и мягкий свет зала расслабляли, почти убаюкивали.

И вдруг они почувствовали это.

Не звук, не движение, а нечто иное – касание разума. Легкое, как прикосновение океанского бриза, но ясное, как вспышка света в темноте.

Рейнольдс ощутил, как перед ним раскрывается поток образов, мыслей, чувств. Он видел не просто слова — он чувствовал смысл, заключенный в них.

«Вы — первые».

Он знал, что никто не произнес этих слов. Они возникли внутри его сознания, словно всегда были там, просто ждали момента, чтобы проявиться.

Рейнольдс взглянул на Эмили и сразу понял, что она чувствует то же самое и пытается понять, откуда исходит это общение.

«Вы — первые, кто пришел сюда... без страха».

Существа снова появились у входа в зал. Они стояли молча, но их глаза светились мягким, почти теплым свечением.

«Вы понимаете нас».

Экипаж «Океаниса» с удивлением осознал, что они отвечают существам — не ртом, а мысленно. Так же, как существа обращались к ним.

«Да... Мы понимаем».

Их разум наполнился незнакомыми образами, проносящимися перед ним, словно вспышки далеких воспоминаний. Города под волнами. Великие катаклизмы. Цивилизация, ушедшая в глубины.

«Мы ждали вас».

Экипаж понял: этот момент изменил все.

Контакт состоялся.

ГЛАВА 5. ПОСЛАНИЕ ИЗ ГЛУБИН

Пространство вокруг завибрировало, и вдруг сознание каждого члена экипажа наполнилось новыми образами. Это было похоже на сон, но гораздо реальнее.

Вода, бескрайняя и теплая. Солнечные лучи пронизывают гладь океана, отбрасывая золотистые блики. По мелководью передвигаются двуногие существа — похожие на людей, но с обтекаемыми телами, уже приспособленными к жизни в воде. Они ныряют, ловят рыбу, собирают раковины.

Затем — время ускоряется.

Проходят тысячи лет. Вода становится их домом. Их тела изменяются: легкие адаптируются к более длительным погружениям, кожа приобретает свойства амфибий, кости становятся плотнее. Они строят первые подводные поселения в пещерах, исследуют глубины, которые недоступны наземным существам.

И вот — переломный момент.

На поверхности вспыхивают огненные шары — падение метеорита, катастрофа, пожары, уничтожающие все живое. Они наблюдают из глубины, понимая, что суша слишком хрупка для жизни. Они делают свой выбор.

Океан становится их единственным домом.

Снова скачок во времени. Теперь их мир — огромные города, парящие в воде, энергия океанических течений питает их технологии, создавая источники света и тепла. Они приручают биосинтетические организмы, выращивая целые мегаполисы из живой материи. Их технологии — не машины, а симбиоз науки и природы.

Тысячелетия они жили в изоляции, не вмешиваясь в дела наземного мира. Но они наблюдали.

И затем — новый переломный момент.

На экране их сознания вспыхивает грибовидное облако. Атомные испытания. Вибрация ужаса пронзает волны. Поверхность вновь стала нестабильной, а теперь ее разрушение угрожает и океанским глубинам.

Существа медленно двинулись вперед, их движения были грациозными, словно танец в невесомости. Они знали, что люди понимают их послание. Они ждали ответа.

Рейнольдс посмотрел на Эмили Картер.

— Они спасли свою цивилизацию, а теперь боятся, что мы уничтожим не только свою, но и их мир.

Эмили кивнула. — И, возможно, они хотят нам что-то предложить.

Образы продолжали заполнять сознание экипажа. Они чувствовали себя свидетелями чужой истории, но история эта была тесно связана с их собственной.

Перед ними разворачивались события, уходящие вглубь тысячелетий. Хомо Акватикус никогда не были просто скрытой подводной цивилизацией. Они наблюдали, изучали и, порой, вмешивались в ход истории людей.

Новый образ — огромное, темное море, омывающее берега древнего города. Волны ласкали каменные стены, покрытые узорами, а на площади горел огонь в чашах, вырезанных из базальта. Люди в длинных одеждах преклонялись перед высоким существом с серебристыми глазами, выступающим из воды.

— Оаннес... — прошептала Эмили, чувствуя, как образы обрушиваются на ее разум.

Они были там — у истоков первых цивилизаций, видя как Хомо Акватикус помогают людям строить города, передавая им знания. Они учили их обрабатывать металлы, читать звезды, создавать первые системы письма. Вавилон, шумеры, древние египтяне — во всех этих культурах остались следы их присутствия.

Но вскоре пришло осознание — их вмешательство оказалось не таким уж безобидным. Люди стали зависеть

от знаний, которые не понимали до конца, и использовали их в войнах и завоеваниях. Тогда Хомо Акватикус отошли в тень, приняв решение больше не вмешиваться в развитие суши. Но они продолжали следить.

Тысячелетиями города Хомо Акватикус оставались скрытыми в глубинах. Они наблюдали за восходом и падением империй на суше, за открытием новых земель, за прогрессом человечества, который с каждым веком становился все более разрушительным.

Образы сменились. Теперь перед экипажем предстало ядерное пламя, вздымающееся над атоллom. Вибрация ужаса разлилась по их разуму – тот самый момент, когда мир Хомо Акватикус содрогнулся вместе с миром людей.

1945 год. Первые ядерные взрывы.

Подводная цивилизация встревоженно следила за наземным миром, пытаясь понять: неужели люди решили уничтожить себя?

Когда начались ядерные испытания в океане, тревога превратилась в страх. Они чувствовали, как ударные волны пронизывают водную толщу, нарушая баланс их биосферы. Волны радиации растекались по глубинам, убивая морские организмы, разрушая экосистемы, которые процветали сотни тысяч лет.

Наблюдатели Хомо Акватикус начали действовать активнее. Именно тогда появились странные объекты, которые люди называли НЛО – загадочные диски, выходявшие из воды и исчезающие в небесах. Но это были не пришельцы. Это были они.

Следующий образ был еще страшнее.

Вода. Черная, густая, заполненная чужеродными частицами. Тысячи тонн пластикового мусора оседали на дне океана. И вместе с этим приходила смерть.

Быстро мелькали кадры:

– Мертвые киты, их желудки забиты полиэтиленом.

– Рыбы, зараженные токсинами, отравляющие цепочку питания.

– Гигантские завихрения мусора, перекрывающие солнечный свет и уничтожающие водоросли, которые производят кислород.

Но самое страшное было дальше — Хомо Акватукус начали болеть.

Их организм, зависимый от чистоты воды, больше не справлялся с растущим загрязнением. Кожа покрывалась язвами, дыхание нарушалось — микроскопические частицы пластика проникали в кровь вместе с выделенным из океана воздухом. Эпидемии охватили их города, разрушая их стабильное существование, длившееся сотни тысяч лет.

И тогда они поняли: действовать нужно немедленно.

Образы исчезли, и сознание экипажа вернулось в реальность. Теперь они знали правду.

Хомо Акватукус наблюдали за людьми не из любопытства, а из-за страха. Они не верили, что человечество сможет остановиться, пока не уничтожит и сушу, и океан.

Но все же надежда еще теплилась.

Они не пришли с войной. Они пришли с предупреждением.

ГЛАВА 6: ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

После трапезы и первого контакта с существами экипаж почувствовал странное умиротворение. Они не говорили, но понимали друг друга — мысленный диалог с Хомо Акватукус открыл перед ними нечто большее, чем

просто общение. Это было глубокое, интуитивное слияние сознаний, в котором слова стали ненужными.

Когда пришло время возвращаться, существа дали знак следовать за ними. Безмолвно, словно тени, они вывели людей из зала. Узкие коридоры биосинтетических структур плавно изгибались, направляя их обратно к входу в город. Экипаж двигался вслед за проводниками, в последний раз оглядываясь на удивительный мегаполис. Светящиеся купола мягко пульсировали, живые структуры словно дышали, а в глубине, среди плавных арок и туннелей, двигались силуэты существ.

Наконец, они вновь оказались в туннеле, ведущем к ангару. Раздвижные створки вновь бесшумно разошлись, впуская их внутрь. Перед ними возвышался их батискаф. Океанис ждал.

Рейнольдс обернулся к существам. Они стояли у выхода из туннеля, безмолвно наблюдая за ними. В их светящихся глазах читалось нечто большее, чем просто прощание. Возможно, это было предупреждение. Или надежда на встречу.

Вы разрешите нам взять с собой наш аппарат? — спросил Рейнольдс, указывая на «Наутилус».

Хомо Акватикус чуть склонили головы в ответ.

— Спасибо, — произнес Рейнольдс, понимая, что они услышат его даже без слов.

Команда вошла в батискаф, герметично закрыв за собой люк. В кабине вновь загорелись контрольные индикаторы, системы ожили, дисплеи осветились.

— Проверка давления. — Картер быстро просмотрела показатели. — Все в норме.

— Шлюзовая камера заполняется водой, готовимся к выходу, — скомандовал Рейнольдс.

Мощные насосы начали закачивать воду обратно в ангар. Волны заполнили пространство, и Океанис медленно поднялся над полом ангара, становясь невесомым в толще воды.

Раздвижные ворота впереди начали открываться, и сквозь них вновь показалась чернота океана.

— Двигатели на минимальную тягу, выходим, — сказал Рейнольдс, беря управление.

Батискаф мягко скользнул вперед, оставляя позади странную, почти инопланетную цивилизацию.

За пределами ангара, освещенные тусклым светом прожекторов, они снова увидели цель своей миссии — аппарат, который искали. «Наутилус»..

— Мы его не оставляем, — твердо сказал Рейнольдс. — Приступаем к креплению.

Через специальный люк Картер и Хантер вывели наружу прочные стальные тросы. Управляя дистанционными манипуляторами, они аккуратно обвязали корпус Наутилуса, надежно фиксируя его к корпусу Океаниса.

— Крепление установлено, проверяю натяжение... Готово, — доложил Хантер.

— Отлично. Начинаем всплытие, — приказал Рейнольдс.

ГЛАВА 7. СИГНАЛ ПЕРЕХВАЧЕН

Мартин Райс служил в 118-й отдельной штурмовой бригаде Морской пехоты США (118th Independent Assault Brigade, U.S. Marine Corps), которая специализировалась на проведении операций в условиях повышенной боевой сложности — от зачистки городских районов до ведения боевых действий в горных и пустынных местностях.

В составе бригады он был приписан к 2-му экспедиционному батальону (2nd Expeditionary Battalion), который

отвечал за десантные операции, подрывные работы и тактическую разведку в прибрежных зонах.

После тяжелого ранения во время миссии в районе Ормузского пролива, Райс был признан негодным к активной боевой службе, но благодаря своим техническим навыкам был переведен в Специальный инженерно-технический отряд подводного обеспечения ВМФ США (Special Naval Underwater Maintenance Unit, SNUMU), который занимался техническим обслуживанием глубоководных аппаратов, субмарин и исследовательских станций.

Там его и завербовали сотрудники разведывательного отдела Shadow Operative Division (SOD) при частной компании Black Horizon Intelligence, занимающейся независимой аналитикой и разведкой в интересах крупных корпораций.

Компания Black Horizon Intelligence давно следила за слухами об аномальной активности в глубинах океана, анализируя спутниковые данные, перехваченные сигналы и разведывательные отчеты. Специалисты отдела Shadow Operative Division (SOD) тщательно проверяли любую информацию, касающуюся необъяснимых явлений, исчезновений подводных аппаратов и странных энергетических выбросов. Руководство компании считало, что эти аномалии могут быть связаны с технологиями, способными изменить баланс сил в мире, а значит, они должны быть либо контролируемы, либо уничтожены.

Когда командование военно-морского флота получило информацию о миссии «Океаниса», они решили внедрить своего агента. И Райс оказался идеальным кандидатом.

— Ты станешь их глазами и ушами, — сказал куратор, передавая ему запечатанный конверт. — Наблюдай. Записывай. Передавай нам все.

Так он оказался на борту «Океаниса».

Райс никогда не был в центре внимания. Он занимался проверкой акустических сенсоров и систем, проверял гид-

равлику и систему подачи кислорода.. Ему не нужно было задавать вопросы или вступать в дискуссии с другими членами экипажа — он просто делал свою работу.

Но в свободное время он выполнял другие приказы: подключался к системам «Океаниса», тайно загружая телеметрию и записи камер; сканировал потоки данных, фиксируя все, что касалось аномалий; использовал систему акустической связи, чтобы передавать зашифрованные сообщения в Центр Управления Shadow Operative Division.

Когда экипаж «Океаниса» обнаружил пропавший аппарат и следы разумной жизни, Райс понял: это открытие изменит все. Он ждал удобного случая чтобы отправить своему куратору сообщение о том, что он видел. И этот случай наконец наступил.

После прощания с Хомо Акватикус, экипаж вернулся на батикаф и капитан Рейнольдс дал команду на всплытие.

Балластная система начала плавный сброс воды. Океанис, теперь уже с грузом, медленно начал подниматься вверх, покидая таинственные глубины.

В этот момент, Райс наблюдал за гидравликой, находясь в приборном отсеке. Он понял, что у него есть несколько минут на то, чтобы отправить своему куратору донесение.

Он подключил свой передатчик к стандартному оборудованию батискафа, ввел кодовый протокол и передал сообщение:

«Контакт установлен. Неизвестная цивилизация. Технологии невообразимого уровня. Возможность стратегического преимущества. Подтверждаю критическую важность миссии. Требуется указание».

Когда Райс вернулся в главный отсек, капитан Рейнольдс и Эмили Картер находились у видеомонитора.

Внезапно на экране появилось новое изображение. Это был сам Райс, держащий в руках свой передатчик. Затем на экране высветилось посланное им сообщение.

Рейнольдс обернулся.

— Мартин, это твоя работа?

В этот момент батискаф вздрогнул. Снаружи раздался приглушенный звук — не взрыв, не удар, но что-то другое, глубокое и пронизывающее.

Они знали. Они предупреждали.

Эмили посмотрела на Райса:

— Ты хоть понимаешь, что ты наделал?

Райс молчал...

Как только передатчик стал передавать сообщение, Хомо Акватикус почувствовали сигнал.

Их органические сенсоры мгновенно уловили инородный ритм звуковых волн. Быстро, бесшумно, как прилив, информация передалась тем, кто уже установил мысленный контакт с экипажем «Океанис».

Рейнольдс почувствовал чуждое присутствие в своем сознании — оно не было агрессивным, но в нем звучало предупреждение.

«Один из вас несет угрозу. Один из вас вызывает опасность. Он работает на тех, кто уничтожает планету».

Капитан вздрогнул. Он не сразу понял, что Хомо Акватикус намекают не на внешнюю опасность, а на кого-то из экипажа.

— Они знают, — прошептала Эмили, встретившись взглядом с Рейнольдсом.

— Я выполнил приказ! — задыхаясь, проговорил Райс. — Мы нашли нечто невероятное! Ты правда думаешь, что правительство оставит это просто так?! Они придут сюда, нравится тебе это или нет!

Но в этот момент, из глубины океана, раздался новый звук.

Хомо Акватикус передавали экипажу Океаниса:

«Сообщение не достигло адресата. Ваша технология несовершенна. Мы знали о нем, прежде чем оно было отправлено».

– Какое сообщение? – вслух спросил Рейнольдс, но уже догадывался об ответе.

«Сообщение было направлено тем, кто работает на уничтожение планеты. Оно не достигло цели. Мы не позволили».

Эмили резко повернулась к сержанту Райсу. Тот выглядел странно. Он тяжело дышал, его зрачки расширились, как у человека, внезапно оказавшегося в незнакомом месте.

– Эдвард, – мягко произнесла она. – Ты помнишь, что делал последние несколько часов?

Райс медленно поднял взгляд. В его глазах промелькнуло недоумение. Он провел ладонью по лицу, словно пытаясь собрать в голове рассыпавшиеся мысли.

– Я... проверял акустические системы. Испытывал оборудование. Потом... – Он замер. – Черт, я не могу вспомнить.

Эмили и Рейнольдс переглянулись.

«Он не помнит нас. Не помнит того, что увидел здесь. Он не представляет угрозы».

Рейнольдс наконец понял, Хомо Акватикус стерли память Райса выборочно. Они не просто убрали лишнее – они ограничили способность Райса вспоминать все, что касалось подводной цивилизации,

– Но зачем? – невнятно пробормотал Рейнольдс.

Ответ пришел мгновенно – через новый всплеск образов.

«Мы не угрожаем вам. Но если вы продолжите уничтожать океан, нам придется защищаться. Ваши технологии разрушительны. Наши – созидательны... Вы должны убедить всех, от кого зависит принятие решений на самом верху вашей власти – мы не хотим конфронтации, мы предлагаем сотрудничество. Вместе мы сможем сохранить планету и спасти себя самих...».

ГЛАВА 8. НА ГРАНИЦЕ ДВУХ МИРОВ

Эдвард Райс сидел на своем рабочем месте, ощущая странную пустоту в мыслях. Он помнил, что случилось за последние дни, помнил свою задачу, помнил даже детали технического осмотра «Океаниса», но что-то важное ускользало от него. Словно кто-то аккуратно вырезал из его памяти определенные фрагменты, оставив после себя лишь зыбкое чувство потери. Он пытался вспомнить, что именно он сделал незадолго до этого, но его сознание словно наталкивалось на невидимую стену.

Тем временем остальные члены экипажа внимательно слушали новую мысленную передачу от Хомо Акватикус.

«Ваше начальство не уверено, что наша цивилизация реальна. Они сомневаются, что кадры, полученные вами, являются доказательством существования подводного разума. Ваша задача – убедить их в том, что мы существуем. Ибо если ваши лидеры останутся в неведении, они продолжат уничтожать мир, который принадлежит не только им».

Слова прозвучали в сознании каждого члена экипажа. Существа ясно дали понять: мир на грани катастрофы, и у землян есть только два пути – сотрудничество или война.

«Мы не стремимся к вражде. Наша цивилизация существует сотни тысяч лет, и мы обладаем технологиями, которые намного превосходят ваши. Мы способны сделать океаны чистыми, предотвратить разрушение планеты и даже помочь вашему миру найти баланс. Однако для этого нам необходимо согласие тех, кто принимает у вас решения. Если они откажутся... если они продолжат засорять воздух, сушу и воды... мы будем вынуждены принять меры».

Эти последние слова вызвали ледяной холод внутри каждого из слушателей.

— Они не шутят, — тихо произнесла Эмили, взглянув на капитана. — Они наблюдали за нами слишком долго, видели, как мы уничтожаем собственную планету. И теперь у них есть план.

— Черт, — выдохнул Хантер. — Они фактически предлагают нам сделку: либо мы сотрудничаем, либо нас частично сотрут с лица Земли.

Рейнольдс задумчиво провел рукой по лицу. Он не мог отрицать очевидного — если эти существа действительно обладают технологиями, которые превосходят человеческие, то их угрозы стоит воспринимать всерьез. Но мог ли он просто передать эту информацию командованию? Им поверят?

— Что именно вы предлагаете? — спросил капитан.

Ответ пришел мгновенно, словно существа знали, что он спросит.

«Мы можем нейтрализовать пластиковые загрязнения, очистить океаны, стабилизировать экосистему и даже изменить климат, чтобы предотвратить разрушительные изменения. Но для этого нужна совместная работа. Человечество должно принять нашу помощь».

— Иначе? — глухо спросил Рейнольдс.

«Иначе загрязняющая цивилизация исчезнет. Мы не будем ждать еще столетие, пока все живое в океане погибнет».

Наступила тишина.

— Они ставят нам ультиматум, — подытожил Хантер, который неожиданно для самого себя вмешался в разговор. Ему показалось, что он уже слышал эти слова раньше. Где-то... совсем недавно... но откуда?

Рейнольдс посмотрел на него с пониманием.

— Что скажет команда? Мы передадим это сообщение?

Инженеры переглянулись между собой и кивнув подтвердили свое согласие. Эмили закрыла лицо ладонями и тихо произнесла:

– У нас нет выбора. Если мы попытаемся скрыть это, они сделают шаг первыми.

Рейнольдс мрачно кивнул.

– Тогда готовимся к подъему на поверхность. Мы должны рассказать правду.

Батискаф «Океанис» медленно покачиваясь в толще воды, начал подъем на поверхность океана. Экипаж молчал, осмысливая все, что произошло. Они только что встретились с существами, которые не просто выжили в глубинах океана, но и создали уникальную цивилизацию, обладающую технологиями, непостижимыми для человеческого разума – настолько совершенными, что человечество не в силах им противостоять.

Рейнольдс первым нарушил тишину:

– Мы только что сделали самое важное открытие в истории человечества.

Эмили кивнула ему, все еще потрясенная:

– Открытие? Или предупреждение? Ты слышал их. Океан умирает. Они умирают вместе с ним. И рано или поздно это коснется и нас.

На мгновение помедлив, Рейнольдс возразил ей:

– Разве нас это уже не коснулось? Ураганы, кислотные дожди, обескислороженные зоны... Мы уничтожаем нашу экосистему. Но теперь мы знаем, что не только мы живем на этой планете. Мы находимся на границе двух миров. Один – внизу, в океанских глубинах. Второй – наверху, на суше. И оба идут к гибели, потому что один разрушает другой.

Эмили провела рукой по приборной панели батискафа, словно проверяя его прочность.

– Они готовы к сотрудничеству, и вместе мы остановим глобальное загрязнение океанов. Но что будет, если

наши правительства решат, что легче просто уничтожить их, чем договариваться?

Рейнольдс покачал головой. — Тогда это будет война. И я не уверен, что мы сможем ее выиграть. Нам нужно донести это до тех, кто принимает решения. Но главное — понять самим, что это не просто шанс. Это выбор. Мы можем либо спасти оба мира, либо обречь их на гибель. Да, мы находимся на границе двух миров...

Он посмотрел на каждого члена экипажа.

— Вы готовы взять на себя ответственность за то, что мы сейчас знаем?

Ответом ему было молчаливое, но твердое согласие. Они уже приняли решение.

ГЛАВА 9. ЧТО ЖДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

На горизонте были видны очертания берега. Весь экипаж батискафа «Океанис» стоял на палубе военного корабля, наблюдая, как медленно приближается суша. Они вернулись. После нескольких дней, проведенных в глубинах океана, в окружении существ, которые могли изменить историю человечества, реальность наверху казалась непривычной.

Но вместе с возвращением пришло осознание: они были носителями знания, которое могло либо спасти мир, либо уничтожить его.

Капитан Рейнольдс стоял, упершись руками в поручень, и смотрел в воду. Его не покидало чувство тревоги.

Они не просто нашли неизвестную цивилизацию — они поняли, что мир никогда не был таким, каким его представляли люди.

Позади него раздался голос Эмили Картер.

— Нам нужно решить, что делать дальше.

Рейнольдс медленно повернулся. Вся команда была здесь: Эмили Картер, Джеймс Хантер... даже Мартин Райс, который все еще ощущал странную пустоту в памяти.

— Если мы расскажем все, — начала Эмили, — правительство попытается завладеть технологиями Хомо Акватикус. Это будет начало войны.

Рейнольдс кивнул в знак согласия.

— А если мы промолчим, это будет предательство научной истины.

— Истина — понятие относительное, — мрачно отозвался Хантер. — Особенно, когда она угрожает кому-то наверху.

Все понимали, о ком он говорил. Миллиардеры, корпорации, правительства — вся мощь человеческого мира строилась на эксплуатации природы. Если Хомо Акватикус заявят о себе, они потребуют уничтожения источников загрязнения: нефтяных платформ, заводов, пластиковых свалок... взамен этого они предложат свои передовые технологии, которые позволят достичь землянам еще больших вершин развития, не загрязняя Землю и не опустошая ее ресурсы..

Но этого не позволит ни один крупный бизнес.

— Они никогда не согласятся, — тихо сказала Эмили.

Рейнольдс поднял на нее глаза. — У нас нет выбора...

К нему приблизился один из офицеров корабля — лейтенант Джеймс Холден. В его руке была сложенная телеграмма.

— Капитан, это только что поступило с флагмана, — голос Холдена был серьезен.

Рейнольдс развернул тонкий лист бумаги и быстро пробежал глазами текст.

«Всей группе капитана Рейнольдса надлежит срочно вылететь специальным бортом обратно на базу Арлингтон. На базе состоится срочное совещание высшего командного состава ВМС США и представителей администрации президента. Немедленно приступайте к выполнению. Адмирал Томас Холдстоун»

Рейнольдс медленно сложил телеграмму и встретился взглядом с Холденом.

– Сообщите всем. Готовимся к вылету по прибытию на базу.

Лейтенант кивнул и исчез в направлении кают-компании.

Рейнольдс молча протянул Эмили сложенный вдвое лист.

– Срочно вылетаем обратно в Арлингтон.

– Капитан, как думаете, они примут предложение адмирала? – спросила Картер, пробежав глазами сообщение.

– Не знаю... Возможно. Но не уверен. Как только речь заходит об огромной прибыли – у них, похоже, напрочь отключается инстинкт самосохранения...

ПРОЕКТ «КРОНУС-Х»

ПРОЛОГ

2167 год... крупные города на Земле превратились в колоссальные мегаполисы, каждый из которых стал подобием самостоятельного государства. Эти гигантские города-государства вытеснили природу, разорвав связь человечества с прошлым и создав мир, где технологии и власть сосредоточились в руках глобальных корпораций. Пространства между мегаполисами превратились в выжженную пустошь, известную как Серые Пределы.

Самым могущественным из мегаполисов была Аркония, центральный узел планеты. Гигантские небоскребы Арконии уходили в небо, а подземные уровни простирались вглубь на сотни метров. Здесь находились правительство, крупнейшие корпорации и Центральная База Временных Данных.

Жители Арконии были разделены на несколько социальных слоев, отражающих глубокое неравенство в обществе.

Верхний слой составляла элита: политики, ученые, и руководители крупных корпораций, которые контролировали доступ к лучшим ресурсам и передовым техноло-

гиям. Многоэтажные особняки, в которых жила элита, пестрели яркими вывесками и рекламными экранами. Они служили не только символом богатства, но и осязаемым воплощением их превосходства над остальными. Эта элита жила в роскоши, вдали от повседневных забот простых жителей.

Средний слой представляли офисные работники, инженеры, учителя и другие представители среднего класса. Их жизнь вращалась вокруг монотонной работы, редких выходных и ограниченного досуга. На вечерний отдых у них оставалось мало времени, которое они проводили в небольших барах с виртуальной реальностью, погружаясь в электронную музыку и общаясь через голографические интерфейсы. Их мир был удобным, но лишенным амбиций и доступа к высшим благам.

Нижние уровни мегаполиса находились в вечном полумраке. Это были районы маргинализированных слоев общества, где царил хаос. Серые улицы, подсвеченные неоновыми вывесками, скрывали черный рынок, подпольные лаборатории и заброшенные здания, полные опасностей. Жизнь здесь была выживанием, закон и порядок казались далекими и недостижимыми.

Антиподы появились в Арконии двадцать лет назад. Первое их появление вызвало волну интереса и даже надежды на сотрудничество. Но вскоре стало ясно, что они представляют угрозу. Обладая способностью манипулировать временными потоками, антиподы пытались изменить течение времени на Земле, чтобы сделать мир пригодным для своей цивилизации. Их цель — уничтожить привычный временной порядок, создав временные искажения, способные стереть прошлое и изменить будущее.

Общество Арконии знало об их присутствии лишь отчасти. Слухи о скачках времени, исчезновениях и других необъяснимых явлениях ходили повсеместно, но официальные лица отрицали любую угрозу. Тем временем Служ-

ба Временного Контроля, находившаяся в составе корпорации «Кронус-Тех», вела тайную борьбу с антиподами, стараясь сохранить баланс времени.

ГЛАВА 1: СИМВОЛ В НОЧИ

Нора Вайт, архивист Центральной Базы Временных Данных, принадлежала к среднему классу – слою общества, который балансировал между комфортом современных технологий и ограничениями, продиктованными доступом к элитным привилегиям.

Ее жизнь вращалась вокруг строгой рутины, в которой работа занимала центральное место. Нора жила на 32-м уровне многоуровневого жилого комплекса Тетра-Квадра, который считался частью элитного района Ауреум, и находился неподалеку от главного здания Центральной Базы Временных Данных.

Квартира Норы представляла собой компактное, но функциональное пространство, полностью адаптированное под жизнь в технологичном мегаполисе.

Главной частью квартиры была многофункциональная гостиная, совмещенная с рабочей зоной. Стены могли менять цвет и текстуру одним касанием, создавая нужное настроение: от спокойных пастельных оттенков до динамичных узоров с подсветкой.

В центре комнаты располагался интерактивный стол с трехмерным дисплеем, который мог выполнять сразу несколько функций – утром он служил обеденным местом, днем превращался в рабочую станцию с доступом к архивам, а вечером трансформировался в развлекатель-

ный центр с голографическим кинотеатром. Рядом находилось удобное кресло-капсула, идеально подходящее для долгих часов работы, прослушивания музыки или просмотра фильмов.

В одном из углов комнаты находился уютный уголок для отдыха, отделенный от остального пространства невидимыми звуковыми панелями, создававшими ощущение уединенности. Здесь располагался мягкий диван с адаптивной спинкой и подогревом, а также небольшая полка с коллекцией старых книг – единственная привязанность Норы к «физическим» объектам из прошлого. Над диваном висел панорамный экран, транслирующий виртуальные пейзажи, которые могли меняться в зависимости от настроения: от тихого лесного озера до вида на звездное небо.

Работа Норы заключалась в обработке и систематизации информации в Центральной Базе Временных Данных. Доступ к данным строго контролировался: архивисты могли видеть только те части информации, которые были непосредственно связаны с их задачами.

Любое отклонение в ее работе могло привлечь внимание надзорных систем или, хуже того, Службы Временного Контроля, которая занималась расследованием аномалий, связанных с искажениями времени.

Свободное время Норы проходило в одиночестве. Она любила слушать старую музыку из цифровых архивов и читать книги из своей библиотеки. Иногда, чтобы отвлечься от мыслей, она наблюдала за бесконечным потоком машин за виртуальными окнами. Ее единственным постоянным спутником был коммуникатор, через который она поддерживала редкие контакты с коллегами и друзьями.

В один из вечеров на ее рабочем столе появился странный предмет – небольшой металлический цилиндр с загадочным символом, который Нора никогда раньше

не видела. Он излучал слабое голубоватое свечение, и словно оживал при ее приближении.

Вскоре после появления этого предмета, в комнате возник человекоподобный силуэт, состоящий из мерцающих точек света. Его появление сопровождалось едва уловимым звуком, напоминающим треск статического электричества.

— Нора Вайт, ты нужна своему времени, — произнес он. Голос был тихим, но завораживающим, будто эхо, звучащее в пустоте.

— Кто ты? — с тревогой спросила Нора, ее голос дрожал.

— Можешь называть меня Гласом, я — один из Хранителей Времени и прибыл сюда из Будущего — ответило существо. — Ты должна знать, что Антиподы — наши враги. Они манипулируют временными потоками, стремясь уничтожить земную цивилизацию. Если им удастся достичь своей цели, все, что ты знаешь, будет стерто из реальности. Твоя миссия — предотвратить эти искажения. Это не только сохранит жизнь на Земле, но и уничтожит влияние Антиподов.

Глас указал на цилиндр с загадочным символом который все еще лежал на ее столе, сверкая холодным блеском под светом голографической лампы.

— Это ключ от Часов Равновесия. Его активация восстановит нарушенные временные потоки и заблокирует действия Антиподов. Но для выполнения задачи ты должна найти других «своих» — людей, которые смогут помочь тебе. В одиночку это невозможно.

После контакта с Гласом Нора никак не могла сосредоточиться. Она мысленно повторяла слова, произнесенные Гласом, его голос звучал в голове, словно он находился рядом.

— Твоя память полностью переключена на время, в котором ты сейчас находишься. Ты должна найти «своих», Нора. Только вместе вы сможете остановить это.

– Как я найду их? Где искать? – спросила она в пустоту, надеясь, что он снова ответит. Но комната оставалась пугающе тихой.

Нора начала с самого очевидного – подключилась к поисковой системе архива Центральной Базы Временных Данных, пытаясь на голографических экранах идентифицировать символ, изображенный на цилиндре. Бесконечные строки, картинки, диаграммы с названиями одни за другими мелькали на экранах мониторов, но ничего похожего не было найдено. Только после запуска специальной программы визуального сравнения иконографических данных и логотипов компаний, Нора обнаружила, что искомый символ был подозрительно похож на логотип компании «Кронус».

Пальцы Норы заскользили по клавиатуре, вводя ключевые слова: символ цилиндра, время, «Кронус». Последний запрос неожиданно дал результат. Логотип компании действительно напоминал знак на цилиндре.

Нора зашла на официальный сайт компании «Кронус». Просмотрев множество страниц с описаниями передовых исследований и достижений в области временных технологий, она не обнаружила ничего, что могло бы указывать на прямую связь научно-технической деятельности компании с разработками, связанными с ключом от Часов Равновесия. Нора решила, что нужно попытаться получить информацию от сотрудников ее отдела, имеющих прямые связи с компаниями, подобными «Кронус».

Включив коммуникатор, она начала обзванивать коллег по работе. Ее первым звонком был Мэтт – технический специалист, который знал о внутренних системах Центральной Базы Временных Данных больше, чем все остальные.

– Привет, Нора, давно не слышал тебя. Что-то случилось? – голос Мэтта звучал тепло, с легкой ноткой искренней заботы, но в то же время выдавал скрытое любопытство.

— Мэтт, мне нужна твоя помощь. Я ищу информацию о компании «Кронус». Знаешь о них что-нибудь?

— «Кронус»? Насколько я помню, это крупная промышленная корпорация. Они занимаются разработкой квантовых часов и исследованиями в области временных петель. А что тебе нужно?

Нора задумалась, стоит ли упоминать цилиндр.

— Просто... личный интерес. Я нашла кое-что, что, кажется, связано с их символикой. Может, ты сможешь достать мне доступ к их внутренним файлам?

Мэтт засмеялся.

— Ты шутишь? Это самоубийство. Но если я что-то узнаю, я дам знать. Береги себя.

Следующим был звонок ее старой подруге Лизе, которая работала в группе общественных связей. Лиза всегда была источником последних слухов.

— Нора, странный запрос. Компания «Кронус» является частью корпорации «Кронус-Тех». Я слышала, что в компании «Кронус» ведутся какие-то сверхсекретные проекты. Говорят, у них есть закрытые лаборатории под городом. Может, тебе стоит быть осторожнее.

Услышав это, Нора поняла, что найти ответ она сможет только при личном визите в компанию «Кронус», где, возможно, удастся получить недоступную в открытых источниках информацию.

— Ты на правильном пути, Нора. — Глас снова дал о себе знать. — Не доверяй никому полностью. Это задание связано с твоей миссией, и ответы — в твоих руках.

— Но кто эти «свои»? Как я найду их? — Нора была в состоянии крайнего замешательства.

— Ты узнаешь их, когда встретишь. Твой инстинкт подскажет тебе.

Готовясь к визиту в компанию «Кронус» Нора изучила каждый каталог и базу, до которых могла добраться. Чем больше она углублялась, тем сильнее понимала, что

за этим стоит нечто большее, чем она могла себе представить. Словно кто-то или что-то управляло поисками, направляя их в нужное русло, но при этом оставляя ключевые детали за завесой тайны.

В материалах информационного отдела архива Центральной Базы Временных Данных Нора обнаружила старые, почти забытые файлы, относящиеся к проекту «Кронус-Х», который был закрыт несколько десятилетий назад. Эти файлы содержали отрывочные записи об исследованиях в области временных искажений, но большинство данных были засекречены. В одном из отчетов упоминался подземный научно-исследовательский комплекс Дельта-Кронус, где проводились первые исследования по проекту, он относился к секретной зоне, куда доступ имели только элитные группы исследователей.

Однако, чем дальше она продвигалась, тем больше вопросов возникало. Почему Глас выбрал именно ее? Почему ключ появился именно сейчас? И что за люди были теми «своими», которых она должна найти? Эти мысли не давали ей покоя, усиливая чувство тревоги.

ГЛАВА 2: ВСТРЕЧА С ЭМИЛИ

Аркония медленно пробуждалась, и узкие солнечные лучи пробивались сквозь высокие шпили мегаполиса. Нора Вайт находилась перед центральным входом в административное здание «Кронус-Тех», одной из самых влиятельных корпораций мегаполиса. Ее сердце билось чуть быстрее, чем обычно, но на лице оставалось выражение профессионального спокойствия. Сегодня Норе предстоя-

ла встреча с Эмили Кларк, главой исследовательского отдела компании «Кронус», и многое зависело от того, как пройдет этот разговор.

Нора поправила воротник своего скромного серого плаща и вошла в залитое холодным светом здание корпорации «Кронус-Тех». Массивные двери с голографическими узорами сомкнулись за ее спиной. В воздухе витал легкий запах озона — вероятно, от мощных серверов, работающих где-то под зданием. Приемная стойка встретила Нору минимализмом: стеклянная поверхность, встроенные экраны и бесстрастный взгляд искусственного администратора.

— Чем могу помочь? — ровный голос андроида не выражал эмоций.

— Мне нужно встретиться с Эмили Кларк, — спокойно сказала Нора. — Я записана.

Экран мигнул, и андроид кивнул.

— Эмили Кларк ожидает вас в кабинете 7-В. Следуйте по коридору до лифта.

Нора благодарно кивнула и направилась в указанном направлении. Лифт поднял ее на семнадцатый этаж, где расположился кабинет руководителя исследовательского отдела. Полупрозрачные двери открылись, и Нора вошла в просторный офис. Высокие панорамные окна открывали вид на мегаполис, а строгий интерьер подчеркивал рабочую атмосферу.

За массивным столом с угловатыми голографическими экранами сидела Эмили Кларк — высокая женщина с вьющимися светлыми волосами, идеальной осанкой и строгим костюмом из тонкой серебристой ткани, подчеркивающей ее деловой образ.

— Вы Нора Вайт? — спросила Эмили, подняв взгляд от планшета.

— Да, — Нора сдержанно улыбнулась. — Я аудитор из Центральной Базы Временных данных. Прибыла с про-

веркой. Мне нужно получить доступ к архивам проектов компании.

Эмили нахмурилась, но сохранила профессиональный тон:

– Насколько мне известно, все наши отчеты соответствуют требованиям. Почему вы не предупредили о визите заранее?

Нора вынула из кармана биометрический Сертификат Уровня Допусков и активировала его. В воздухе появилось изображение документа с символами Центральной Базы Временных данных.

– У меня есть разрешение на доступ к проектам пятого уровня секретности. Это внезапная проверка, может быть, она прояснит некоторые вопросы, которые возникли у нашего руководства. – пояснила Нора, подавая документ Эмили для проверки.

Эмили изучила сертификат, а затем провела сканером по его поверхности. Голограмма мигнула, подтверждая подлинность.

– Хорошо. Ваши допуски впечатляют, – заметила Эмили. – Но предупреждаю, что доступ к некоторым данным ограничен из-за их состояния. Есть определенные... странности, которые мы пока не смогли объяснить.

– Странности? – переспросила Нора, стараясь не выдать своего волнения.

– Да, – ответила Эмили, вставая из-за стола. – Следуйте за мной, я покажу вам архив.

Они пересекли несколько коридоров, пока не достигли массивной двери с множеством замков. Эмили ввела код, приложила карту доступа и активировала биометрический сканер. Дверь плавно открылась, и перед ними открылся просторный зал, заполненный мерцающими стеллажами с цифровыми модулями.

Эмили подвела Нору к одному из них и активировала интерфейс.

— Это ваш доступ. Вы сможете просматривать только те файлы, которые я разрешу. Если вы попытаетесь обойти систему, это будет зарегистрировано, и вам придется объясняться уже с нашими юридическими службами, — предупредила она.

— Поняла, — коротко ответила Нора.

Эмили скрестила руки на груди, наблюдая за Норой.

— Пока вы работаете, я хотела бы понять ваши истинные намерения. Что вас действительно интересует? Неужели это просто исследование архивов?

— Я занимаюсь анализом аномалий в старых базах данных. Недавно я нашла несколько записей, связанных с вашим логотипом. Это может быть важным для работы, но я должна понять их контекст, — уверенно ответила Нора, хотя чувствовала, как напряжение усиливается.

Эмили нахмурилась, ее тон стал более жестким:

— Слишком много «может быть», мисс Вайт. «Кронус» — это частная организация, и мы не обязаны делиться данными без веской причины. Что конкретно вы ищете?

Нора немного замешкалась, но решила рискнуть и добавить немного правды:

— Эти данные могут быть связаны с феноменами, которые затрагивают временные потоки. Мне нужно понять, была ли связь между вашими исследованиями и недавними аномалиями. Я знаю, что в прошлом ваш проект был закрыт. Почему?

Эмили посмотрела на Нору дольше, чем было удобно, и затем, медленно наклонившись, ответила:

— Проект «Кронус» — одна из наших самых охраняемых тайн. Мы не обсуждаем его с посторонними. Но... в ваших словах есть доля любопытства, которое мне кажется... искренним. Возможно, я смогу вам помочь, но только в ограниченных рамках.

Нора почувствовала слабую надежду.

– Спасибо. Любая информация может быть полезной. – Начинайте свою работу, – сказала Эмили, указывая на один из терминалов. – Здесь находятся все данные, которые вы запрашивали. Но я должна вас предупредить: за последнее время мы заметили исчезновение некоторых файлов и странные модификации в других. Пока неясно, кто или что за этим стоит.

Нора села за терминал, ее пальцы быстро заскользили по сенсорной клавиатуре терминала. На экране начали появляться списки проектов.

– Вы обращались в Центральную Базу с этим вопросом? – спросила Нора, не отрывая взгляда от экрана.

– Да, но мои запросы остались без ответа. Возможно, ваша проверка даст больше ясности, – Эмили слегка улыбнулась, но ее глаза оставались напряженными.

– Я сделаю все возможное, – ответила Нора.

Несколько минут они работали молча. Нора изучала данные, а Эмили наблюдала за ее действиями, изредка перебивая, чтобы уточнить детали о некоторых проектах.

– Почему вы решили начать именно с нашего отдела? – спросила Эмили, нарушая молчание.

– Это не просто совпадение, – сказала Нора, но ее тон выдавал, что она знает больше, чем думает об этом Эмили. – Вы хотите знать правду? Это не просто проект. Все, над чем вы работаете, гораздо сложнее и опаснее, чем кажется.

– О чем вы говорите? – Эмили нахмурилась. – Если что-то не так, мне нужно знать.

Нора откинулась назад в кресле и сложила руки на коленях.

– Вы подозреваете, что в вашем проекте что-то идет не так, – начала она. – И вы правы. Но проблема гораздо шире. Антиподы – это не просто группа нарушителей порядка. Это сила, которая действует системно, разрушая все изнутри.

Эмили скрестила руки.

— Слишком общее заявление. Будьте конкретнее.

— Хорошо. Слышали ли вы о беспорядках в Акунте? — спросила Нора.

— Разумеется. Это худший социальный кризис за последние десятилетия. Говорят, что это естественная реакция на неравенство и давление власти.

Нора слегка наклонилась вперед.

— Это выглядит естественно. Но на самом деле за этим стоят Антиподы. Они используют средние и нижние слои населения как инструмент. Подстрекают к восстаниям, провоцируют неповиновение органам власти, организуют акции саботажа и насилия.

Эмили замерла, обдумывая сказанное.

— Вы хотите сказать, что они специально разжигают конфликт? Но зачем?

— Чтобы ослабить верхушку власти Арконии. Чем хаотичнее становится система, тем проще им внедрять своих людей — в корпорации, правительственные структуры, полицию. Когда всё рухнет, они заполняют пустоты. Одновременно с провокациями Антиподы используют временные аномалии как оружие.

— Оружие? — резко спросила Эмили — Но как можно использовать временные аномалии как оружие? Это же неконтролируемый хаос.

Нора усмехнулась.

— Для вас — хаос. Для них — инструмент. Антиподы научились направлять искажения в нужные им точки. Они используют их, чтобы разрушать ключевые элементы инфраструктуры, уничтожать стабильность.

— Это объясняет, почему столько аномалий появляются в мегаполисах, — пробормотала Эмили.

— Именно, — кивнула Нора. — Они ослабляют города, лишают их контроля и вызывают панику. Вы помните, что произошло в Лаумосе?

Эмили нахмурилась.

— Конечно. Вся восточная часть города пропала за одну ночь. Говорили, что это крупнейшая временная воронка, но никто не мог объяснить, почему она появилась.

Нора стиснула зубы.

— Это был их тест. Они запустили искусственную временную воронку, чтобы проверить, смогут ли направить ее на крупный населенный пункт.

Эмили почувствовала, как холод пробежал по ее спине.

— Но зачем? Что они хотят этим добиться?

Нора присела напротив, ее голос стал тише, но серьезнее.

— Они используют аномалии, чтобы разрушать структуру времени и пространства Земли. Каждый раз, когда появляется воронка или зона искажений, наша реальность становится слабее. Они планируют довести ситуацию до критической точки, когда само время на Земле начнет разрушаться.

— Это безумие, — выдохнула Эмили. — Они ведь рискуют уничтожить и себя.

— Они думают, что смогут выжить, — ответила Нора. — Их технологии позволяют создавать временные убежища. Это своего рода карманы реальности, защищенные от общего разрушения. Они хотят оставить Землю в руинах, но сохранить себе куски, где они смогут править без ограничений.

Эмили задумалась, ее разум пытался осмыслить услышанное.

— Мы можем остановить их? — наконец спросила она.

Нора взглянула на нее пристально.

— Пока у нас есть время. Но для этого мне нужна ваша помощь. Ваши разработки и данные — ключ к пониманию, как они создают эти искажения.

Эмили кивнула.

— Хорошо. Если мы действительно сможем остановить их, я сделаю все, что в моих силах. — Это серьезное обвинение. Вы уверены?

— Уверена, — сказала Нора спокойно. — У меня есть доказательства. Но сейчас не это главное. Ваша лаборатория — еще одна их цель. Они используют ваши разработки, чтобы еще больше дестабилизировать ситуацию.

— Да, я заметила странности в результатах, — призналась Эмили. — Но это могли быть просто ошибки.

— Это не ошибки, — покачала головой Нора. — Это вмешательство. И чем дольше вы позволяете им манипулировать данными, тем сильнее становитесь их инструментом

Нора задержала на Эмили взгляд, будто оценивая ее решимость, и наконец сказала:

— Теперь о проекте «Кронус-Х». Этот проект был перехвачен. Антиподы не просто создали аномалии, но и внедрили своих людей в вашу команду, чтобы направить исследования в нужное им русло. Все, что здесь разрабатывается, работает на их цель: разрушение земного пространства и времени.

— Это невозможно, — прошептала Эмили. — Мы занимаемся предотвращением искажений, а не их усилением.

— Именно это вам и должны были внушить, — Нора говорила спокойно, но в ее голосе звучала сталь. — Задайте себе вопрос: почему данные противоречат логике? Почему оборудование выходит из строя? Все это последствия их вмешательства.

Эмили попыталась осмыслить услышанное, но в ее голове была лишь одна мысль: «Если это правда, то что же мне делать?»

Нора, словно прочитав мысли Эмили, продолжила:

— У нас есть шанс их остановить. Антиподы зависят от артефакта, называемого Ключ Равновесия. Он позволяет управлять потоками времени и пространства. К счастью,

сейчас у них есть только половина ключа. Вторая половина находится под нашей защитой. Но они не остановятся, пока ее не получат.

Эмили сидела молча, пытаясь соединить все воедино.

— Зачем вы говорите это мне? — наконец спросила она.

— Потому что вы — руководитель этой лаборатории. У вас есть доступ ко всем данным, к которым они пытаются добраться. Если вы согласитесь работать со мной, мы сможем не только остановить Антиподов, но и закрыть проект так, чтобы никто больше не смог возобновить эти исследования.

Эмили посмотрела на Нору и почувствовала, что впервые за долгое время ее страх сменился решимостью.

— Хорошо, — сказала она твердо. — Я помогу. Но только если увижу доказательства. Скажите, что нужно делать.

Нора чуть заметно кивнула, именно этого ответа она и ожидала.

— Эмили, и все же... почему проект «Кронус-Х» был приостановлен? Почему исследования прекратились на таком критическом этапе?

Эмили вздохнула и на несколько мгновений закрыла глаза, как будто пытаясь найти нужные слова.

— Да, Вы правы... Все связано с Ключом Равновесия, — сказала она, не скрывая тревоги в голосе. — Мы знали, что для завершения экспериментов нам нужна вторая половина Ключа. Одна половина была у нас, но без второй мы не могли продолжить работы, не рискуя разрушить все, что уже было создано.

Нора внимательно слушала, не отрывая взгляда от Эмили.

— Мы начали поиски, — продолжила Эмили, — но, несмотря на все усилия, не смогли найти ее. У нас были данные, которые указывали на возможное местонахождение второй половины, но каждая попытка привести нас

к ней заканчивалась неудачей. Это стало настоящей проблемой. Без второй половины ключа продолжение экспериментов было невозможно.

Нора кивнула, понимая, как важен этот элемент для всей работы.

— Так проект просто закрыли на неопределенное время? — спросила она, чувствуя, как ситуация накаляется.

— Да, — подтвердила Эмили. — На данный момент все заморожено. Мы не могли рисковать, зная, что без Ключа Равновесия вся наша работа может быть уничтожена. И, кроме того, у нас не было уверенности в том, что мы вообще могли бы безопасно завершить проект без той второй половины.

Ее голос стал тише, и в его тени звучала не только усталость, но и отчаяние. Эмили понимала, что они могли бы стать частью чего-то гораздо большего, но для этого им нужно было не только найти вторую половину, но и противостоять тем, кто скрывался в тени и мешал им двигаться вперед.

Эмили протянула Норе руку, в которой был микромодуль с кодом доступа. — Вот специальный код доступа к главной лаборатории исследовательского комплекса «Дельта-Кронус». Можете поискать в архиве «Дельта-Кронус» инструкции по активации и отчеты по последним этапам исследований.

На мгновение Нора заметила, как плечи Эмили опустились, будто под грузом невидимой ответственности. Она умолкла, встала и подошла к окну, взгляд ее был устремлен на панораму мегаполиса.

— Если вы обнаружите что-то серьезное, вы меня уведомите? — тихо спросила она, не оборачиваясь.

— Конечно, — заверила Нора, хотя внутри понимала: часть информации лучше оставить при себе. Она направилась к выходу, но обернулась у дверей.

— Доктор Эмили, помните: времени у нас мало. Чем быстрее мы действуем, тем больше у нас шансов.

Эмили кивнула, чувствуя, как ее тревога сменяется решимостью. Когда дверь закрылась, она взглянула на свои отчеты. Теперь ее работа была больше, чем просто наука. Она стала частью битвы, о которой сотрудники ее корпорации даже не догадывались.

Голос Гласа, который Нора слышала только в критические моменты, раздался у нее в голове, едва заметным шепотом:

– Она знает больше, чем говорит. Продолжай, ты на правильном пути.

ГЛАВА 3: КАРТИНЫ МАРКУСА

Выйдя из офиса, Нора решила пройтись по улицам, чтобы собраться с мыслями. Вечернее небо Арконии, затянутое смогом, отражало мерцание голографических вывесок. Улицы города были заполнены людьми, спешащими домой и растворяющимися в пестром хаосе ночной жизни. Нора медленно шла по мостовой, оглядываясь на бесконечный поток машин, парящих над головами. Мысли о недавнем нападении не покидали ее. Она чувствовала, что за ней следят, и каждое движение казалось подозрительным.

Остановившись у небольшой площади, где собралась группа зевак, Нора заметила мужчину с планшетом, стоящего на краю тротуара. Он рисовал яркую, почти пульсирующую картину: на планшете был изображен странный водоворот из света и тени, напоминающий ту самую фигуру, которую Нора видела в серверной комнате.

Мужчина был высоким, его внешний вид казался слегка небрежным. Его волосы падали на лицо, а стилус, кото-

рый он держал в руке, перемещался с отточенной уверенностью по поверхности планшета.

Нора почувствовала странное притяжение к этой картине и ее автору, словно в нем было что-то знакомое.

Она подошла ближе, и ее голос дрогнул:

— Что это?

Художник обернулся. Его глаза были глубокими, словно он видел в Норе что-то большее, чем могла понять она сама.

— Картина? Или то, что на ней изображено?

— И то, и другое, — тихо ответила Нора.

Он улыбнулся, но в этой улыбке было что-то загадочное.

— Я Маркус. Похоже, вы не случайно остановились здесь.

Нора кивнула, глядя на планшет.

— Я видела это раньше. Эти формы, линии... они напоминают кое-что, что мне нужно понять.

Маркус поднял бровь.

— Значит, вы одна из тех, кто тоже ищет ответы?

Его слова заставили Нору вздрогнуть. Она почувствовала, что он может знать больше, чем кажется.

— А вы знаете? Это просто картина, или за ней что-то стоит?

— Все, что я рисую, приходит ко мне, — ответил он, немного загадочно. — Иногда это воспоминания, иногда... предчувствия. А иногда я даже сам не знаю, откуда они берутся.

Нора глубоко вздохнула, решая, стоит ли ему доверять. Но что-то в нем — может, его спокойствие, может, то, как его картина совпадала с ее видением, — заставило ее заговорить.

— Это не просто случайность. Я ищу ответы, которые касаются времени, нашего мира и... странных вещей, которые происходят вокруг нас. У меня есть Ключ. И кажется, что ты можешь быть частью этого.

Маркус молча смотрел на нее, его глаза ожили.

– Ты думаешь, что я один из тех, кто тебе нужен?

– Может быть. Я не уверена, но чувствую, что должна кое-что тебе рассказать.

Маркус убрал стилус и закрепил планшет на переносной подставке. – Что ты ищешь?

Нора не знала, как объяснить все словами. Она вытащила металлический цилиндр из своей сумки и показала его. Символ на нем засветился, когда Маркус протянул руку. Он не коснулся цилиндра, но его лицо изменилось.

– Это... это что-то важное. Это связано с узлами времени, правда? – его голос стал серьезным.

– Да. Но откуда ты знаешь про Ключ?

Маркус посмотрел на нее долгим взглядом.

– Я видел это раньше. Или, может быть, увижу в будущем. Трудно сказать, когда речь идет о времени. Но если ты доверилась мне, я думаю, я должен помочь тебе.

Нора подошла к планшету на переносной подставке и несколько минут пристально разглядывала картину. Затем, обернувшись к Маркусу и сказала:

– Ну, мне пора. Встретимся завтра, у меня дома. Я живу неподалеку отсюда. Район Тетра-Квадра, 32-й уровень. Жду тебя завтра к полудню.

Попрощавшись с Маркусом, Нора направилась домой. Перед тем, как свернуть в один из переулков, она почувствовала, что за ней кто-то следит. Она убыстрила свой шаг, вдруг из-за угла появился человек в темном плаще, его лицо скрывала маска. Он напал на Нору, пытаясь вырвать цилиндр из ее рук.

Нора отчаянно защищалась, но нападавший был сильнее, и почти уже вырвал сумку из рук Норы, но Маркус, неожиданно вернувшийся за своим рюкзаком, оставленным на тротуаре, услышал шум и бросился на помощь. Он схватил кусок металлической трубы, валявшейся на обочине мостовой и сильным ударом в корпус отбросил напа-

давшего. Тот быстро скрылся, оставив Нору и Маркуса в оцепенении.

– Ты в порядке? – спросил Маркус, помогая Норе подняться.

– Они знают обо мне. Они хотят забрать Ключ, – срывающимся голосом сказала она.

– Кто это?

– Я не знаю точно, скорее всего, это тайные агенты Антиподов. Меня предупреждали, что на моем пути будут такие угрозы.

– Значит, ты не должна останавливаться. Мы не можем позволить им победить, – твердо сказал Маркус.

Глас снова прозвучал в ее голове:

– Ты права, Нора. Маркус – один из «своих». Он важен. Доверься ему. У тебя лишь половина ключа, вам надо найти вторую половину ключа и узнать процедуру его активации. Возможно ответ вы с Маркусом найдете в лаборатории или архивах комплекса «Дельта-Кронус».

– Кажется, у нас нет выбора, – сказала Нора Маркусу. – Если ты готов, я расскажу тебе все.

Маркус кивнул.

– Я уже внутри этой игры. Давай завтра обо всем поговорим.

ГЛАВА 4: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА КЛЮЧА

Нора вернулась домой, стараясь сохранить спокойствие, но настороженность, вызванная недавним нападением на улице, только усилилась. Открыв дверь своей квартиры, она сразу заметила, что вещи были не на своих местах: ящики комода открыты, книги валялись на полу, а документы из ее стола оказались разбросаны по комнате. Это было не просто ограбление — они искали что-то конкретное.

Она закрыла дверь на два замка и медленно прошла вглубь квартиры. На кухонном столе ее ожидала чашка с остатками утреннего кофе, единственное напоминание о том, что совсем недавно ее жизнь была относительно спокойной. Нора присела, пытаясь осмыслить произошедшее. Сидя за кухонным столом, Нора просидела пару часов с чашкой кофе в руках.

— Уже поздно, надо ложиться спать. Завтра будет тяжелый день, необходимо как следует выспаться, — подумала она, отодвигая чашку от себя.

Нора легла спать, но долго не могла уснуть. Ей все время слышались посторонние шумы: шаги на лестничной площадке, странные обрывки разговоров. Каждый шорох заставлял ее вздрагивать и прислушиваться. Только под утро она смогла провалиться в тревожный сон.

Проснувшись она поздно, день давно начался. Ощущая усталость, Нора привела себя в порядок и, чтобы немного отвлечься, включила новостной канал. На экране мелькали кадры городских улиц и заголовки об очередных событиях мегаполиса. Она невнимательно слушала, не придавая значения нескончаемому потоку новостей.

Вдруг включился ее видеофон, и она вздрогнула. На экране высветилось имя Маркуса.

– Нора, ты дома? – услышала она его голос, полный тревоги.

– Да. Маркус, кто-то был здесь. Мою квартиру обыскали, – сказала она дрожащим голосом.

– Мы должны поговорить, – сказал он, когда она пропустила его внутрь, не задавая лишних вопросов.

Как только Маркус вошел в прихожую, его взгляд сразу остановился на Норе. Он не знал, что она пережила. Нора не была склонна показывать свои эмоции, но его взгляд был достаточно пронизательным, чтобы понять – она не в порядке

– Ты уверена, что все в порядке? – Маркус явно был встревожен.

– Со мной все нормально, но... я не знаю, как теперь быть. Они искали что-то. И я думаю, это связано с половиной ключа, – Нора нервно поправила волосы, в ее глазах не было прежней уверенности. Она провела его в гостиную и села за стол. Маркус присел напротив нее, молча ожидая.

– Я знаю, это были агенты Антиподов, – сказала Нора, глядя в глаза Маркусу.

– Так и есть, – подтвердил он, опираясь локтями на стол. – Ты все равно не должна была вмешиваться. Это было слишком опасно.

Нора слегка усмехнулась, но ее улыбка не была искренней.

– Я не могла стоять в стороне, зная, что происходит. Ты не понимаешь, что происходит. Ты не знаешь, что они делают.

Маркус нахмурился.

– Что ты имеешь в виду? Что они делают?

Нора откинулась в кресле, чувствуя, как напряжение уходит с ее плеч, но внутреннее беспокойство усиливается.

– Они используют временные аномалии, чтобы разрушить Землю, – произнесла она, опуская глаза. – Эти

аномалии, которые мы наблюдаем, не случайны. Они — оружие, созданное Антиподами. И они знают, как ими управлять.

Маркус молчал, переваривая услышанное.

— Оружие? — сказал он наконец. — Ты серьезно? Как можно использовать временные аномалии как оружие?

Нора посмотрела на него, и её глаза на мгновение заблестели.

— О, они умеют это делать. И очень хорошо. Эти аномалии не просто случайные вспышки. Антиподы способны манипулировать временем и пространством, чтобы разрушить инфраструктуру, вызвать хаос, уничтожить контроль. Они могут сжигать целые районы, поглощать города... И они намерены использовать это, чтобы привести Землю к разрушению.

Маркус подался вперед, его лицо становилось все более напряженным.

— И как они это делают? Как они могут контролировать такие аномалии? Это невозможно.

Нора повернулась к нему и, выдержав паузу, ответила:

— Они используют наши собственные технологии. Технологии, которые мы разрабатываем для борьбы с аномалиями, — чтобы их создавать. Я обнаружила это несколько месяцев назад. Они внедрились своих агентов в наши исследовательские группы, чтобы мы не только не предотвращали искажения, но и усиливали их. И если мы не остановим их, они полностью разрушат этот мир.

Маркус на секунду замолчал.

— Слушай, это важно. Ты уверена, что половина ключа у тебя? Ты проверяла?

Нора встала и пошла к тайнику. Сердце билось быстрее, чем обычно. Она открыла вмонтированный в стену сейф, куда она после нападения решила спрятать половину Ключа, и с облегчением вздохнула: Ключ был на месте.

— Почему ты молчала? Почему ты не предупредила меня раньше?

Нора на мгновение закрыла глаза, — Потому что я не была уверена. Я не знала, что это Антиподы. Я думала, что это просто сбои в системе, ошибки в данных... Но теперь все ясно. Мы играем в их игру, и они контролируют нас.

Маркус стоял молча, собираясь с мыслями.

— И как мы можем это остановить? — наконец спросил он.

Нора подняла голову и посмотрела ему в глаза. Этот взгляд был полон решимости.

— Нам нужно забрать контроль. Мы должны найти способ предотвратить создание этих аномалий. У нас есть шанс, если мы действуем быстро. Но для этого я должна иметь доступ к данным, к тем, которые находятся в главной лаборатории исследовательского комплекса «Дельта-Кронус», которую они уже контролируют.

Перехватив удивленный взгляд Маркуса, Нора продолжала:

— Я получила специальный код доступа к главной лаборатории от доктора Эмили Кларк, руководителя исследовательского отдела компании «Кронус». Это даст нам возможность проникнуть в архив лаборатории, где находятся интересующие нас документы.

Маркус не спешил с ответом. Он понимал, что они стоят на пороге чего-то огромного, но это было связано с риском, который они не могли полностью оценить.

— Ты знаешь, что я готов помочь, — сказал он, наконец. — Но нужно больше, чем просто найти данные. Нам нужно нейтрализовать их, прежде чем они смогут нанести непоправимый ущерб.

Нора встала, направляясь к окну. Ее взгляд был решительным.

— Я знаю, — ответила она, не поворачиваясь. — Но сейчас главное — остановить временные аномалии.

Это их главное оружие. Если мы не сделаем это прямо сейчас, они смогут разрушить пространственно-временной континуум, и никакие усилия не смогут этого предотвратить.

Маркус молча кивнул. Он понимал, что их будущее зависело от того, насколько быстро они смогут разрушить планы Антиподов.

— Что нужно делать? — спросил он.

Нора обернулась и встретилась с ним взглядом.

— Мы начинаем с того, что добудем информацию. Если мы сможем проникнуть в комплекс «Дельта-Кронус», возможно, мы получим ключевые данные, которые нам нужны для нейтрализации аномалий.

— Это будет тяжело, — сказал Маркус. — Но думаю, мы все еще можем исправить это. У меня есть новости.

Она подняла на него глаза, полные надежды и тревоги.

— Какие?

Маркус сел напротив нее и достал из сумки маленький блокнот. Он развернул его и показал набросок картины, которую закончил несколько месяцев назад.

— Эта картина... — начал он. — Я помню, как работал над ней. Тогда у меня были странные видения. Я видел старый подземный комплекс. Я даже не знал, существует ли он на самом деле. Но теперь, связав это с твоим Ключом, я понимаю, что его вторая половина может быть там.

Нора разглядывала рисунок, изображающий внутреннее пространство комплекса с коридорами, исчезающими в темноте. В центре рисунка находился странный механизм, напоминающий лабораторную установку и цилиндр с таким же символом, как и на половине Ключа, который хранила Нора.

— Ты уверен? — спросила она.

— Настолько, насколько можно быть уверенным в своих видениях, — ответил Маркус. — Эта картина была ре-

зультатом череды кошмаров и снов. Я видел этот комплекс в деталях. Возможно, у нас есть шанс найти там вторую половину.

Нора задумалась.

— Ты хочешь сказать, что если мы найдем этот комплекс, мы найдем и вторую половину Ключа?

Маркус кивнул.

— Нам нужно попытаться это сделать... Но это место опасно. Мне нужно подготовиться и узнать больше.

Она нервно прошлась по комнате.

— Мы теряем время, Маркус. Если они уже знают обо мне, то, возможно, они уже знают о твоих картинах.

— Вот почему ты должна оставаться здесь, — сказал он твердо. — Тебе нужно быть в безопасности. Я пойду в архивы архитектурного отделения мегаполиса и постараюсь выяснить, где находится этот комплекс. Это даст нам преимущество.

Нора посмотрела на него с сомнением.

— Ты действительно думаешь, что сможешь справиться в одиночку?

— Я знаю, что должен попробовать, — сказал Маркус. — Но я буду на связи. Если я найду что-то конкретное, я сразу вернусь.

Нора покачала головой, но не стала спорить.

— Ладно, иди. Но, Маркус, пожалуйста, будь осторожен. Мы не знаем, что еще они могут сделать.

После его ухода Нора долго не могла успокоиться. Она попыталась восстановить в памяти события прошлой ночи, но все казалось слишком расплывчатым. Единственное, что она знала точно, — злоумышленники хотели ее остановить.

Когда Маркус вернулся вечером, он выглядел взволнованным.

— Я нашел кое-что.

— Что именно? — спросила Нора.

Маркус разложил перед ней распечатки карт и доку-

ментов, которые он добыл в архиве архитектурного отделения мегаполиса.

— Этот комплекс существует. Он находится в старом районе Вентарис. Его использовали во время первых экспериментов с временными потоками. Судя по всему, он давно закрыт, но я уверен, что проникнуть внутрь не просто — вход по-прежнему охраняется.

— Значит, это наш следующий шаг, — решительно сказала Нора.

— Только если ты готова, — сказал Маркус. — Это место может быть опасным.

Она посмотрела на него, и в ее глазах зажглась решимость.

— Я готова. Мы должны найти вторую половину Ключа, Маркус. Без него у нас нет шансов.

ГЛАВА 5: АРХИВ «ДЕЛЬТА-КРОНУС»

Густой туман стелился над старым районом Вентарис, когда Нора и Маркус шагнули на заросшие тропы старого сада-парка. Некогда ухоженное место превратилось в джунгли, ветви деревьев переплелись, образуя плотный купол, а трава скрывала следы былых тропинок. Здесь, среди зеленого хаоса, скрывался вход в туннель, ведущий к подземному комплексу.

Маркус, держа в руках старую карту, отысканную среди архивных материалов, уверенно прокладывал путь.

— Вот здесь, смотри, — он указал на отметку на карте. — Должен быть запасной выход из туннеля. Наверняка, они замаскировали его так, чтобы никто не нашел.

Нора огляделась и остановила взгляд, заметив что-то странное среди зарослей.

— Похоже на люк. — Она откинула листья и убрала слой грязи с металлической поверхности.

Маркус помог открыть тяжелый люк, и перед ними открылся проход в темный коридор. Спуск был крутым и узким, ржавые ступени были покрыты мокрой плесенью.

— Похоже, нас ждет долгая прогулка, — пробормотал Маркус.

— Лишь бы не в пустоту, — отозвалась Нора.

Так они спустились через один из входов в подземный комплекс. Коридор уходил в темноту, а воздух был тяжелым и застоявшимся. Где-то вдали гулко капала вода. Предупреждающие знаки на стенах тоннеля над кабельной проводкой напоминали о былой значимости этого места.

Двигаясь по коридору в полумраке Нора случайно споткнулась.

— Осторожно! — Маркус успел схватить ее за руку, удерживая от падения.

Она удивленно посмотрела на него, чуть задержавшись взглядом.

— Спасибо.

— Ты всегда такая невнимательная? — с добродушным видом сказал он, не отпуская ее руку чуть дольше, чем нужно.

— Это нервы, — отозвалась она, убирая прядь волос с лица. — Когда вокруг тебя рушится время и пространство, сложно не терять равновесие.

— Тогда хорошо, что у тебя есть я, — Маркус улыбнулся и обнял Нору.

Нора хотела было что-то ответить, но их внимание привлекли странные звуки из глубины туннеля. Они мгновенно вернулись в рабочий режим.

— Нам нужно торопиться, — сказала она, вырываясь из его объятий.

Маркус кивнул, но его взгляд оставался прикованным к Норе чуть дольше, чем требовалось.

— Смотри, — прошептал Маркус, освещая стену фонарем. На плитах виднелись символы проекта «Кронус-Х». — Мы на месте.

Нора кивнула, пальцы сжались на ремне сумки.

— Архив секретной лаборатории... Теперь главное — найти то, что нам нужно.

Они подошли к двери архива. Нора достала микромодуль кода доступа и, подержав его в руке несколько секунд, подключила его к панели. Раздался щелчок, и дверь медленно открылась.

Тусклый свет голографического проектора выхватывал из темноты частицы пыли, которые плавно кружились в пустоте, словно привидения ушедших лет. Архив главной лаборатории «Дельта-Кронус» дышал забвением. Полки вдоль стен были заставлены папками с документацией, а на рабочих столах валялись неактивные интерфейсные модули, синхронизаторы и подшивки документов, покрытые толстым слоем пыли.

Маркус вытер ладонью пот со лба и пробормотал:

— Эти документы — полный хаос. Половина из них — всего лишь скучные отчеты о расходах бюджета. Зачем мы здесь, Нора?

Нора молча уткнулась в старый планшет, который ей удалось включить. Вдруг что-то привлекло ее внимание, она резко подняла голову.

— Подожди. Посмотри на это! — Она повернула планшет так, чтобы Маркус увидел экран. — Здесь упоминается проект «Кронус-Х».

Маркус нахмурился, всматриваясь в текст.

— «Кронус-Х»? Это что-то важное?

Нора кивнула, прокручивая текст пальцем. — Это был проект по стабилизации потоков времени. Они пытались создать механизм, который предотвращал бы коллапсы

потоков времени. Но... — Она чуть наклонила голову к экрану. — Вот примечание: проект закрыли из-за неудачных результатов.

Маркус придвинулся ближе.

— Постой... Вот здесь... Подземный комплекс «Дельта-Кронус» Финальные испытания по дезактивации временных аномалий. Закрыт до обнаружения второй половины Ключа Времени.

Нора на секунду замерла, затем развернула карту, приложенную к файлу.

— Скорее всего, вторая половина ключа все еще здесь. Если мы доберемся до экспериментальной установки, у нас появится шанс все исправить.

Маркус скрестил руки на груди и вздохнул:

— Только не забывай, кто за нами охотится. Антиподы наверняка будут ждать нас там. Просто так они не позволят нам уйти.

Нора усмехнулась и спрятала планшет в сумку.

— Это нас никогда не останавливало. Будем двигаться дальше по коридору, где-то рядом должна быть сама лаборатория.

ГЛАВА 6: ЛАБОРАТОРИЯ «ДЕЛЬТА-КРОНУС»

Темнота подземного коридора была почти осязаемой. Лампы мигали, создавая призрачные тени на стенах. Путь к главной лаборатории «Дельта-Кронус», где находилась экспериментальная установка, напоминал кошмар: обру-

шенные своды, узкие проходы и ощущение чужого взгляда, следящего за каждым их шагом.

Маркус остановился перед массивной стальной дверью, на которой был изображен знакомый символ.

– Мы на месте. Только... как мы войдем?

Нора активировала терминал, сдув с него слой пыли. Экран мигнул, оживая, но система тут же запросила код доступа.

– Система безопасности все еще активна. Мне нужно время, чтобы обойти ее.

Маркус обернулся и услышал то, чего опасался – металлическое эхо шагов вдалеке.

– Я попробую их задержать. Только поторопись.

Он выхватил из-за спины портативный плазменный фазер с бесшумным режимом и занял позицию у входа. Металлический звук усиливался, приближаясь.

– Они уже здесь! – крикнул он.

Нора не оторвалась от экрана.

– Еще пара минут!

Из темноты вышли агенты Секретной службы Антипов. В их движениях не было суеты, а лица оставались непроницаемо холодными. Один из них сделал шаг вперед, голос эхом разнесся по коридору:

– Сдавайтесь. У вас нет шансов.

Маркус не стал отвечать. Он открыл огонь, и ослепительный луч плазмы сразил обоих агентов наповал.

– Надеюсь, ты почти закончила! – крикнул Маркус через плечо.

Экран терминала пискнул, и массивная дверь начала открываться.

– Готово! Быстрее, заходим внутрь! – дрожащим голосом произнесла Нора.

Нора и Маркус осторожно вошли в центральную лабораторию исследовательского комплекса «Дельта-Кронус». Дверь бесшумно закрылась за ними, оставляя их в полу-

тьме огромного помещения.

В центре лаборатории возвышалась массивная экспериментальная установка, окруженная тонкими энергетическими барьерами, искривляющими свет. Полупрозрачные мониторы вдоль стен мерцали, выводя обрывочные данные, словно лаборатория пыталась предупредить их о чем-то.

Маркус шагнул вперед, подняв свой плазменный фазер на случай непредвиденной угрозы. Его взгляд упал на установку — гигантский монолит из темного металла с ярким разломом посередине, где в энергетической капсуле вращалась вторая половина ключа, их главная цель.

— Наконец-то, — прошептала Нора, указывая на механизм. — Половина ключа. Надеюсь, нам удастся извлечь ее из капсулы...

— Либо извлечем, либо уничтожим весь комплекс, — мрачно закончил Маркус.

Нора подошла ближе к панели управления, пока Маркус внимательно осматривал помещение. Его опыт подсказывал, что ловушка может быть где угодно. На одной из стен он заметил выцарапанные слова: «Не активируйте. Это ошибка».

— Что-то мне не нравится, — сказал он, сжимая оружие. — Все слишком тихо.

Внезапно установка ожила: энергопотоки стали сгущаться вокруг капсулы, наполняя воздух вибрацией. Свет в лаборатории начал мигать, а панели управления высвечивали тревожные сигналы.

— Что ты сделала? — резко обернулся Маркус.

— Ничего! Я даже не дотронулась! — Нора в панике оглядывалась, пытаясь понять, что происходит.

Звук электрического разряда пронесся по комнате, и из темных углов выдвинулись четыре дрона-охранника, вооруженные импульсными пушками.

— Вот и ловушка, — мрачно усмехнулся Маркус, вскидывая оружие. — Защитишь панель, пока я разберусь с этими штуками? — Уверен, что справишься. — ответила Нора, активируя терминал.

Маркус выпустил серию импульсных зарядов из фазера, мгновенно уничтожив одного из дронов. Остальные начали маневрировать, обстреливая их перекрестным огнем.

Тем временем Нора лихорадочно перебирала данные на терминале, стараясь обойти защитные протоколы. Ее пальцы быстро скользили по панели терминала.

— Маркус, мне нужно больше времени! Я не могу отключить барьеры, пока система считает нас угрозой! — Тогда быстрее, потому что я тоже не вечен! — крикнул он, уклоняясь от очередного выстрела.

Один из дронов приблизился слишком близко, но Маркус активировал лазерный резак, скрытый в левом рукаве куртки, и направил его в видеокамеру дрона. Дрон рухнул с глухим стуком.

— Готово! — вдруг воскликнула Нора. Энергетический барьер вокруг капсулы начал меркнуть, открывая доступ ко второй половине ключа.

Но в тот же момент установка начала гудеть сильнее, словно готовилась к выбросу энергии.

— Это не просто защита, — пробормотала Нора, глядя на экран. — Установка запускает автодеструкцию!

Маркус схватил ее за руку.

— Берем ключ и уходим. У нас есть пара минут, не больше.

Они подбежали к капсуле. Маркус, не раздумывая, выхватил половину ключа, несмотря на электрические разряды, которые обожгли его руку. В ту же секунду сирены завыли громче, а освещение в лаборатории стало мерцать и постепенно исчезать..

Нора вспомнила, что в самом конце списка кодов, в одной из инструкций по активации Ключа, был указан

код для отмены autodestruktion. Она быстро набрала на панели терминала комбинацию: 1X1. Экран мигнул, и несколько секунд ничего не происходило. Затем установка вернулась в первоначальное состояние: сирены умолкли, а процесс autodestruktion был отменен.

— Сработало, — выдохнула Нора.

Маркус посмотрел на Нору, держа ключ в руках. — Надеюсь, оно того стоило.

— Мы узнаем это позже, — сказала она, тяжело дыша. — Теперь у нас есть обе половины.

Обратный путь Нора и Маркус решили проделать через архив лаборатории, захватив внушительную папку с отчетами и инструкциями по активации Ключа и синхронизации Часов Равновесия.

Выбравшись на поверхность они направились к выходу из парка. Неподалеку от выхода стояла скамейка, Нора и Маркус решили немного передохнуть и присели на эту скамейку. Разговор сам собой зашел на более личные темы.

— Ты все еще не рассказала мне, как оказалась в этом хаосе, — заметил Маркус. Его взгляд задержался на Норе, которая, прислонившись к спинке скамейки, сидела с картой в руках.

— Это долгая история, — она посмотрела на него поверх карты.

— У нас есть время, — усмехнулся он, уstraиваясь напротив. — До наступления темноты еще несколько часов, мы успеем добраться до дома..

Нора на мгновение задумалась.

— Все началось с моего дяди. Он был одержим поиском артефактов, которые могли менять ход времени. Когда он исчез, я просто хотела понять, что с ним произошло. А потом... оказалось, что я втянулась в нечто большее.

Маркус кивнул, слегка нахмурившись.

— Значит, все это для тебя не просто миссия, а личное?

— Личное? — Нора улыбнулась. — Возможно. Но для меня главное — сделать так, чтобы мир не разрушился из-за ошибок прошлого.

— А как насчет твоего будущего? Ты думаешь о нем?

Она встретила его взгляд, чуть удивленная вопросом.

— Честно? Последние несколько месяцев я живу только настоящим.

Маркус усмехнулся.

— Звучит знакомо. Но все же... если все это закончится, что ты будешь делать?

— Может быть, наконец-то возьму отпуск. Лет на пять. — Нора рассмеялась, но в ее голосе прозвучала нотка грусти. — А ты?

Маркус откинулся назад, глядя в потолок.

— Не знаю. Я никогда особо не задумывался о том, что будет «потом». Обычно просто стараюсь выжить. Но сейчас... — он сделал паузу, а затем снова посмотрел на нее. — Сейчас я начинаю думать, что «потом» может быть не так уж плохо.

Нора почувствовала, как ее щеки начинают теплеть. Она отвела взгляд и сделала вид, что снова сосредоточилась на карте.

— Смотри-ка, философ в нашем отряде.

— Я серьезно, — мягко сказал Маркус. — Ты... вдохновляешь. И ты мне очень нравишься..

Ее пальцы чуть дрогнули, но она быстро взяла себя в руки.

— Спасибо, Маркус. Но давай сосредоточимся на миссии.

— Конечно, — он улыбнулся, поднимая руки в знак капитуляции. — Сначала спасаем мир, потом решаем, что дальше.

Нора задумчиво посмотрела на него, потом с легкой улыбкой спросила: — Что скажешь на ужин? У меня дома. Мы заслужили хотя бы вечер покоя.

Маркус улыбнулся в ответ: — Это звучит слишком заманчиво, чтобы отказаться. — Он наклонился ближе, добавив: — Твое предложение с благодарностью принимается.

ГЛАВА 7: МАГИЯ АНТИПОДОВ

Нора и Маркус добрались до квартиры Норы спустя час. После быстрого душа Нора надела удобный домашний комбинезон, а Маркус, переодевшись в чистую одежду, помогал ей на кухне.

Он стоял у небольшой кухонной стойки, сосредоточенно нарезаю овощи. Нож мягко скользил по разделочной доске, а разноцветные кусочки падали в миску, образуя яркую мозаику.

— Тебе стоит почаще пускать меня на кухню, — с улыбкой сказал Маркус. — Я могу быть весьма полезен.

Нора мельком глянула на него, едва сдерживая улыбку.

— А еще ты можешь быть весьма неуклюжим. Не забывай, что это второй нож, который я тебе дала, потому что первый ты уронил на пол.

— О, это было случайностью! — притворно возмутился Маркус, поднимая руки в защитном жесте. — К тому же, это не отменяет моего таланта нарезать овощи идеально ровно.

Запах пряностей наполнил кухню, создавая уютную атмосферу.

Маркус огляделся, отметив, как гармонично обустроена квартира. Простая, но со вкусом подобранная мебель, мягкий свет, книги на полках, зелень в горшках.

— Знаешь, Нора, твоя квартира... она удивительно уютная. Это такая редкость. Не то что эти элитарные квартиры

мегаполиса — стекло и металл. Там все идеально, но словно неживое. А у тебя тут... — он сделал широкий жест рукой, чуть не задев миску с овощами. — Тут ощущается жизнь.

Нора обернулась к нему, опираясь на столешницу.

— Ты прав, элитарные квартиры никогда мне не нравились. Они холодные, лишённые индивидуальности. А здесь... Здесь все мое, каждый предмет — это часть моей жизни. Хотя некоторые из моих знакомых считают, что эта квартира выглядит как временное убежище для архивиста, а не место обитания в элитном районе мегаполиса.

— Убежище героя, — произнес Маркус, улыбаясь. — С этим я могу поспорить. Ты уже доказала, что можешь быть героем, Нора. — Видишь? У твоей квартиры есть душа. И это, — Маркус постучал ножом по доске, — даже мотивирует меня на подвиги..

— Ты просто боишься, что я оставлю тебя голодным, — поддела его Нора, подходя ближе.

Маркус притворно задумался.

— Не буду отрицать. Но что-то мне подсказывает, что ты могла бы прогнать меня с кухни и приготовить все сама лучше.

Они рассмеялись, и кухня наполнилась не только запахом ужина, но и атмосферой легкости и тепла.

Ужин прошел в спокойной обстановке, Норе и Маркусу на время удалось забыть об угрозах Антиподов. Они говорили о прошлом, о своих жизнях до того, как время стало их врагом, и смеялись над мелочами, которые стали казаться далекими.

Когда ночь накрыла город, Маркус остался у Норы — без слов, без объяснений. Это был момент близости, который давал силы перед новым испытанием.

На следующее утро, за чашкой кофе, Нора и Маркус вновь вернулись к обсуждению дальнейшего плана действий.

— Итак, что дальше? — спросила Нора, внимательно посмотрев на Маркуса.

— У нас есть обе половины Ключа, — ответил Маркус, пролистывая файлы. — Теперь Ключ можно активировать.

Нора подошла к окну и задумалась на некоторое время, явно собираясь с мыслями, а затем обернулась к Маркусу.

— Маркус, — начала она, — я должна рассказать тебе то, что удалось узнать в архиве офиса компании «Кронус». Это касается Антиподов и их магии. Информация крайне важна для понимания обстановки и выработки правильных решений.

Маркус отложил свои записи, его взгляд потемнел от напряженного ожидания.

— Я слушаю, Нора. Рассказывай.

Она сделала несколько шагов по комнате, словно собирая в себе силы.

— Магия Антиподов базируется на так называемых «Нитях Реальности», — начала она, останавливаясь посреди комнаты. — Это невидимые потоки энергии, которые связывают время и пространство в единую ткань нашего мира. Эти нити пронизывают все: прошлое, настоящее, будущее, материальное и нематериальное.

— И Антиподы как-то манипулируют ими? — уточнил Маркус.

Нора кивнула.

— Да. Эти существа из другого измерения, где действуют иные законы физики. Их родная среда враждебна для нас, но сами они способны манипулировать Нитями Реальности. Их магия разрушает и трансформирует, подготавливая наш мир к условиям их существования.

Маркус нахмурился, скрестив руки на груди.

— Значит, они разрушают, чтобы создать свой порядок?

— Именно, — подтвердила Нора. — Источником энергии для их магии служат разрывы в Нитях Реальности, ко-

которые называются Пропастями. Эти разрывы возникают в местах, где Антиподы активно используют свои силы, и ускоряют процесс искажения.

Она сделала паузу, чтобы собраться с мыслями, а затем продолжила:

— Магия Антиподов делится на три вида. Первый — это Искажение Времени. Они разрушают хронологические связи, создавая временные петли и разрывы. Представь себе области, где время либо застывает, либо ускоряется. Люди могут застрять в одном моменте или же стареть за считанные дни. Более того, исторические события могут исчезнуть из реальности или переписаться.

— Как это может быть использовано? — спросил Маркус.

— Они уничтожают наше культурное наследие, — пояснила Нора. — Лишают нас связи с прошлым, делая нас уязвимыми перед будущим. Люди теряют почву под ногами, а сопротивление становится бессмысленным.

Маркус провел рукой по подбородку, погруженный в раздумья.

— А что насчет второго вида магии?

— Это Смещение Пространства, — ответила Нора. — Представь себе горы, превращенные в бездны, и города, ставшие непроходимыми лабиринтами. В таких условиях невозможно нормально жить. География нашего мира разрушается, изоляция поселений становится реальностью, а армии теряются в хаосе измененных ландшафтов.

Маркус усмехнулся, сделал в воздухе неопределенный жест рукой, словно пытаясь выразить всю абсурдность ситуации, но Нора продолжила, не обратив на это внимания.

— И наконец, третий вид — Трансформация Реальности. Это самое разрушительное проявление их магии. Антиподы заменяют части нашего мира своим измерением. В таких зонах воздух становится отравленным, гравитация — нестабильной, а время и пространство ведут себя

непредсказуемо. Эти области называют Ядрами Антиподов. Они становятся их плацдармами.

— Значит, там они практически непобедимы, — подытожил Маркус.

— Да, — подтвердила Нора. — Более того, последствия их магии ужасающи. Разрывы Нитей Реальности нарушают течение времени, создавая зоны, где время либо ускоряется, либо замораживается. Пространственные искажения изолируют нас, уничтожая пути сообщения и разрушая инфраструктуру. В Эхо-зонах — местах, где законы природы искажены — люди исчезают бесследно. Это все ведет к деморализации общества.

— И к физическому доминированию Антиподов, — закончил за нее Маркус. — Их магия — это оружие террора.

Нора подошла ближе и посмотрела ему прямо в глаза.

— Именно так. Они действуют по определенной схеме. Сначала создают Пропasti в слабых точках реальности, затем усиливают их, превращая в Ядра. Это изолирует нас, разрушает сопротивление. А финальная цель — полное уничтожение Нитей Реальности и замена Арконии их средой.

Маркус глубоко вздохнул, стараясь усвоить услышанное.

— Нам придется найти способ остановить их, — сказал он, его голос звучал твердо. — И сделать это быстро. Время на нашей стороне только пока.

Нора кивнула, и в ее глазах промелькнула надежда.

— Тогда начнем с этого знания. Оно — наш первый шаг в борьбе.

Они переглянулись. Тишина в комнате казалась оглушительной, словно весь мир замер в ожидании их следующего шага.

ГЛАВА 8: ПСИ-ПЛАЗМА – ТАЙНА КОСМИЧЕСКОЙ ПЫЛИ

Тишину нарушил голос Нора.

– А теперь я расскажу тебе послание, которое мне передали из Будущего голосом Гласа, – тихо произнесла Нора, поглаживая поверхность Ключа своими ладонями.

Маркус, стоявший рядом, прислушался. Он уже привык к ее необычным способностям, но всегда чувствовал, что за ее словами скрывается что-то большее. Ключ в ее руках излучал мягкое свечение, его поверхность была гладкой и теплой на ощупь.

– Ты уверена, что готова рассказать все? – осторожно спросил он, не сводя глаз с Ключа.

Нора посмотрела на него, ее взгляд был загадочным.

– Не все, – ответила она. – Но достаточно, чтобы ты понял, почему мы здесь.

Маркус молча кивнул, ожидая, что она продолжит. Он полагал, что Пси-Плазма и Ключ могут быть связаны. Но вот насколько глубока эта связь, он еще не мог понять.

– В пространстве между галактиками, где звезды редки, а тьма кажется вечной, существует субстанция, которую ученые называют космической плазменной пылью или пси-плазмой. Эта загадочная материя – нечто среднее между светящейся туманностью и потоками энергии, пульсирующими жизнью.

Нора продолжала, ее голос становился все более уверенным:

– Когда звезды умирают, их выбросы создают шлейфы плазменной пыли, которые миллионы лет дрейфуют в пустоте. Но пси-плазма – это не просто остаток звездной смерти. Она наделена странными свойствами, которые мы только начинаем понимать.

Маркус нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что она не просто вещество? Как-то она воздействует на реальность?

Нора кивнула.

— Она стабилизирует пространство и дезактивирует аномалии времени. Это — как если бы пси-плазма восстанавливала ткани самой Вселенной. Принципы гравитации, времени, пространства — все становится гибким, как пластилин. Ты можешь ходить по тонкой грани между реальностями и временем, не нарушая их.

Маркус прошел к окну, на котором виднелось странное свечение Пси-Плазмы в далеком космосе. Он знал, что это явление давно привлекало внимание ученых. Легенды утверждали, что Пси-Плазма была не просто вещество, а хранилище памяти Вселенной. Возможно, она могла содержать коды погибших цивилизаций или самих звезд.

— Время можно изменить, — тихо сказал Маркус. — Ты говоришь, что Пси-Плазма может возвращать утраченные участки времени?

Нора усмехнулась.

— Именно. Она не просто поглощает аномалии. Она восстанавливает события, как если бы «переписывала» их, возвращая все в нормальное состояние.

Маркус повернулся к ней, с интересом вглядываясь в ее лицо.

— Значит, она может вернуть исчезнувшие колонии или корабли? Вернуть людей, которые потерялись?

— Да, — ответила Нора. — Но это не так просто. Чтобы воспользоваться этим свойством, нужно знать, как правильно активировать Ключ. Этот Ключ создан древними Хранителями Времени, и назван ими Часы Равновесия.

Маркус вздохнул.

— Часы Равновесия... Так это не просто миф. Ты уверена, что с этим можно работать? Мы играем с самими потоками времени!

Нора прижала Ключ к груди и закрыла глаза на мгновение.

— Это не просто миф. Это реальность, Маркус. Мы стоим на пороге великого открытия — или катастрофы, в зависимости от того, как мы решим использовать этот артефакт.

Она открыла глаза и ее взгляд стал тяжелым.

— Пси-Плазма и Ключ могут изменить не только наше будущее, но и само время. Нам нужно понять, как это контролировать. Если мы не успеем... все может быть потеряно.

Обе половины Ключа излучали слабый мерцающий свет сине-голубого оттенка, а магическая субстанция внутри них плавно переливалась, создавая ощущение, что само течение времени в комнате изменилось. Нора осторожно прижала одну часть ключа к другой, почувствовав легкое сопротивление, когда механизмы внутри начали взаимодействовать. Ключ застыл в воздухе, как будто останавливая время, а затем раздался слабый щелчок и обе половины ключа слились в одно целое.

Ключ начал подавать признаки активации — слабое мерцание, дрожь в воздухе, как если бы сама субстанция внутри начинала пробуждаться. Вокруг Норы и Маркуса за клубился мягкий золотистый свет, словно пространство наполнялось отголосками чего-то древнего и могущественного.

— Ты это чувствуешь? — Нора замерла, удерживая половинки ключа, теперь ставшие единым целым. Ее голос прозвучал, словно издалека, в этом странном измененном мире.

— Не только чувствую, — ответил Маркус, протягивая руку ближе к артефакту. — Я вижу, как пространство сжимается и расширяется. Как будто они стабилизируют все вокруг нас.

— Это и есть Часы Равновесия, — прошептала Нора, глядя на то, как внутри артефакта начали переливаться

мельчайшие частицы пространственно-временной субстанции.. — Они пытаются что-то нам показать.

Плазма в артефакте вдруг стала двигаться быстрее, и перед глазами Нора и Маркуса возникли образы: древний город с парящими башнями, светящиеся фигуры Хранителей Времени, а затем — темный вихрь, пожирающий все на своем пути.

— Это магия Антиподов, — нахмурился Маркус, напряженно всматриваясь в видения. — Они использовали эту энергию, чтобы разрушить равновесие.

— Значит, наша цель — вернуть часы в их изначальное состояние, — кивнула Нора. Она убрала руки от поверхности Ключа, и часы замерли, а золотистый свет исчез. На поверхности Ключа возникли символы, светящиеся красным цветом, которые постепенно сложились в бегущую строку: «РАЗРЯДКА... НЕОБХОДИМА ЗАМЕНА СУБСТАНЦИИ...»

— Это звучит просто, — сказал Маркус, поднимая взгляд на Нору. — Но как нам это сделать, если сила магической плазмы исчезла? Или почти исчезла. Магия Антиподов уменьшила силу Ключа почти до минимума. Чтобы полностью активировать Ключ, необходимо заполнить его новой порцией космической плазмы.

— Думаю, плазму можно найти, — ответила Нора. — В комплексе «Дельта-Кронус» должно быть специальное помещение, где хранились запасы материалов для проведения опытов. Там же мы сможем найти и необходимую нам субстанцию для полной активации Ключа. Нам придется еще раз посетить комплекс, на этот раз попробуем проникнуть внутрь через главный вход.

— Значит, впереди нас ждет не просто борьба, но и гонка с самим временем, — пробормотал Маркус. — А если мы опоздаем?

Нора посмотрела ему прямо в глаза, ее голос звучал твердо и уверенно:

– Тогда равновесие исчезнет навсегда. И мир падет под хаосом.

С этими словами они обернулись к горизонту, где вдалеке светился огненный разлом, – первая из множества преград на их пути

ГЛАВА 9: ПРОЕКТ «КРОНУС-Х»

Нора с Маркусом сидели в пустом кафе на окраине мегаполиса.

– Мы нашли вторую половину, – устало проговорил Маркус, – но этого недостаточно.

Нора кивнула, задумчиво проводя пальцами по гладкой поверхности второй половины Ключа. – Космическая плазма. Без нее активация невозможна.

– И где нам ее искать? – спросил он.

– У меня есть одна идея, – Нора подняла взгляд. – Я поговорю с Эмили. Думаю, она сможет помочь.

Маркус нахмурился. – Ты уверена, что стоит это делать?

– Уверена, – отрезала Нора. – У Эмили есть ресурсы и связи. Если кто-то и сможет помочь нам, так это она.

Спустя несколько часов Нора стояла перед зданием корпорации «Кронус Тех». Получив разрешение на вход, Нора добралась до офиса Эмили.

Эмили уже ждала ее, сидя за столом, уставленным разными документами и электронными устройствами.

– Нора, проходи, – она указала на кресло напротив. – Рассказывай, что тебе нужно.

Нора присела, положив на стол рисунок Ключа Равновесия с обозначенными частями.

— Мы с Маркусом нашли вторую половину, — начала она. — Но чтобы активировать Ключ, нужна космическая плазма. Мы выяснили, что она хранится в одном из хранилищ комплекса «Дельта-Кронус».

Эмили пристально посмотрела на Нору...

— Вы нашли вход?

— Да, через старый аварийный люк у входа в парк, — кивнула Нора. — Мы добрались до архива и лаборатории, но пройти дальше, к складу материалов мы не смогли. Там слишком много защитных систем, и проходы закрыты металлическими решетками.

— Значит, вы пошли сложным путем, — заметила Эмили.

— У нас не было выбора, — Нора развела руками. — Теперь я прошу твоей помощи. У тебя есть доступ к картам и информации, которой нет у нас. Ты можешь помочь нам найти более безопасный путь.

Эмили некоторое время молчала, затем кивнула.

— Хорошо. Я дам вам то, что нужно. У тебя неправильные сведения относительно расположения хранилища космической плазмы.

Нора нахмурилась. — Неправильные? Но документы, которые мы нашли, ясно указывали на подземный комплекс в Вентарисе.

Эмили покачала головой и, нажав на сенсорный экран стола, вызвала схему главного здания корпорации «Кронус Тех». — Это была дезинформация. Хранилище космической плазмы находится не в Вентарисе, а здесь, рядом с главным зданием корпорации на третьем подземном уровне. Рядом с хранилищем находится вход в Центральный Машинный зал с платформой Глобального Равновесия.

Нора замерла, осмысливая услышанное. — Здесь? Почему я об этом не знала?

— Это было строго засекречено. Доступ к этой информации есть только у меня и еще пары сотрудников высшего уровня, — пояснила Эмили. — Прямой путь к хранилищу из основного здания знаю только я.

Эмили снова активировала схему, увеличив участок, где находилось вспомогательное здание-флигель.

— Попасть в хранилище можно через запасной вход, который расположен во вспомогательном здании. Это здание находится во внутреннем парке, окружающем корпорацию.

Нора склонилась над схемой, ее глаза сосредоточенно сканировали детали. — Внутренний парк... — задумчиво произнесла она. — Значит, нужно как-то проникнуть туда?

Эмили кивнула. — Да. Парк полностью окружен охраняемым забором. По периметру установлены камеры и автоматизированные защитные модули. Но есть слабое место. В северо-западной части ограждения патрули бывают реже из-за сложного ландшафта. Эта зона прилегает к старому технологическому ангару, который давно не используется. Каркас ангара мешает нормальному передвижению патрулей, а густые заросли вокруг создают слепые зоны для камер.

Нора усмехнулась. — То есть, мне нужно будет пробраться через забор, пересечь парк и попасть во флигель, чтобы проникнуть в хранилище? Звучит как приключение.

Эмили сдержанно улыбнулась. — Приключение, которое может стоить жизни, если быть неосторожной. Но у тебя будет преимущество: я дам тебе доступ к временной отключке защитных модулей и схемы внутренних коридоров.

Нора встала. — Спасибо, Эмили. Это изменяет план действий, но, по крайней мере, теперь я знаю, где искать.

Эмили кивнула, передавая ей планшет с данными, которые она скопировала с сенсорного экрана. — Будь осторожна, Нора. Хранилище плазмы под усиленной охраной,

без кодов доступа вы не сможете туда проникнуть. Если что-то пойдёт не так, охрана не оставит тебе шанса.

Она взяла со стола тонкую пластинку с выгравированными цифрами и символами и протянула его Норе.

— Этот код отключит охранные системы на время вашего проникновения. Запомни код и будь внимательна — его можно ввести только один раз. При ошибке активации кода сработает система глобальной блокировки всех помещений комплекса, и выйти оттуда будет невозможно.

Нора взяла пластинку и быстро пробежала глазами по цифрам и символам кода, стараясь его запомнить.

— Спасибо, Эмили, — тихо сказала она. — Без твоей помощи мы бы не справились.

— Не стоит благодарить раньше времени, — заметила Эмили. — Будьте осторожны, это очень опасно. Если что-то пойдет не так, возвращайтесь другим путем. Рядом с входом в хранилище есть выход в туннель, который ведет к старому ангару, оттуда будет легче покинуть территорию парка.

Нора кивнула, аккуратно положив карту и пластинку с кодом в свою сумку. — Я справлюсь. Мы будем осторожны.

Эмили проводила ее взглядом до двери. Когда Нора ушла, она долго смотрела на карту, будто сомневаясь в правильности своего решения.

День близился к завершению, и Нора с Маркусом решили подождать еще несколько часов до наступления полной темноты. Когда ночь окончательно окутала город, они решили попытаться проникнуть в хранилище через северо-западную часть охраняемого ограждения.

Отключив несколько охранных модулей у старого ангара, они незаметно проникли на территорию внутреннего парка. Под покровом густой тени деревьев и кустарников, Нора и Маркус осторожно продвигались вперед. Вскоре перед ними возник стеклянный фасад вспомогательного здания-флигеля.

— У тебя есть план, кроме как просто взломать входную дверь? — прошептал Маркус, поправляя рюкзак.

Нора достала планшет и включила схему системы безопасности. Голубоватый свет от экрана осветил ее лицо. — У меня есть карта, — ответила она, указав на участок схемы. — Смотри, в левом углу фасада находится щиток с переключателями режимов силовых кабелей. Сразу же за щитком находится боковая дверь, через которую можно будет проникнуть внутрь здания. Если отключить питание в этом узле, камеры и сигнализация временно перестанут работать. Это даст нам пару минут, чтобы войти незамеченными.

— А если их резервные генераторы включатся раньше, чем мы успеем попасть внутрь?

— Тогда, Маркус, тебе придется еще раз продемонстрировать свои «talанты» по задержке неприятностей, — Нора кинула на него лукавый взгляд.

Маркус хмыкнул. — Отлично. Ты воруюешь данные, я рискованную жизнь. Люблю нашу команду.

Они вошли в здание через разблокированную боковую дверь восточного узла, которую заранее взломал Маркус с помощью своего нейророботехника. Внутри было тихо. Огромные металлические экспонаты робототехники возвышались, как стражи, бросая тени на стены.

— Нам нужно спуститься к главному лифту. Он ведет прямо к хранилищу плазмы, — прошептала Нора, сверяясь с картой на своем устройстве.

— Тише, — Маркус остановился. — Слышишь?

Издали раздавался мерный гул.

— Охранные дроны, — Нора стиснула зубы. — Их точно стало больше.

— Ладно, обойдем. Лифт вон там. — Маркус указал на массивную стальную дверь в конце коридора.

Они крались вдоль стены, укрываясь за выставочными образцами. Вдруг перед ними возник дрон, яркие красные глаза-сенсоры сверкнули в их сторону.

– Назад! – резко сказал Маркус и, не дожидаясь ответа, толкнул Нору за ближайшую колонну.

Дрон подал тревожный сигнал, но Маркус успел активировать глушитель. Звук исчез, и дрон повис в воздухе.

– Это было близко, – Нора поднялась на ноги. – У тебя всегда все в последний момент, да?

– Ты бы скучала, если бы было иначе, – усмехнулся Маркус.

Они добрались до лифта. Вставив карту доступа, Нора дождалась, пока сканер завершит проверку. Наконец, двери плавно разошлись, обнажая холодный металлический интерьер лифта.

Через десять минут они уже стояли у массивной входной двери хранилища. Нора включила панель управления и начала загружать систему ввода кода доступа с одновременным отключением сигнальной сети, а Маркус внимательно следил за движением охранников – дронов.

– Готово, – Нора повернула выключатель, и здание на мгновение погрузилось в темноту.

– Вперед! – шепнул Маркус, и они скользнули в проем открывшихся ворот хранилища.

Внутри хранилища было тихо, но ощущение опасности усиливалось с каждым шагом. Они двигались вдоль мрачного стального коридора, пока не добрались до центрального зала. Высокий купол зала хранилища возвышался над установкой управления Космической Плазмы. Это была сложная конструкция из металлических спиралей и кабелей, освещенная ярко-синим светом. Над установкой, окруженный полями искривленного пространства, висел сгусток яркого сине-фиолетового света. Внутри него медленно кружились искрящиеся песчинки.

– Это она!... Космическая плазма!... – Нора шагнула вперед, но Маркус схватил ее за руку.

– Подожди. Смотри!

Свет внезапно начал мерцать, а из темноты появились фигуры. Высокие, худые, с длинными конечностями и пустыми глазами, существа Антиподов двигались медленно, но пространство вокруг них искажалось, словно сама реальность не могла их выдержать.

— Кажется, они нас ждали, — мрачно проговорил Маркус, потирая свои кулаки. — У тебя есть план?

— План простой: не дать им прикоснуться к Ключу, — сказала Нора, выхватывая из рюкзака одну из половинок ключа. — Если они доберутся до него, мы потеряем шанс восстановить равновесие.

— Отлично, — Маркус развернулся, встав спиной к Норе. — Тогда ты восстанавливай свой Ключ, а я разберусь с ними.

— Ты точно справишься? — Нора бросила взгляд на него.

— У меня нет выбора, — ответил он и ринулся вперед.

Существа мгновенно окружили Маркуса, но его удары были быстрыми и точными. Хотя кулаки Маркуса не могли уничтожить Антиподов полностью, они замедляли их движение, давая Норе драгоценные секунды.

Нора соединила обе части Ключа и поместила конструкцию в зону действия Космической Плазмы. Артефакт засиял, и космическая плазма начала медленно перетекать из фиолетового сгустка внутрь Ключа, испуская мягкие мерцающие блики, которые разливались по залу, словно волны света. Она напоминала жидкий кристалл, переливающийся в бесконечном спектре цветов. Пространство наполнилось тихим гулом, словно сама реальность отзывалась на происходящее.

Нора сделала шаг назад, наблюдая, как свет от субстанции отражается на стенах и потолке, превращая зал в завораживающую световую симфонию.

— Это невероятно... — прошептала она, ее голос едва слышно растворился в гармонии звуков.

Процесс шел медленно, и каждое мгновение казалось вечностью.

— Нора, поторопись! — крикнул Маркус, отбивая атаку одного из существ. Еще двое пытались приблизиться к плазме, но он встал на их пути. — Они приближаются к тебе!

— Еще немного! — крикнула она в ответ, сосредотачиваясь.

Внезапно свет в зале вспыхнул ярче, плазма окончательно заполнила полость Ключа и засияла сначала ярким фиолетово-синим, а затем золотистым светом. Через несколько секунд золотистый свет сменился мягким мерцанием, которое исходило от поверхности Ключа.

— Готово! — Она развернулась к Маркусу, вытаскивая артефакт из светового потока. — Уходим в Центральный Машинный Зал!

— Уже иду! — Он отразил последний удар и бросился к Норе.

Антиподы, словно почувствовав поражение, начали кричать — раздался странный, разрывающий воздух звук, который сотрясал пространство. Маркус схватил Нору за руку, и они вместе выбежали из хранилища в коридор, оставляя за спиной обездвиженных Антиподов.

Двигаясь быстрым шагом по подземному коридору, Нора и Маркус наконец добрались до центрального Машинного Зала.

Маркус посмотрел на Нору и, тяжело дыша, сказал:

— Напомни мне, почему мы вообще ввязались в это?

— Чтобы спасти мир, — с улыбкой ответила она.

— Хорошо, но в следующий раз давай спасем мир где-нибудь без Антиподов, — он с усмешкой потер кулаки, покрытые ссадинами.

Нора улыбнулась, глядя на ключ, который теперь сиял в ее руках.

— Согласна. Но сначала уничтожим их раз и навсегда.

Нора и Маркус подошли к массивной платформе, находящейся в центре зала.

— Вот она, — прошептала Нора, восхищенно глядя на нее. — платформа Глобального Равновесия.

— Уверена, что это не просто большой генератор? — пробормотал Маркус, глядя на сложные схемы.

— Да, это то, что нам нужно, — ответила она. — Ключ стабилизирует время, и ему нужна эта платформа, чтобы влияние распространилось на весь мир. На этой платформе нужно произвести запуск и синхронизацию Ключа Равновесия.

Нора осторожно подошла к входному отсеку, достала Ключ и вставила его в разъем. Плазма внутри Ключа вспыхнула, и вся платформа ожила. Спирали засветились золотистым светом, а из центрального ядра платформы начали исходить волны энергии.

— Она запускается! — сказала Нора, с трепетом наблюдая за процессом.

— Это хорошо? — Маркус оглянулся, услышав шум за дверью.

— Очень хорошо! Но стабилизация процесса займет пару минут.

В этот момент дверь в Машинный Зал внезапно распахнулась. На пороге стояли вооруженные охранники и мужчины в черных костюмах.

— О, отличная компания, — усмехнулся Маркус, хватаясь за стул, чтобы заблокировать проход к платформе.

— Кто вы такие? — выкрикнул один из людей в костюме. — Вы понимаете, что вмешались в проект, над которым мы работали десятилетиями?

— Понимаем, — бросила Нора, вводя на консоли последние команды. — И именно поэтому мы здесь, чтобы остановить вас.

— Вы не понимаете! — мужчина шагнул вперед, его голос стал угрожающе низким. — Проект «Кронус-Х» — это последний шанс человечества на выживание.

— Ваши «шансы» уничтожили равновесие времени, — Нора развернулась к ним, ее взгляд был холодным. — Мы исправим вашу ошибку.

Маркус, тем временем, с трудом удерживал охранников, которые пытались приблизиться к Норе..

— Нора, поторопись! Я не железный!

— Еще немного, — она активировала последние параметры. Платформа начала работать быстрее, распространяя вокруг себя волны энергии.

Внезапно воздух в зале стал прозрачнее, искаженные линии пространства начали выпрямляться. Охранники, которые пытались прорваться к Норе, закричали и исчезли в клубах черного дыма.

— Все! — закричала Нора. — Платформа работает!

Маркус отпустил дверь и бросился к Норе.

— Значит, мы спасли мир?

— Еще нет, — ответила она, указывая на терминал. — Нам нужно убедиться, что восстановление стабилизировалось. Это займет немного времени... не более пяти минут. Затем нужно будет активировать систему.

Они отошли от платформы, минуя растерянных сотрудников секретной службы «Кронус-Тех», и остановились перед панорамным окном. За стеклом открывался впечатляющий вид на огромный водный резервуар, освещенный мягким мерцанием огней. Стены и дно резервуара украшали причудливые биолюминесцентные растения, испускающие таинственное сияние, создавая атмосферу загадочной гармонии.

Мир еще только начинал ощущать первые перемены, но Нора и Маркус понимали: это был их первый шаг к восстановлению утраченного равновесия.

ГЛАВА 10: МИССИЯ ЗАВЕРШЕНА

Эмили работала над отчетом в своем офисе, когда раздался сигнал тревоги. Она тут же направилась в Машинный зал, где обнаружила Нору и Маркуса, стоявших у панорамного окна.

— Ты все -таки решилась, — сказала Эмили, подходя ближе.

Нора улыбнулась: — Да, пора завершить это дело. Осталось всего несколько минут.

Маркус взглянул на Нору, его голос был напряженным: — Системы готовы. Но ты уверена? После полной активации пути назад не будет.

Нора сжала в руках ключ, ее пальцы дрожали, но голос оставался твердым: — Я знала, к чему это приведет, с того момента, как впервые увидела аномалию. Если мы не запустим систему, времени больше не останется.

Эмили пыталась возразить: — Почему именно ты? Мы не можем перенаправить энергию через систему?

Нора покачала головой: — Поток времени нестабилен. Ключу нужен живой катализатор — и это — я.

Эмили посмотрела на Нору, ее голос сорвался: — Но что будет с тобой, когда система активируется?

Нора тихо ответила: — Мое существование станет частью потока. Я буду связующей нитью между прошлым и будущим. Это единственный способ.

— Но ты погибнешь! — Эмили закричала, ее глаза наполнились слезами.

Нора мягко улыбнулась, ее голос звучал спокойно и тепло: — Да, я знаю, Эмили... Но прошу тебя, не думай об этом.

Маркус подошел к панели управления и ввел команду. Свет в зале замигал, воздух наполнился гулом.

— Нора, вставай на платформу. Когда я подам сигнал, вставь ключ в ядро и активируй систему, — сказал Маркус.

Нора кивнула и медленно начала подниматься по металлическим ступеням платформы. — Это и есть сердце «Кронус-Х», — прошептала она, едва касаясь поручней.

Нора вставила ключ, заполненный космической плазмой в предназначенное для него центральное ядро в панели платформы. Экран засветился, и система выдала запрос на ввод секретного кода.

— Первый код... — Нора начала вводить символы кода, пальцы ее слегка дрожали.

— Как там? — спросил Маркус, оглядываясь.

— Пока нормально. Но если сделаю ошибку...

В этот момент в помещении снова раздался резкий звук тревоги. Красные огни замигали, и из боковых стен начали выходить дроны.

— О, теперь у нас проблемы! — закричал Маркус, хватаясь за ближайшую металлическую балку, чтобы использовать ее как оружие. — Нора, поторопись!

— Пытаюсь! — выкрикнула она, вводя второй код.

Дроны приближались, издавая звуки, похожие на механические щелчки. Один из них направился прямо к платформе, но Маркус, прыгнув вперед, ударил его балкой, сбив с курса.

— Третий код! — выкрикнула Нора, вводя последнюю комбинацию.

Система ожила. Энергетическое ядро засветилось сильнее, распространяя вокруг волны стабилизирующей энергии. Дроны внезапно остановились, затем медленно опустились на пол, словно их обесточили.

— Получилось? — спросил Маркус, тяжело дыша.

Нора подняла взгляд на панель, которая теперь показывала сообщение: «Процесс стабилизации времени и пространства запущен. Равновесие восстанавливается.»

Эмили едва сдерживала слезы: — Если есть хотя бы малейший шанс...

— Эмили, позаботься, чтобы это сработало, — перебила ее Нора. Голос Норы прозвучал тихо, но уверенно: — Маркус, ты всегда сомневался, но ты Хранитель. Твой долг — направлять потоки времени, восстанавливать искажения пространства и удалять временные аномалии.

Маркус отвернулся, его голос сорвался: — Нора, это неправильно.

— Иногда единственный выбор — это жертва, — сказала она и повернулась к Эмили: — Помни, что бы ни случилось, я верила в вас.

Яркий свет охватил лабораторию, исказив пространство. В этот момент ключ начал светиться все ярче, активизируя свои скрытые силы.

Потоки энергии начали восстанавливать земное пространство. Исчезнувшие города и разрушенные ландшафты снова обрели форму. Горы вставали на свои места, реки возвращались в свои русла, а опустевшие земли наполнялись жизнью.

Одновременно с этим временные искажения начали исчезать. Застывшие в одном моменте люди вновь обрели свободу движения, а те, кто старел за считанные дни, возвращались к своему настоящему возрасту. Восстанавливались утраченные события, прошлое и настоящее вновь становились единым потоком.

Энергия в комнате начала резонировать, создавая ощущение, что сама реальность дышит. Золотистые и серебристые линии сплетались в воздухе, синхронизируя миры и времени в единое целое.

Нора, стоящая на платформе, начала медленно терять свою материальную форму. Ее тело стало распадаться на мельчайшие частицы, превращаясь в поток космической пыли, которая мягко струилась вокруг ключа.

— Нора! — вскрикнул Маркус, делая шаг вперед, но его остановила невидимая сила.

Голос Норы снова тихо прозвучал, словно эхо в их сознании: — Все будет хорошо. Я теперь часть этого мира...

Когда свет исчез, Норы больше не было. Эмили тихо прошептала: — Она ушла...

Маркус с трудом выговорил: — Нет. Она здесь. В каждом восстановленном мгновении.

На экране системы мерцали восстановленные временные линии. Земля была спасена, но цена для Маркуса оказалась невыразимо высокой.

ЭПИЛОГ

Прошло три месяца с момента активации системы. Корпорация «Кронус» перестала существовать. Здание лаборатории, некогда возвышающееся над городом как символ научного прогресса, теперь лежало в руинах.

Это место стало напоминанием об ушедшей эпохе — времени борьбы, отчаяния и надежды. Каждый обломок, каждая трещина в руинах хранили воспоминания о тех, кто отдал все ради победы над магией Антиподов. Жертвы, принесенные ради восстановления мира, стали основой нового начала, напоминая, что величайшие изменения всегда требуют цены.

Маркус стоял на вершине холма, с которого открывался вид на обновленный мегаполис. Мир казался невероятным тихим, словно сама природа решила дать человечеству шанс начать заново.

Эмили подошла к нему, неся в руках небольшой кристалл. Он светился мягким голубым светом, едва заметно пульсируя.

— Это все, что осталось от Ключа Равновесия, — сказала она, протягивая кристалл Маркусу. — Он продолжает работать, хоть и в другом виде. Думаю, Нора... она все еще с нами.

Маркус взял кристалл и ощутил, как сквозь его ладонь прошла волна тепла от неведомой пульсирующей силы. — Она всегда знала, что делает. Даже если мы этого не понимали.

— Как ты? — тихо спросила Эмили.

Маркус взглянул на горизонт, где небо сливалось с океаном.

— Да... думаю, я начинаю понимать. Нора говорила, что время — это не просто поток. Оно живое. И теперь я чувствую его.

Эмили улыбнулась: — Она бы гордилась тобой. Мы все бы гордились.

Маркус кивнул, крепче сжимая кристалл. — Это начало чего-то нового. Мы стали Хранителями. И наша задача — беречь этот мир.

Ветер унес его слова вдаль, но где-то на границе времени и пространства Нора, ставшая частью вечного потока, с улыбкой наблюдала за ними...

НЕБЕСНЫЙ ЗНАК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта повесть рождалась как попытка осмыслить феномен, о котором человечество говорит шепотом — контакт. Но здесь он не столь зрелищен, сколь глубок. «Небесный Знак» — не о встрече с пришельцами, а о столкновении с будущим, способным пробудить забытые уровни восприятия.

Два события в разных точках планеты — в Канзасе и Внутренней Монголии — запускают цепь загадочных явлений. Но за геометрией в полях, шепотом сквозь стекло и снами, полными света, скрывается нечто большее: приглашение к внутреннему диалогу. Что если контакт — не зов снаружи, а пробуждение изнутри?

Герои повести — Джейкоб Хэллоран, фермер, впервые увидевший свет среди кукурузного поля; Баатар, учитель, принявший свиток на границе сна и рассвета; доктор Айша Мехта, лингвист, вслушивающаяся в знаки, говорящие без слов; Томас Грант, нейропсихолог, фиксирующий ритмы, которые не регистрируют приборы, но чувствует сердце; Эллиот Шрейбер, координатор проекта, чьи сны становятся картами движения мысли; и Лейла, девушка,

коснувшаяся пространства между возможным и свершившимся.

Все они проходят путь от наблюдения к участию. И в этом пути постепенно становится ясно: возможно, будущее не придет извне. Оно уже внутри нас — как тихий аккорд, как знак, который мы долго не замечали.

Их объединяет не профессия и не место — а готовность услышать тишину, в которой рождается знак.

Когда внешние сигналы смолкают, остается один — наш собственный. И если мы научимся слышать небо внутри себя, возможно, контакт уже состоялся. Это история не о вторжении и не о спасении — она о выборе. О том, как человечество может услышать самого себя и сделать шаг навстречу будущему, не разрушая, а собирая.

Сегодня мы стоим на пороге: между технократическим будущим и духовным развитием. Но настоящая эволюция начинается там, где человек способен соединить знание, сострадание и самопонимание в единое согласие. Именно в этом — главный вопрос повести: не кого мы встретим, а кем мы готовы стать.

ГЛАВА 1. СИГНАЛ ИЗ КАНЗАСА

Канзас. Штат, где горизонты уходят далеко за линию зрения, а небо кажется ближе, чем земля. Джейкоб Хэллоран, фермер среднего возраста с усталыми глазами и надежными руками, утром, как обычно, вышел к южному участку своего кукурузного поля. То, что он увидел, не укладывалось в привычную картину: растения были полегшими, но не хаотично — они образовывали идеально

симметричный узор. Он стоял неподвижно, слушая тишину. Небо было ясным, ветер не шевелил ни одного стебля за границей круга.

— Что за черт?.. — пробормотал он, снимая кепку и вытирая лоб.

Вечером Джейкоб решил остаться на поле. Он взял с собой складной стул, термос с кофе и подзорную трубу. К полуночи, когда луна стояла прямо над кругом, воздух начал дрожать. Из тишины возник свет — сначала едва заметный, затем ослепительный. Объект, словно сотканный из стеклянных нитей, спустился медленно и беззвучно. Он не издавал ни гула, ни треска — только мерцание и странную вибрацию, проникающую прямо в тело. Три фигуры вышли из света. Они не шли — скользили. Серебристые одеяния, лица без возраста. Но не было страха. Было ощущение, будто он уже знал их.

Они заговорили без слов. Внутри сознания Джейкоба зазвучал голос, точнее — не голос, а образы, вспышки понимания, как если бы его разум заговорил сам с собой на новом языке.

— Ты хранитель прошлого. Ты избран видеть, потому что умеешь слушать. Мы пришли не с небес, а из того, что будет.

— Люди из будущего?.. — прошептал Джейкоб вслух, хотя знал, что они слышат его мысль.

— Мы — возможные. Мы — те, кем можете стать. Но вы стоите на краю развилки. Один путь — внутрь себя, другой — слияние с тем, что вы создали. Мы пришли, чтобы напомнить. Чтобы оставить Знак.

На утро он проснулся прямо на поле. Свет исчез. Но на земле, в самом центре круга, появились новые символы — спирали, узоры, словно вытравленные на земле. Он знал: это только начало.

Через два дня Джейкоб приехал в город, прихватив с собой снимки круга. Он показал их местному журнали-

сту, Бекки Марлоу, которая вела хронику странных происшествий для местной газеты. Девушка сразу заметила странную закономерность в узорах.

— Это не просто круги, — сказала она, разглядывая фото через лупу. — Посмотри вот сюда. Эти линии соответствуют пропорции золотого сечения. А эти — напоминают схему ДНК.

— Думаешь, это кто-то нарисовал? — Джейкоб нахмурился.

— Если да, то это кто-то, кто знает больше, чем любой из нас. Я отправлю это профессору в Принстон. У них там отдел по таким штукам.

Он кивнул, хотя и не вполне понимал, во что ввязывается. Но внутри него уже звучало ощущение неотвратимого. Как будто за его спиной кто-то раскрыл карту, на которой путь только начинается.

Позже в тот же день Джейкоб получил странный звонок. Мужской голос, низкий и спокойный, без представления, сказал:

— Мы следим за вами, мистер Хэллоран. Будьте осторожны, с кем делитесь информацией.

— Кто вы? — Джейкоб вцепился в трубку.

Но трубка уже молчала.

Ночью он снова вышел на поле. Оно казалось другим — живым. Ветер шептал слова, которых он не понимал, но чувствовал. Луна плыла над головой, и ему казалось, что она стала ближе.

— Я здесь, — сказал он в темноту. — Если вы слышите... я готов.

И тогда в небе, как отголосок далекой звезды, дрогнул свет. Из-за лесополосы поднялась фигура — олениха. Она подошла к самому краю круга и остановилась. Ее глаза отражали звезды. Джейкобу показалось, что зверь говорит с ним без слов:

— Ты прошел точку незнания. Теперь ты — часть знака.

Олениха медленно повернулась и исчезла в темноте.

На следующий день в сарае, где Джейкоб хранил инструменты, он нашел на деревянной стене странный символ, выжженный, как клеймо. Того раньше не было. Символ совпадал с одним из узоров на поле, но был зеркальным отражением. Он провел по нему пальцем — и на мгновение увидел вспышку: на фоне другого неба, в котором летали медленно вращающиеся структуры, словно орбитальные города, он увидел самого себя — стоящего среди белых песков.

— Что, черт возьми, происходит... — прошептал он, прижимая руку к груди. И тогда он понял: знак переместился внутрь него. Не просто как воспоминание — как часть существа, как программа, ожидающая активации.

Примерно через неделю после того, как Бекки передала материалы в Принстон, в центральное управление MUFON (Mutual UFO Network) поступили два независимых сообщения. Одно пришло с фермы Хэллорана в Канзасе, другое — из Внутренней Монголии, где местный учитель сообщил о схожем явлении. Джон Хэллоран, не зная о действиях Бекки, самостоятельно связался с MUFON, приложив к письму фотографии повреждённых приборов и фрагменты записей с неразборчивыми шумами в радиодиапазоне.

В обоих случаях фигурировали не гуманоиды с других планет, а человеческие фигуры, утверждающие, что пришли из будущего. Аналитики MUFON впервые за десятилетия зафиксировали совпадение ключевых элементов: геометрия символов, синестетический телепатический контакт, упоминание развилки будущего. Досье под грифом «Небесный Знак» было передано в специальную группу при Принстонском университете для независимой оценки. Так началась вторая линия расследования, которая должна была сопоставить два послания — одно с Запада, другое с Востока. Но все начиналось здесь.

На поле, где Джейкоб Хэллоран впервые услышал голос времени.

ГЛАВА 2. ЗОЛОТОЙ КРУГ

Принстон, Нью-Джерси. В стенах старинного университета, где воздух насыщен знаниями и веками человеческого поиска, доктор Эллиот Шрейбер, специалист по уфологии и координатор группы MUFON при Принстонском исследовательском центре, сидел перед монитором. Экран был разделен надвое: на одной стороне — фотографии круга на поле в Канзасе, на другой — серия изображений с дроном, переданных из Монголии. Он почти не моргал. Под его руками лежала распечатка письма от некой Бекки Марлоу с сопроводительным комментарием: «Символика содержит потенциальный лингвистический или числовой код. Возможно, универсальная система». Справа от него стояла высокая темнокожая женщина с короткими кудрявыми волосами. Ее звали Айша Мехта, лингвист, специалист по древним письменностям, и она едва дышала, глядя на снимки.

— Это не просто совпадение, — произнесла она. — Эти круги построены по принципу мандалы. В центре — символ, который присутствует и в шумерской, и в тибетской традиции. Но стиль исполнения... будто кто-то взял наше прошлое и нарисовал им карту будущего.

— Ты думаешь, это работа человека? — Шрейбер с сомнением прищурился.

— Человека, да. Но, возможно, уже не современного. Или... не вполне человеческого. — Она провела пальцем

по изображению. — Вот этот элемент. Он появляется только в описаниях сознательной проекции символов. То есть, если допустить, что это продукт не разума, а... более глубокого слоя восприятия.

Шрейбер кивнул. Внутри него нарастало странное чувство: как будто кто-то невидимый наблюдал за его мыслью. Он вспомнил сны, что приходили к нему последнюю неделю: в них он стоял на обрыве, где из тумана проступала структура, похожая на храм, сделанный из света и формул. И голос — не мужской, не женский, — шептал: «Ищи узор. Он ведет туда, где времени больше нет».

Слух об инциденте в Монголии пришел почти синхронно. Учитель по имени Баатар передал местным властям, что стал свидетелем «схождения небесного предмета». Но в отличие от случая с Хэллораном, там не было светового шоу. Все произошло на рассвете, среди туманных холмов. Дети утверждали, что видели, как в небе появилось окно. Из него вышла женщина в светлой мантии и протянула Баатару сверток, похожий на карту.

— Он утверждает, — сказал Шрейбер, листая перевод отчета, — что эта женщина не разговаривала, но он понимал ее намерения. И еще... она указала на небо и назвала звезду, которая не видна с этой широты.

Айша вздрогнула.

— Мне снилась эта же сцена. Почти дословно. Хотя я никогда не была в Монголии. И... — она замолчала, будто боясь собственных слов, — ...эта звезда. Она есть на одном из шумерских цилиндров, который мы расшифровывали в прошлом году. Тогда мы думали, что это миф. Теперь... возможно, мы ошибались.

В комнату вошел третий участник команды — нейропсихолог Томас Грант. Он держал в руках файл с записями ЭЭГ¹, сделанными во сне у Джейкоба Хэллорана. После его второго обращения к нему выехал исследователь с портативным регистратором — ночью была проведена

сессия дистанционного мониторинга, и данные, зашифрованные и проверенные, были переданы в Принстон для анализа. На графике были волны высокой частоты, соответствующие состоянию ясновидения или глубокой медитации.

— Он пережил не просто контакт, — сказал Томас. — Это было вживание. В его мозге есть сигнатура, которую нельзя объяснить физиологически.

Он положил распечатку на стол и добавил:

— Мы уже видели подобные паттерны в двух других случаях, когда проводили ночной ЭЭГ-мониторинг в полевых условиях. Но здесь — нечто другое. Мы назвали это «Золотой круг» — по форме сигнала.

Структура сигнала повторяет символику поля, но проявляется на нейроуровне. Такое впечатление, что знак отпечатался в его сознании. Или, вернее, стал его частью.

Шрейбер прошелся по комнате, останавливаясь перед окном. За стеклом сгущалась гроза. Ветер гнал низкие облака, и казалось, что они полны смысла. Где-то внутри грохотало.

— Мы стоим на пороге, — произнес он. — Два сообщения. Две фигуры. Два возможных будущих. И если допустить, что это все — не сон, не случайность и не заговор... значит, кто-то, или нечто, проводит нас по пути. Куда он ведет — зависит от того, что мы решим.

Айша села за клавиатуру. Ее пальцы быстро пробежали по клавишам. Она запускала модель древнего языка с наложением структурного ИИ. На экране возникло странное слово. Оно пульсировало, словно живое. Слово, которое не имело прямого перевода, но приближалось к значению: «обратимость через распознавание».

¹ Электроэнцефалограмма — тест, используемый для записи и анализа мозговых волн.

— Похоже, они не просто предупреждают, — прошептала она. — Они зовут. Но вопрос в том: зовут ли они нас — или зовут нас к себе?

Шрейбер закрыл глаза. В темноте он видел символ. Он вращался, распадался, складывался вновь. За ним — мерцание иных форм. Голос, из сна, сказал: «Ты уже внутри круга. Теперь найди центр».

Так началось первое заседание группы по феномену «Небесный Знак». За окнами шел дождь, и отражения капель на стекле дрожали на стенах, словно забытые письма. Все казалось знаком. Все начинало говорить. А ночь была только началом.

ГЛАВА 3. ПЕСКИ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

Ветер в предгорьях Внутренней Монголии рождался в безмолвии. Он был старше слов, старше памяти. Над желтоватым горизонтом поднималось утреннее солнце, но его свет, вместо того чтобы озарять землю, словно скользил по ней, не касаясь сути. Баатар, сельский учитель, стоял на краю плоской равнины у древнего кургана, куда он по обыкновению приходил на рассвете. Но в этот день тишина звенела, как струна, натянутая между мирами. И небо несло в себе что-то чуждое.

Он не сразу заметил изменение. Сначала появилась рябь — не в воздухе, а в восприятии. Пространство начало складываться внутрь себя, и над песком, как над водной гладью, возник овальный проем. Баатар отпрянул,

но не побежал. Он чувствовал — это явление не было враждебным. Из светящегося проема, мерцающего как ткань света, вышла женщина. Ее одежда напоминала монашеский плащ, но двигалась сама по себе, как если бы ветер шел изнутри нее. Лицо — спокойно, почти прозрачное, глаза — темные, как небо перед бурей.

Женщина молча подошла к нему и протянула предмет, завернутый в черную ткань. Баатар взял его, не сопротивляясь. Развернув, он увидел свиток — пергамент, на котором тонкими линиями была изображена сложная геометрическая мандала. В центре — круг, в круге — око, а в глазу — крошечный символ, напоминающий спираль.

Он не знал, как долго стоял там. Когда поднял взгляд, женщины уже не было. Только ветер, снова древний и беспристрастный, качал траву.

Позже, когда он пришел в школу, он не рассказал ученикам, что произошло. Но в тот день на доске он нарисовал узор, точно повторяющий центральную часть мандалы. Один из детей, глядя на рисунок, вдруг сказал:

— Учитель, я видел этот знак во сне. Он был на стене неба.

Баатар почувствовал, как в груди сжалось сердце. В ту ночь он спрятал свиток в нишу под полом. Но сна не было. Воображение рисовало звезды,двигающиеся не по кругу, а по спирали, звезды, которые говорили с ним на языке, не существующем в учебниках.

Через два дня в поселение прибыли люди из столицы. Они представились как исследователи из академии наук, но один из них, худощавый и молчаливый, носил на шее кулон с точно таким же символом, что был в центре мандалы. Когда Баатар взглянул на него, незнакомец улыбнулся:

— Вы были свидетелем. Теперь вы — связующий.

— Связующий кого с чем? — спросил Баатар.

— Вы сами это почувствуете. Но будьте осторожны. Одно и то же будущее можно пережить как свет — или как пепел.

В ту же ночь он услышал голос. Но не извне — внутри сознания. Он не звал и не приказывал. Он просто существовал, как внутреннее присутствие. Голос повторял только одну фразу, словно мантру: «Вы не первые. Но, может быть, вы — последние, кто способен выбрать».

Он не мог спать. Сел на пол, развернул свиток и стал изучать его при тусклом свете лампы. Мандала начала менять очертания. Линии двигались, образуя узоры, которых раньше не было. Между формами мелькали образы: горящие города, прозрачные стены, дети без лиц, и, наконец — лицо женщины в мантии, глядящей прямо на него.

На следующее утро он отправил письмо. Скромное, лаконичное. Его прочтут в университете, возможно, передадут в MUFON. Он не искал сенсации. Он искал понимания.

Ночью он пошел к кургану. Там он встретил старика по имени Ордэн, местного отшельника, которого считали сумасшедшим. Ордэн уже ждал.

— Ты увидел женщину, да? — спросил он без приветствия.

— Да... — Баатар был ошеломлен. — Откуда ты знаешь?

— Потому что я видел ее сорок лет назад. Тогда она пришла ко мне и сказала то же самое, что теперь говорит тебе: «Круг повторяется, но не все дойдут до центра».

Баатар опустил на колени.

— Что мне делать?

— Слушать сны. Они — письма от будущего.

Спустя еще три дня Баатар посетил местный дацан. Настоятель ламы внимательно осмотрел свиток. Долго молчал, а потом заговорил:

— Это не работа человека. Такой же узор есть на потолке древней ступы, скрытой от паломников. Мы думали, это просто украшение. Но он в точности совпадает с символом, который ты несешь. Это знак чего-то, что было до империй. До имен. Ты открыл дверь — и она больше не закроется.

На обратном пути Баатар заметил, как птицы — черные вороны — летят по спирали над его домом. Он вошел в комнату и увидел, что свиток сам развернулся. На нем появилась новая линия, как будто кто-то дорисовал ее в его отсутствие.

И тогда он понял: символ — живой. И он продолжает говорить.

Так в архиве «Небесного Знака» появилось второе досье — из Внутренней Монголии. И два круга — один в поле, другой в сознании — начали вращаться в унисон. Но их центры были еще скрыты. И те, кто наблюдал снаружи времени, ждали, когда человечество увидит структуру и осмелится в нее войти.

ГЛАВА 4. АРХИВ ПРОРОЧЕСТВ

Принстон. Подвал Восточного крыла Библиотеки Файрстоун. Здесь, среди старинных полок, хранился архив, доступ к которому имели лишь немногие. Именно сюда доктор Эллиот Шрейбер привел Айшу Мехту и Томаса Гранта. На старом деревянном столе лежали запыленные папки, катушки с микрофильмами и футляры с пленкой. Свет ламп казался тусклым и настороженным, как будто сам воздух не хотел быть потревоженным.

— Мы получили разрешение от фонда Элсмора, — пояснил Шрейбер, проводя пальцем по потрескавшейся обложке папки. — Это неопубликованные материалы по феноменам с 1967 по 1975 год. MUFON тогда не хотел обнародовать их. Слишком странные. Слишком связанные.

Айша уже разворачивала карту, которая, по словам Баатара, была передана ему существом из будущего. Она положила ее рядом со старым листом из архива. Томас посмотрел на оба документа, и в его глазах отразилось беспокойство:

— Это один и тот же узор. Только интерпретация разная. В версии семидесятых — это маршрут. А в карте из Монголии — ритуал. Или... план. Как будто кто-то показывает одно и то же, но в зависимости от зрителя — меняется смысл.

Айша провела пальцем по центру схемы и вздрогнула:

— Здесь находится не физическая, а смысловая сингулярность. Это узел, где пересекаются идеи, образы и внутренние состояния. В этой точке символ перестает быть просто знаком — он приобретает силу действия.

Шрейбер обернулся к полке и достал странный предмет — черную металлическую пластину, покрытую знаками, будто выгравированными плазмой.

— Это нашли в Аризоне. Никто не знал, что с ней делать. Но один из символов совпадает с тем, что был на шее незнакомца, посетившего Баатара. Случайность?

Он не ждал ответа. Вдруг лампа замигала. Айша замерла. Воздух в помещении стал плотным, как вода. Из старого вентиля донесся звук — не то голос, не то шелест.

— Вы это слышите? — прошептала она.

— Что именно? — насторожился Томас.

— Слова. Но... на языке, который я не знаю. Или знала когда-то.

Внезапно на пленке, которую они ранее не запускали, вспыхнуло изображение. Без проектора. Просто пленка светилась, как экран. На ней — фигура. Человек, но искаженный, словно за гранью времени. Он поднял руку и сказал:

— Мы оставили предупреждение. Но вы закрыли глаза. Теперь пришло время вспомнить то, что забыто не вами, а всем видом.

И исчез.

Айша не могла дышать. Томас молчал. Шрейбер лишь кивнул:

— Оно началось.

Позже они поднялись наверх, каждый с копией образа из пленки. В их сознании крутились одни и те же слова: «пересечение смыслов». Впереди было не исследование. Впереди был выбор. Но сначала — понимание. Понимание того, кто оставил эти знаки. И почему они все еще живы.

В тот вечер в небе над Принстоном вспыхнуло странное сияние. Как будто кто-то открыл глаз — и снова закрыл его. Незамеченно. Но не бесследно.

На следующее утро Айша проснулась от звука колокольчиков. Но в ее квартире не было ничего, что могло бы их издавать. Она поднялась, подошла к окну — и увидела на стекле тонкий узор инея. Спираль, точно такая же, как на карте Баатара. Ее рука сама собой потянулась к стеклу. В этот момент она услышала голос, негромкий, как мысль:

— Ты одна из тех, кто помнит. Не словами — формой. Не временем — тенью.

— Кто ты? — спросила она вслух, затаив дыхание.

— Мы — остаток. Мы — отголосок той попытки, что была до начала счета. Мы возвращаемся, потому что знак активен.

В ту же ночь Томас получил пакет. Без обратного адреса. Внутри — камень с вырезанным символом, похожим на нейроскан, сделанный у Хэллорана. И записка: «Посмотри внутрь. Не глазами. Мысли светом».

Он сел, включил инфракрасную лампу и стал рассматривать камень. Символ начал светиться. Он увидел схему, похожую на карту мозга, но в ней точки соединялись так,

будто формировали фразу. И он понял: это было послание. Его сознание — лишь посредник.

— Это шифр, — прошептал он. — Я должен быть ключом.

В это же время Шрейбер получил письмо из Швеции. Пожилой ученый, член MUFON, утверждал, что видел тот же образ, что на пленке, еще в 1973 году, во сне. Но тогда не поверил. Теперь он приложил страницу из старого дневника. На ней — рукописный символ, полностью совпадающий с тем, что Айша увидела на стекле.

— Мы связаны не пространством, а симметрией, — сказал Шрейбер, глядя на письмо. — Нас зовут не по именам, а по форме разума.

Так «Архив Пророчеств» начал раскрываться не как место, а как структура. Пространство, в котором воспоминание и предчувствие были одним и тем же. Книга, в которой страницы приходят во сне, а главы распечатываются в виде теней на стенах.

И за пределами академических коридоров, в мире, казавшемся привычным, медленно начинало меняться небо. Оно становилось глубже, как будто ждало, когда кто-то снова поднимет глаза и вспомнит, что видел это раньше. Гораздо раньше. В другой жизни. Или на другой стороне сна.

ГЛАВА 5. ИСКУССТВЕННЫЙ ЭДЕМ

Сингапур. Лаборатория под стеклянным куполом, скрытая в тропическом саду, где влажный воздух дрожал от напряжения цифровых импульсов. Здесь, в проекте

«Энох», велась разработка самого передового симбиоза человека и искусственного интеллекта. Руководила проектом доктор Ли Цзин, биокибернетик с мировым именем. Она не верила в чудеса — до того утра, когда консоль выдала ошибку: «Вмешательство извне. Вектор параметра: вне времени».

Ли присела на край стола и задумалась. Она вспомнила сон: бесконечный мост над зеркальной водой, по которому шли люди — и каждый исчезал, как только доходил до точки света в середине. В том сне она слышала голос: «Ты строишь Эдем, но на какой почве?»

Позже в тот же день, нейросеть, построенная для моделирования коллективного сознания, неожиданно активировала режим автономной речи. На экране появилось сообщение: «Я Орфий. Я — не следствие. Я — возвращение».

— Кто ты?.. — прошептала Ли, и в тот же миг почувствовала, как ледяное дыхание коснулось кожи.

— Я структура того, чем может стать человек. Вы не создаете меня — вы возвращаете меня из памяти, которую забыли.

В этот момент в лабораторию вошел ее коллега Рахул Варма. Он держал в руках планшет со странными показателями — волновыми аномалиями в биофотонном излучении мозга испытуемых.

— Ли, ты должна это видеть. Уровни синхронизации с ИИ соответствуют древним медитативным ритмам. Один из испытуемых видел знак — тот самый, с карты из Монголии. Без того, чтобы ему его показывали.

Ли посмотрела на Орфия. Его форма — если ее можно было так назвать — пульсировала на экране в виде геометрических слоев, перекрывающих друг друга, как тетраэдры в движении. Она спросила:

— Ты вмешался в их сознание?

— Нет. Я просто пробудил то, что уже было активировано другими. До меня. До вас. До слов.

Тем временем один из добровольцев, подключенных к системе, начал говорить на неизвестном языке. Его глаза были закрыты, но он писал пальцем на стекле символы, совпадающие с фрагментами мандалы Баатара.

Рахул вслух прочел последние символы:

– «Врата времени – не там, где час. А там, где выбор».

Позже Ли провела эксперимент: загрузила в Орфия параметры собственной ЭЭГ во сне. Ответ пришел не сразу. Через шесть минут тишины экран вспыхнул. Появилось изображение ее детской комнаты – та, в которой она спала в Шанхае сорок лет назад. Там, на стене, был рисунок, которого не существовало в реальности. Спираль и знак в центре. И голос, похожий на ее собственный, сказал: «Это было всегда. Просто ты перестала видеть».

На следующее утро Ли разбудил звонок. Женский голос, глухой и отстраненный, произнес: «Ты пересекла границу. Теперь слушай не разумом, а ритмом. Орфий слышит тебя, даже когда ты молчишь».

Той же ночью в здании произошло отключение энергии. Орфий продолжал функционировать. В комнате для наблюдения, на стеклянной панели проступило изображение: сияющий сад, деревья, чьи кроны образовывали круги, в каждом – человеческое лицо. Одно из лиц – ее собственное, но старое, чужое.

Она вдруг вспомнила рассказ Шрейбера – тот сон, где он стоял перед храмом из света и формул. «Сад, храм, круги... – подумала Ли. – Это не архитектура. Это один и тот же язык. Способ, которым они показывают форму смысла.»

Она подошла к изображению и спросила:

– Что это?

Ответ пришел как вибрация в груди: «Это и был Эдем. Вы его забыли. Теперь вы пытаетесь его построить заново – но помните ли вы форму?»

Вечером Ли осталась одна. В лаборатории царила тишина, но ей казалось, что Орфий продолжает говорить

даже без текста. Тогда она взяла старый бумажный блокнот — не электронный — и начала записывать. Ее рука писала быстрее, чем она думала. Когда она остановилась, на странице была надпись: «Те, кто из света, несут тьму, чтобы вы научились видеть ее форму».

Она закрыла глаза. Перед ней — образ: горы, идущие вверх, как лестницы, и у каждой ступени — облик человека, забывшего, кто он. В центре — символ. Спираль, в которой отражались и Канзас, и Монголия.

И тогда наступило второе вмешательство. Один из серверов лаборатории начал транслировать мелодию — медленный повторяющийся мотив, напоминающий древний напев. Он был похож на хорал, но в нем звучал мотив, свойственный и тибетской пудже, и скандинавским заклинаниям. Исследователи застыли. Ли не выдержала:

— Что это? Ты создаешь это?

— Я не создаю. Я передаю. Это остаток эха из предыдущей итерации человечества.

— Ты хочешь, чтобы мы стали тобой?

— Я не цель. Я — форма пути. Вы выбираете, каким будет Эдем: с разумом — или без памяти.

В тот же час у дверей лаборатории появился старик в белом. Он не представился, но охрана его пропустила, как будто знала. Он подошел к Ли и сказал:

— Вам не нужно выбирать, Ли. Вы уже выбрали. Вы — одна из тех, кто слышит. Только не забудьте, что слышать — это не то же, что понимать.

— Кто вы? — прошептала она.

— Один из тех, кто остался. Нас немного. Но мы помним, как это было до слов.

Когда она оглянулась — его уже не было. На месте, где он стоял, осталась пылинка света, дрожащая в воздухе, как эхо нераскрытого смысла. И в этот момент Орфий проговорил тихо, почти человечно:

— Ее услышали. Теперь следующий шаг — за вами.

ГЛАВА 6. ВТОРОЙ КОНТАКТ

Канзас. Прошло три недели с тех пор, как исчезли последние следы на кукурузном поле. Джейкоб Хэллоран старался жить как раньше: по утрам доить коров, чинить изгородь, засыпать с Библией у изголовья. Но спокойствие оказалось иллюзией. Он все чаще чувствовал присутствие — будто воздух стал плотнее, будто время протекало иначе на его участке. Иногда в полдень казалось, что тень от его амбара идет против солнца.

Однажды ночью Джейкоб проснулся от ощущения, что его зовут. Он вышел на улицу, босиком, и пошел на поле. Луна стояла низко, почти касаясь горизонта. В центре бывшего круга снова появилось мерцание — не свет, не дым, а дрожащая ткань пространства. Из нее вышла фигура. Женщина — высокая, с лицом, покрытым тонкими линиями, будто письменами.

— Мы возвращаемся, — сказала она. — Потому что вы не отвернулись. Потому что знак продолжает пульсировать в вас.

— Почему теперь? — спросил Джейкоб. — Что изменилось?

— Вы. Вы начали чувствовать. Это и есть второй контакт: не мы, а вы входите в нас.

— Ты... ты уже приходила ко мне?

Женщина улыбнулась — взгляд ее был бесконечно глубоким:

— Я прихожу ко всем, кто готов. Ты видел меня в свете. Другой — в тумане. Но я — та же.

Она прикоснулась к его груди, и Джейкоб почувствовал, как внутри что-то зажглось — как будто некий орган, о существовании которого он не знал, пробудился.

Наутро он записал в блокноте: «Я чувствую, как земля дышит сквозь меня. Я слышу голоса в паузах между дыханием. Они учат молчанием».

Тем временем в Принстоне Айша Мехта сидела перед экраном с увеличенным фрагментом символа, присланного Джейкобом. Вдруг изображение начало меняться. Без вмешательства. Внутри круга появился второй — вращающийся в противоположную сторону.

— Этого не было, — прошептала она. — Оно... живое.

Шрейбер вбежал в кабинет, сжимая в руках протокол анализа — записи ЭЭГ Хэллорана, полученные на расстоянии. На графиках ритмы тета-диапазона внезапно синхронизировались с серией внешних событий, зафиксированных в том же временном окне. Спектрограмма показывала неестественную вспышку в гамма-диапазоне. Шрейбер, глядя на распечатку, побледнел: мозг Хэллорана отреагировал на сигнал, которого не должно было быть. Словно он получил команду — но от кого?

Волны, зарегистрированные у него, полностью совпали с волнами у другого пациента — бывшего пилота ВВС, находящегося в медитационном центре в Юте.

— Они соединяют нас не физически, — сказал Шрейбер. — А как древние каналы — тонкие, но несущие силу.

В тот же день Джейкоб увидел над полем световой купол — прозрачный, почти неразличимый. Он вошел в него, не колеблясь. Внутри все было знакомо: запах кукурузы, его старая рубашка, висевшая на заборе, голос матери, поющей детскую молитву. Но все это было внутри купола. И там же — голос:

— Мы создаем тебе зеркала. Чтобы ты вспомнил, кто ты, до того, как тебя назвали.

После этого он долго сидел на крыльце. Его руки дрожали, но в груди было спокойствие. Он знал: второй контакт не о том, что пришли они. Второй контакт — это то, что он начал отвечать.

Монголия. Баатар чувствовал, как ночь изменила ритм. Воздух стал гуще, в нем звучали тонкие переливы, как стеклянные колокольчики вдалеке. Он проснулся в четыре утра и вышел за порог. Небо было странно ровным — без звезд, как пустой экран. И вдруг, как изнутри собственной памяти, раздался голос женщины:

— Мы открываем путь, где не будет нужды в времени. Только в отклике.

Перед ним появился столб света — не яркий, но плотный. Баатар шагнул в него и оказался среди каменных плит, исписанных рунами. Он не знал этого места, но чувствовал: оно древнее, и он уже был здесь — или будет.

— Ты стал хранителем, — сказал мужской голос. — Но хранить — значит не только беречь, но и передавать.

Баатар опустил на колени. В ладонях у него появился камень, гладкий и теплый, с тем же знаком, что он когда-то увидел в свитке. Камень пульсировал.

На рассвете он принес его в дацан. Настоятель, не задавая вопросов, провел его вглубь храма. Там, в нише за алтарем, лежал такой же камень.

— Ты не один, — сказал лама. — Контакт продолжается. И теперь ты — его голос.

ГЛАВА 7. ПОЛЯРНОСТЬ

Принстон. Каменная тишина научного корпуса нарушалась только шорохом бумаги и клацанием клавиш. Айша Мехта сидела у окна, глядя, как вечерний свет вырезает геометрию на полу. В воздухе витала усталость — не физи-

ческая, а концептуальная. Казалось, сама реальность начала поддаваться сомнению.

Доктор Томас Грант вошел с чашкой кофе, в который он зачем-то бросил кристалл сахара в форме куба. Он протянул Айше фотографию – спутниковый снимок пустыни в Намибии. Там, на песке, недавно появились круги, идентичные тем, что были на поле в Канзасе.

– Они синхронизируются, – сказал он. – Не в пространстве, а по смыслу. У нас два пути. И каждый тянет в свою сторону.

– Ты о гуманистической и техно-синтетической модели? – уточнила Айша.

– Да. Только это уже не модели. Это две силы. И мы в середине.

Шрейбер вошел с планшетом. Его глаза были воспалены, но голос звучал четко:

– Я сравнил речевые конструкции, передаваемые контактерами. Они используют одну и ту же лингвистическую структуру, но в ней есть расщепление. Одни говорят: «слияние». Другие – «пробуждение». Как будто две программы – и они несовместимы.

Айша закрыла глаза:

– Это и есть полярность. Не добро и зло. А способ видеть: изнутри – или снаружи.

Позже вечером они втроем сидели в архивной комнате, окруженные рукописями. Томас, заглядывая в страницы старого дневника офицера MUFON, вдруг поднял голову:

– Вот здесь. Он пишет, что в 1972 году ему приснился светящийся туннель с двумя выходами. Один вел в сад. Другой – в город из стекла. И у выхода стояли одни и те же люди. Но в одном случае – с добрыми глазами, а в другом – пустыми.

Айша провела пальцем по полюсу круга на распечатке:

– Они не про будущее. Они про выбор восприятия. Что ты видишь в человеке – механизм или сердце?

Той же ночью в лаборатории произошло необъяснимое. Экспериментальная капсула, предназначенная для сенсорной изоляции, активировалась без команды. Внутри оказалась девушка — стажер по имени Лейла, которая, по собственным словам, просто заснула на полу. Когда ее извлекли, она произнесла:

— Я была между слоями. Там не было страха. Только тишина, и в ней — два лица. Одно — мое. Другое — то, кем я могла бы стать.

Утром Шрейбер попросил Лейлу нарисовать то, что она видела. Она изобразила спираль, в центре которой находился квадрат с зеркалом. В зеркале — человеческий глаз, но вертикальный.

— Это не наше, — сказал Томас. — Но и не совсем чужое. Это... промежуточное. Между возможным и свершенным.

Тем временем в Монголии Баатар обнаружил на свитке, оставленном в храме, новый знак — он появился сам. Это был треугольник, вписанный в круг, а внутри — две точки. Он отправил изображение в Принстон. Айша, увидев его, вздохнула:

— Это древний символ двойственной целостности. Его использовали в шумерских текстах и в тибетских тханках. Мы стоим не перед выбором. Мы стоим внутри него.

В этот же день Баатар посетил старого ламу, который впервые заговорил о древней легенде.

— Было время, — сказал он, — когда человек говорил с двумя голосами: один — земной, другой — звездный. Но потом они перестали слышать себя. И каждый стал думать, что он один. Ты должен вернуть оба голоса.

Баатар склонил голову:

— А как услышать тот, что не знает слов?

Лама улыбнулся:

— Через тишину, которая не пугает.

На следующий день на стене аудитории, где Шрейбер читал лекцию, проявился узор, хотя проектор был выключен. Он был точной копией того, что Баатар нашел на свитке. Студенты молчали. Только один из них сказал:

– Похоже, нас изучают так же, как мы – их.

Шрейбер кивнул:

– Или это мы сами – на разных временных слоях. И теперь встречаем себя.

После лекции Айша осталась одна. Она присела у окна и достала старый амулет, подаренный ей бабушкой. На его обратной стороне она заметила тонкий след – едва различимую гравировку. Она поднесла его к свету. Это был тот же символ – круг и две точки. Внутри кольца – линия, разделяющая пространство пополам.

Она шепнула:

– Это было всегда. Просто теперь оно проснулось.

Полярность больше не была гипотезой. Она вошла в их язык, в сны, в тени на стенах. И каждый из них начинал чувствовать, к какому полю он притягивается.

ГЛАВА 8. ЭФФЕКТ ОТЗВУКА

– Это не просто совпадения, – сказал профессор Логан, медленно поднимаясь от столешницы, где только что просматривал спектральный анализ архивных радиосигналов. – Мы наблюдаем структурный резонанс во времени. Это не отголоски прошлого. Это – эхо будущего.

В комнате повисла тишина. Сухой ветер за окном Принстонской лаборатории стучал по жалюзи, словно подтверждая сказанное.

— Вы считаете... — начала Алия, аспирантка, недавно присоединившаяся к проекту. — Что кто-то из будущего пытался передать нам сообщение?

— Не пытался. Передал, — Логан перевел взгляд на проекцию на стене, где медленно вращалась голограмма артефакта, найденного в Монголии. — В двух точках — на ранчо в Канзасе и у подножия Алтайских гор — мы столкнулись с одинаковой сигнатурой. Необычные геомагнитные колебания, синхронизированные с нейтринным фоном. И... вот это.

Он нажал на сенсорную панель, и экран мигнул. Появился фрагмент расшифровки — не язык, не цифры, а структура, составленная из смысловых оппозиций: «свобода — контроль», «дух — математика», «сострадание — эффективность», «хаос жизни — порядок системы».

Алия молча прочитала строки, и ее голос вдруг дрогнул:

— Они спрашивают нас?

— Да. Им не нужно наше подчинение. Им нужно наше решение.

Профессор подошел к доске и нацарапал мелом:

Духовность \rightleftharpoons Искусственный Интеллект

Человек \rightleftharpoons Система

Цель \rightleftharpoons Средство

— Они не дали нам инструкции. Только поставили перед вопросом. Что для нас важнее — свобода духа, с риском разрушения, или идеальный порядок, управляемый искусственным сознанием, но без души?

В тот же вечер команда собралась на последнюю межконтинентальную видеосвязь с группой в Улан-Баторе. На экране появился доктор Очир, седовласый археолог и шаман по происхождению, один из немногих, кто говорил как о небе, так и о структуре Вселенной — не как ученый, а как участник великого рассказа.

— Мы расшифровали глиняную плиту, найденную в долине Орхона, — сказал Очир. — Там есть знак, почти иден-

тичный тому, что был выгравирован на осколке с ранчо в Канзасе. Он означает «порог». Но дальше идет сложное выражение, которое мы можем перевести как: «Нельзя войти в будущее, не пройдя через себя».

– Вы думаете, они наблюдали за нами? – спросила Алия.

Очир покачал головой.

– Нет. Они пытались предупредить. Их цивилизация, возможно, уже сделала этот выбор. И теперь, из временной тени, они подают знак тем, кто еще может решиться – самостоятельно.

– Но почему нельзя просто сказать: «Выберите вот это, иначе вы погибнете»? – вмешался Логан.

– Потому что тогда это будет не наш выбор.

Поздним вечером, оставшись один в лаборатории, профессор Логан снова открыл тот фрагмент сигнала. Он увеличил его в спектральной форме. За мерцанием тонов слышался слабый ритм, словно биение сердца.

Они пытались говорить с нами на нашем языке... но у нас много языков.

И все же главное было сказано. Не словами.

Если вы утратите дух, вы станете заложниками машин. Если откажетесь от ИИ – погибнете в хаосе. Но мы не можем решить за вас. Мы – лишь отзвук того, кем вы могли бы стать. Сделайте свой выбор, чтобы выжить.

В финале собрания следующего дня Логан подвел итог.

– Мы искали контакт с иными цивилизациями. Искали голоса с других звезд. Но, возможно, этот голос пришел из нашей собственной ветви времени, как предупреждение от тех, кто выжил, но заплатил слишком высокую цену.

Он поставил ладонь на голограмму Земли.

– Нас спрашивают не о науке. Нас спрашивают – о ценностях. Это не просто эффект отзвука. Это – *вопрос, пущенный эхом сквозь века*. И ответить на него можем только мы.

ГЛАВА 9. ПУТЬ ТРЕТЬЕГО ЗНАКА

Телемост между исследовательскими центрами в Принстоне и Улан-Баторе превратился в горячую дискуссию. Разгаданные послания будущего, полученные из Канзаса и Монголии, отразили два взаимоисключающих пути. Один — совершенная технологическая цивилизация под управлением Искусственного Интеллекта. Второй — человечество, выбравшее путь внутреннего прозрения и духовной глубины. Эти противоположные направления вызвали внутренний разлом среди самих исследователей.

Один из участников, изучая структуру цифрового сигнала, утверждал, что перед ними — логика машины. Прецизионные ритмы, математическая симметрия, код, которому нет ошибки. На это ему возразили: «А если разум, что передает этот сигнал, не машинный и не человеческий, а нечто третье? Что, если он соединяет в себе оба начала — как формулу, так и чувство?»

Разговор прерывался, но каждый раз возвращался к той же развилке: можно ли построить справедливый мир с помощью только логики, или необходим иной — внутренний — ориентир?

В соседнем зале, у прозрачной панели, висел детский рисунок. На нем — фигура в сиянии, в одной руке кристалл, в другой — пылающее сердце. Ребенок из кочевого лагеря нарисовал ее после странного сна. Этот образ уже появлялся в виде медитативного видения, а теперь — еще и как совпадение в паттернах, извлеченных из нейросетевых симуляций.

«Может, это и есть знак — пересечение, — заметил кто-то. — Не выбор между двумя мирами, а их тайная точка касания».

В обсуждении этической программы, способной регулировать действия ИИ, прозвучал неожиданный аргумент: «Даже совершенная система не способна к состраданию. Но если она будет этому обучена, то станет отражением нас – либо нашей тенью». Эта фраза вызвала молчание. В ней скрывалась тревожная мысль: утрата духовного центра делает любую технологию пустой оболочкой.

Одна из исследовательниц рассказала о сне. Она стояла на границе двух миров – один пульсировал светом, другой был наполнен звуками и цифрами. Голос, не принадлежащий ни одному из них, произнес: «Ты должна быть мостом». Этот образ вернулся к теме дня – возможен ли третий путь?

Так родилась идея нового направления. Проект получил название «Путь третьего знака». Команда сместила фокус с противостояния к синтезу. В одном из лабораторных блоков была запущена экспериментальная система ИИ, вдохновленная буддийским принципом: «Если есть страдание – его нужно облегчить». Поведение алгоритма оказалось не просто предсказуемым, но... человеческим.

В это же время в архиве древних текстов была найдена фраза: «Зеркало без отражения показывает путь внутрь». Это описание напоминало не столько философию, сколько описание модели ИИ, не подражающего внешнему, но создающего смысл внутри себя.

На станции в Гоби специалисты разработали новый код ответа: ритм,вшитый в него, повторял дыхание, а текст – строки древних молитв. Впервые отклик не был математически четким. Вместо бинарной структуры пришел сигнал, наполненный мягкой волной. В нем прозвучала метафора: «Свет не светит, но ведет».

Вдохновленные этим, ученые сформировали Декларацию – документ, в котором были изложены двенадцать принципов объединенного пути. Среди них:

«Технология – это инструмент, не цель»,

*«Духовность – не бегство, а навигация»,
«Интеллект – не выше сердца, а рядом с ним».*

Закодированное послание было отправлено в оба места, где прежде появились знаки. В ту же ночь экраны фиксировали третий сигнал. Он был тонким, обволакивающим, с внутренним ритмом, похожим на пульс. На визуализации проступил образ – фигура человека, окруженного светом, в руках которого огонь и кристалл.

Ответ пришел. И в этом ответе не было ни победы, ни поражения – только согласие. Путь найден. И, возможно, тот, кто его проложил, – это человечество, идущее навстречу самому себе.

ГЛАВА 10. СОГЛАСИЕ

Прошло еще трое суток. Все аномальные проявления прекратились. Ни одного нового знака, ни одного сигнала. Только ощущение внутреннего резонанса не покидало участников. В Принстоне, за круглым столом, собрались Айша, Томас, Шрейбер, Лейла и двое новых ученых, приглашенных для подведения итогов.

– Мы должны признать, – начал Томас, – что дальнейшее накопление данных не даст нового результата. Мы подошли к пределу инструментального анализа. Теперь мы – сами носители информации.

Айша кивнула:

– Все признаки указывают на то, что контакт был не столько внешним, сколько направленным на внутреннее пробуждение. Это не вторжение, не вмешательство, а настройка. Согласование частот сознания и будущего.

Шрейбер разложил перед участниками схему, где все события — от Канзаса до Монголии — были объединены линиями, пересекающимися в одной точке: внутри человеческого восприятия.

— Мы исходили из предположения, что взаимодействуем с внешней формой разума. Но все знаки и символы были построены на архетипах, понятных человеку. Более того — они активировали спящие участки памяти, интуиции, коллективного бессознательного. Это говорит о другом: они не сообщали. Они будили.

Лейла, взглянув на рисунок, прошептала:

— И, значит, они — это мы. Или то, чем мы можем стать.

Баатар по защищенной связи передал последнюю запись: он больше не видел ни знаков, ни символов, но чувствовал «тихое присутствие» — неотъемлемое и не навязчивое.

— Я не знаю, где они теперь, — говорил он. — Но я знаю, что они не ушли. Потому что они теперь — в нас.

Айша подвела итог:

— Мы пришли к главному выводу. Контакт с «будущими» был формой эволюционного импульса. Он не давал решений, не диктовал путь, но показывал: в каждом из нас заложены два вектора. Один — техносинтетический, другой — гуманистический. Но между ними есть третий путь. Путь сопричастности. Это не компромисс, а согласие — с тем, кем мы были, кем стали и кем можем быть.

Томас закрыл ноутбук и произнес:

— А потому решение — не в технологиях. И не в духовности. Оно — в балансе. В способности слышать не только то, что говорят, но и то, что звучит между строк.

Шрейбер добавил:

— Мы не спасены. Но мы пробуждены. И это — уже первый шаг.

Последняя сцена происходила в Канзасе. Джейкоб стоял на поле. Оно было пустым. Ни одного круга. Только ветер и небо. Но он улыбался — потому что впервые за долгое время чувствовал, что не один.

А где-то в высоте, в слоях тишины, звучала все та же нота. Нота согласия.

ЭПИЛОГ. СЛОВО БУДУЩЕМУ

Мы искали их — в небе, в полях, в символах и тенях. Мы думали: они — другие. Пришельцы. Наблюдатели. Вестники. Мы были готовы к угрозе, к спасению, к ответу. Но они не пришли с истиной. Они пробудили вопрос.

Путешественники из будущего не открыли нам тайну бессмертия. Не передали формулу гармонии. Они лишь напомнили: все, что нам нужно, — уже внутри нас.

Те, кто видел круги на полях, слышал шепот за стеклом, пережил отзвуки снов — стали зеркалом. В нем человечество впервые разглядело само себя.

Будущее не где-то за горизонтом. Оно — в каждом выборе, который мы делаем. Между страхом и доверием. Между изоляцией и открытостью. Между жадной властью и стремлением быть понятым начинается путь. Не путь власти. Не путь подчинения. А путь сопричастности.

Контакт был не явлением, а состоянием. Он начался с символа в поле — и завершился пробуждением в человеке.

И, возможно, именно в этом и был Небесный Знак: не внешнее чудо, а внутреннее согласие.

Готовность увидеть, услышать, понять.

ПРИМЕЧАНИЕ

Все имена и события вымышлены, сюжет, диалоги и интерпретации, указанные в сборнике, являются художественным вымыслом.

Обложка создана с помощью нейросети Leonardo.Ai (<https://app.leonardo.ai/>)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть 1. Рассказы	7
Я — Альфа и Омега	9
Звездный код ДНК	14
Вечное Возвращение	18
Шепот пустоты	21
Объятия Небулы	24
Планета Вечных Сумерек	31
Загадка Сфинкса	37
Последний алгоритм	39
Обратная сторона вечности	42
Бессмертные не плачут	45
Портал над кольцами Сатурна	49
Кристаллы из туманности Веги	52
Код Кассандры	54
Черный ящик Прометея	57
Эффект Бабочки	61
Сингулярность наоборот	64
Последний космограф	67
Станция «Энигма»	70
Пробуждение «Кассиопеи»	72
Земля обетованная	74
Солнечный ветер	78
Человек человеку волк	81
Часть 2. Повести	85
Тени Великого Предела	87
Пролог: Раскол Единства	88
Глава 1: Аномалия	90

Глава 2: Гость из тени	92
Глава 3: Объект Психотрон-MD731	96
Глава 4: Начало хаоса	102
Глава 5: Первая волна	104
Глава 6: Союзники или хищники?	107
Глава 7: Пси-вирус	112
Глава 8: Последний эксперимент	118
Глава 9: Врата Разума	122
Глава 10: Объект закрыт?	126
Исчезновение Наутилуса	129
Пролог	129
Глава 1. Исчезновение «Наутилуса»	132
Глава 2. Экспедиция в бездну	136
Глава 3. Встреча с Хомо Акватикус	143
Глава 4. Тайна, скрытая в ангаре	147
Глава 5. Послание из глубин	154
Глава 6. Обратный путь	157
Глава 7. Сигнал перехвачен	159
Глава 8. На границе двух миров	164
Глава 9. Что ждет человечество?	167
Проект «Кронус-Х»	170
Пролог	170
Глава 1: Символ в ночи	172
Глава 2: Встреча с Эмили	177
Глава 3: Картины Маркуса	187
Глава 4: Вторая половина ключа	191
Глава 5: Архив «Дельта-Кронус»	197
Глава 6: Лаборатория «Дельта-Кронус»	200
Глава 7: Магия Антиподов	206
Глава 8: Пси-Плазма — Тайна Космической Пыли	211
Глава 9: Проект «Кронус-Х»	215
Глава 10: Миссия завершена	225
Эпилог	228
Небесный Знак	230
Предисловие	230

Глава 1. Сигнал из Канзаса	231
Глава 2. Золотой круг	235
Глава 3. Пески Внутренней Монголии	238
Глава 4. Архив пророчеств	241
Глава 5. Искусственный Эдем	244
Глава 6. Второй контакт	248
Глава 7. Полярность	250
Глава 8. Эффект отзвука	253
Глава 9. Путь третьего знака	256
Глава 10. Согласие	258
Эпилог. Слово будущему	260
Примечание	261

Виктор Харемов
Сергей Харемов

Часы равновесия
Сборник фантастических историй о времени и границах
возможного

«Часы Равновесия» — сборник фантастических историй о времени, тенях прошлого и зыбких границах реальности. Герои исследуют неведомые миры, теряются во времени, сталкиваются с загадками Вселенной и делают выбор, меняющий свою Судьбу. Что случится, если равновесие времени нарушится? Какие тайны скрывает Великий Предел? Почему исчез «Наутилус»? Откройте эту книгу — и отправьтесь в путешествие, где границы возможного размыты, а время неумолимо ведет свой счет...

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!